

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. — старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кругликов Л.Л. — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Бровкин В.Б. — начальник Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России;

Тимофеев Ю.Ю. — начальник правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. — заведующий кафедрой криминологии Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Попов В.В. — заместитель главы Администрации г. Вологды, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Уканов К.Ш. — начальник Академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Крымов А.А. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Лапшин В.Ф. — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. — директор филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. — директор Высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. — заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 3 (15)
Вологда 2011

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Л.Л. КРУГЛИКОВ

Исполнение преступления совместно с несовершеннолетними: вопросы квалификации 4

Н.В. МИРОШНИЧЕНКО

Профессиональные правила и последствия их нарушения: виды и взаимосвязи 9

Н.В. ГОНЧАРОВ

Основные этапы эволюции системы мер уголовно-правового характера в России 12

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

С.М. ЗУБАРЕВ

Основные подходы к организации мест лишения свободы для несовершеннолетних осужденных в цепочках реформирования УИС 15

С.Л. БАБАЯН

Поощрительный институт изменения условий содержания осужденных (нормативное регулирование и реализация в исправительных учреждениях) 21

А.О. ЗУБОВА

Общественно полезный труд и профессиональная подготовка осужденных, отбывающих наказание в следственном изоляторе 26

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Б.Я. ГАВРИЛОВ

О полномочиях прокурора в досудебном производстве: современное состояние и пути совершенствования 29

Л.В. КАЗАРИНОВА

Процессуальные аспекты обеспечения безопасности, прав и законных интересов осужденных при рассмотрении преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы 34

С.А. ЗЛОТНИКОВ, В.М. КИРИЧЕНКО

Проблемы подготовки осужденных, отбывающих лишение свободы, к освобождению в свете реформирования уголовно-исполнительной системы 39

О.В. КРУГЛИКОВА

Особенности тактики допроса свидетелей и потерпевших по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования 44

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . . 49

В.М. ПОЗДНЯКОВ, А.Н. МИХАЙЛОВ

Психологические особенности трансформации личности осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения, и их учет в деятельности сотрудников психологической службы УИС России . . . 49

М.А. ЧЕРКАСОВА

Теоретические подходы к выявлению сущности понятия «профессиональное выгорание» 54

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ 57

И.Ю. ЖДАНОВ

Актуальные проблемы защиты конкуренции 57

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 61

С.М. СВИЛО

Женская преступность в Республике Беларусь: состояние, структура, динамика и характер 61

А.М. СЫСОЕВ

Криминализация деяний, мотивированных ненавистью или враждой: за и против 67

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 71

Д.Б. МИННИГУЛОВА

Негативные положения договора на обучение государственных гражданских служащих 71

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 75

Н.А. БЕЛОВА

Русская православная церковь и тюремные учреждения: традиции взаимоотношений 75

А.Л. КУЗЬМИНЫХ

Правовое регулирование режима военного плена в СССР в период Второй мировой войны: теория и практика 82

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ 93

В.Ф. ЛАПШИН

Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних в Северо-Западном федеральном округе России 93

РЕЦЕНЗИИ 96

З.С. ЗАРИПОВ

Рецензия на курс лекций «Противодействие коррупции» 96

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ 96

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 97

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 98

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION	4	M.A. TCHERKASOVA Theoretical approaches to identifying the essence of the concept of «professional burnout»	54
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY		TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY	57
L.L. KRUGLIKOV Commission of crime together with minors: classification issues.	4	I.J. ZHDANOV Actual problems of protection of a competition.	57
N.V. MIROSHNICHENKO Professional rules and the consequences of their violation: types and correlations	9	FOREIGN EXPERIENCE	61
N.V. GONCHAROV The main stages of evolution of the legal criminal measure system in Russia	12	S.M. SVILO Female crime in Republic of Belarus: status, structure, dynamics and character	61
CRIMINAL EXECUTIVE LAW		A.M. SYSOEV Criminalization of acts motivated by the hatred or enmity: for and against	67
S.M. ZUBAREV The main approaches to the organization of prisons for juvenile convicts in the conceptions of the penal system reformation	15	DISCUSSION IS WELCOME	71
S.L. BABAYAN Promotional Institute of changing conditions the detention of convicts (legal regulation and implementation in prison)	21	D.B. MINNIGULOVA Negative conditions of the education agreement of state civil servants	71
A.O. ZUBOVA The main features of public work and professional training using to the short-term convicted serving in investigative isolation cell	26	HISTORY PAGES	75
CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY		N.A. BELOVA Russian orthodox church and prisons: a tradition of relationships	75
B.J. GAVRILOV On the prosecutor's powers in pre-trial proceedings: current state and ways to improve	29	A.L. KUZMINYKH Legal regulation of a mode of a military captivity in the USSR in the Second World War: the theory and practice	82
L.V. KAZARINOVA The procedural aspects of security rights and legitimate interests of convicts during investigation of crimes in the penal system institutions	34	OUR RESEARCHES	93
S.A. ZLOTNIKOV, V.M. KIRICHENKO The issues of the release preparations for the imprisoned convicts in light of the penal system reformation	39	V.F. LAPSHIN Problems of the prevention of criminality of minors in Northwest Federal district of Russia	93
O.V. KRUGLIKOVA Some peculiarities of tactics of interrogating witnesses and victims in cases of fraud committed in the field of granting consumer credits	44	REVIEWS	96
TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK	49	Z.S. ZARIPOV Review on a course of lectures «Corruption counteraction»	96
V.M. POZDNYAKOV, A.N. MIKHAYLOV Psychological personality's transformation of prisoners when using the right to of non-convoy movement and their integration into the activities of staff of psychological services penitentiary system of Russia	49	NOVELTIES OF LITERATURE	96
		INFORMATION, ADVERTISEMENTS	97
		INFORMATION ABOUT THE AUTORS	98

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Исполнение преступления совместно с несовершеннолетними: вопросы квалификации

Л. Л. КРУГЛИКОВ – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

В статье анализируются вопросы квалификации уголовно наказуемых деяний, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность. Особое внимание уделяется юридически значимым признакам преступной группы, в которой принимают участие несовершеннолетние и малолетние лица. Выводы сформулированы на основе всестороннего изучения мнений, изложенных в научной литературе, с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и современной правоприменительной практики.

Ключевые слова: соучастие в совершении преступления; преступная группа; уголовная ответственность несовершеннолетних; вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления; квалификация преступлений.

Commission of crime together with minors: classification issues

L.L. KRUGLIKOV – Chief of the Criminal Law and Criminology Chair, Yaroslavl State University n.a. P.G. Demidov, Professor, Honoured Worker of Science, Doctor of Law

The article analyzes the crime classification issues related to the involvement of minors in criminal activities. Special attention is paid to the legally significant attributes of a criminal group, which include juveniles and young adults. The final conclusions are made on the basis of a comprehensive study of scientific approaches, and taking into account the explanations of The Supreme Court Plenum and the modern law enforcement practices.

Key words: abetment; criminal group; criminal responsibility of minors; involvement of minors in crime commission; classification of crimes.

В период с 2005 по первое полугодие 2010 гг. в Российской Федерации было зарегистрировано свыше 18,5 млн преступлений, около 700 тыс. из них совершено подростками или при их соучастии, около 1,2 млн

– группами лиц, в состав которых входили лица, не достигшие восемнадцати лет¹.

Группа лиц в различных ее модификациях выступает в качестве одного из наиболее часто используемых средств диффе-

ренциации ответственности с тенденцией к увеличению случаев применения в уголовном праве. Так, согласно нашим подсчетам по состоянию на 1 декабря 2001 г. этот признак был задействован в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) 149 раз, на 1 января 2006 г. – уже 160 раз, а на 1 января 2011 г. – 171, в том числе в последнее время простая группа лиц упоминается в 14 статьях, группа лиц по предварительному сговору – в 73, организованная группа – в 84. Столь серьезное внимание к рассматриваемому признаку неслучайно.

Во-первых, ежегодно до 30–40% осуждаемых осуществляют посягательство в группе лиц, а среди несовершеннолетних преступников этот показатель еще выше (76,5%)². Например, сейчас групповая форма хищений стала преобладающей. Так, 98,7% из 400 случаев соучастия в хищении, проанализированных С.Е. Квасницей, реализовано в группе³. По результатам наблюдений В.В. Соболева, группой лиц совершается 51% тяжких и особо тяжких преступлений, а разбоев и вымогательств еще больше⁴.

Во-вторых, при групповом способе совершения преступления возрастает вероятность причинения вреда (нарушения объекта уголовно-правовой охраны) или увеличения размера вреда. Данный признак соответствует всем критериям отбора обстоятельства в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего). Отсюда вполне естественно включение разновидностей групп лиц в составы преступлений и формулирование с учетом этого повышенных санкций.

В-третьих, интерес к феномену преступной группы обусловлен и потребностями правоприменения. Так, по каждому третьему делу о преступлении, совершенном несколькими лицами, допускаются ошибки, влекущие либо способные повлечь отмену или изменение судебного приговора⁵. Кроме того, половина из 350 анкетированных сотрудников органов предварительного расследования и суда сталкивались с трудностями при квалификации группового посягательства⁶, 71% из 150 практических работников, опрошенных Е.Г. Быковой, подтвердил, что порой им бывает нелегко разграничить группы со сложным соучастием⁷.

Приходится, однако, констатировать, что, несмотря на повышенное внимание к проблеме групповых преступлений, большинство спорных вопросов еще не решено. Это касается, в частности, соотношения понятий «группа лиц» и «институт соучастия», а также уголовно-правовой оценки факта

участия малолетних лиц в исполнении преступления. Так, 39,2% из 130 опрошенных сотрудников правоохранительных органов полагают, что такие деяния необходимо квалифицировать как соучастие в преступлении, 5,3% – как покушение на соучастие, 7,3% затруднились с оценкой⁸.

В конечном счете расхождения обусловлены различными трактовками понятия «групповое преступление». Существуют два основных подхода к пониманию группы лиц: 1) разновидность соучастия; 2) разновидность соучастия в одних случаях и явление вне соучастия в других (групповой способ).

Свою роль в этом сыграл Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Так, до недавнего времени он однозначно поддерживал вторую точку зрения, что нашло отражение в п. 13 постановления № 31 по делам о грабеже и разбое, где было сказано: «...группа лиц есть независимо от того, что остальные участники преступления в силу недостижения возраста или по другим предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности»⁹. Та же мысль была выражена неоднократно по делам об изнасиловании (постановления от 25.03.1964 г. № 2, от 05.08.1967 г. № 37, от 22.04.1992 г. № 4)¹⁰.

В п. 12 постановления от 27.12.2002 г. № 29 по делам о краже, грабеже и разбое было заявлено, что, если лицо совершило данные виды преступлений «посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств», его действия следует квалифицировать по ч. 1 соответствующих статей¹¹, то есть отсутствует группа лиц и соучастие в целом. Это серьезный прорыв в правоприменительной практике, который можно только приветствовать¹².

Сторонники рассмотрения преступной группы в рамках института соучастия резонно полагают, что необходимыми признаками группового преступления являются: во-первых, особенности, которые присущи соучастию как родовому понятию¹³, во-вторых, специфические черты группы. Следовательно, преступная группа отсутствует, если виновный совершает деяние совместно с ненадлежащим субъектом.

В связи с этим возникают определенные сложности. Так, совершеннолетний К., желая обогатиться, склонил подростков М. и Б. (15 и 13 лет соответственно) к краже из квартиры Н., пообещав разделить поровну похищенное. Он получил их согласие и рас-

пределил между ними роли. После этого К. завладел ключами от квартиры спящего Н., а М. и Б., впоследствии проникнув туда, похитили музыкальный центр, две акустические колонки, DVD-проигрыватель, четыре DVD-диска, радиотелефон, две пары джинсовых брюк и другие вещи на общую сумму 13 800 руб. Деньги, полученные от реализации украденного имущества, они поделили на троих. Органы следствия и суд пришли к выводу, что хищение совершено группой лиц по предварительному сговору, хотя Б. в силу малолетнего возраста уголовной ответственности не подлежит. Основанием для такого вывода послужило разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащееся в п. 9 постановления от 14 февраля 2000 г. № 7, что при совершении малолетним преступления лицо, вовлекшее его в это деяние, в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ несет ответственность как исполнитель путем посредственного причинения¹⁴, а в связи с тем что имеются два соисполнителя, действовавших по предварительному сговору, налицо групповое преступление. Однако в кассационном представлении прокурора вывод о групповом характере преступления оспаривался, так как К. «действовал не как исполнитель содеянного, что утверждает судом, а как пособник»¹⁵, в обоснование чего была сделана ссылка на абзац 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «Действия лица, непосредственно не участвовавшего в хищении чужого имущества, но содействовавшего совершению этого преступления советами, указаниями либо заранее обещавшего скрыть следы преступления, устранить препятствия, не связанные с оказанием помощи непосредственным исполнителям преступления, сбыть похищенное и т.п., надлежит квалифицировать как соучастие в содеянном в форме пособничества со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ»¹⁶.

Думается, что в этом споре прав суд, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 33 исполнителем признается лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста или других обстоятельств, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Конечно, на самом деле виновный выполняет функцию соучастника, однако законодатель его считает исполнителем. Кроме того, взрослый как соисполнитель должен рас-

сматриваться в качестве члена преступной группы, поскольку в силу законодательного предписания он как бы замещает малолетнего, совершившего противоправное деяние совместно с другим уголовно ответственным лицом.

Согласно второй точке зрения, как уже упоминалось, группа лиц и соучастие – понятия, лишь частично совпадающие. Такому пониманию благоприятствует то, что ни в Общей, ни в Особенной частях УК РФ дефиниции преступной группы не дается (в Общей части нет даже ее обозначения). Статья 35 раскрывает только понятие «отдельные виды группового преступления». В итоге наблюдается множественность именовании: говорят о групповом преступлении, группе лиц, преступной группе, групповом способе исполнения деяния.

Последнее обозначение используется сторонниками Р.Р. Галиакбарова, по мнению которого не всегда группа лиц есть проявление формы соучастия в преступлении.

Приверженцы изложенной концепции исходят из того, что повышенная общественная опасность преступной группы может быть связана не только с соучастием в преступлении, но и с объективными признаками исполнения посягательства, способами его осуществления.

Надо признать, что в случаях использования преступником малолетних¹⁷, невиновно действующих и других подобных лиц в определенной мере возрастает вероятность достижения преступного результата и причинения большего вреда. Потерпевший воспринимает учиняемое против него посягательство как деяние, совершаемое не одним, а несколькими лицами, на что и рассчитывает виновный.

Нечто подобное имеет место в случаях разбоев, совершаемых с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК РФ). Речь идет о ситуациях, когда виновный использовал в ходе разбоя макеты оружия либо оружие, непригодное для применения по целевому назначению. Здесь так же, как и при объединении усилий с малолетним, возникают более широкие возможности реализации преступных намерений, подавления воли потерпевшего, достижения вредного результата, потому что потерпевший воспринимает учиняемое против него посягательство как деяние, совершаемое с использованием настоящего оружия, на что и рассчитывает виновный. Как рассматриваются такие случаи с точки зрения теории и практики?

Возможны две ситуации:

1) виновный в ходе разбоя угрожал заведомо негодным, незаряженным оружием или муляжом (макет пистолета, игрушечный кинжал и т.п.), не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в абзаце 3 п. 23 постановления от 27.12.2002 г. № 29 разъяснил, что в подобных случаях содеянное должно квалифицироваться по ч. 1 статьи о разбое, то есть без вменения квалифицирующего признака, описанного в ч. 2 ст. 162 УК РФ;

2) виновный, угрожая заведомо негодным оружием или муляжом, ошибочно полагал, что оружие настоящее. В этих случаях квалифицируют покушение как вид разбоя (ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 162 УК РФ), то есть признается, что квалифицирующего признака как такового не было.

Как видим, в обеих ситуациях совершение преступления облегчено благодаря наращению, объединению усилий, однако ввиду реального отсутствия обстоятельства, признаваемого квалифицирующим, утверждать о его наличии и вменять в вину недопустимо.

Точно так же, на наш взгляд, должен решаться вопрос о квалификации преступлений с участием малолетних. Если виновный прибегнул к помощи заведомо малолетнего, то, несмотря на внешнее присутствие группы лиц, появление облегчающего совершение преступления условия, восприятие потерпевшего и т.п., нельзя говорить о группе лиц из-за фактического отсутствия черт, характеризующих преступную группу, определяющих ее качественные особенности, уголовно-правовой статус. В случае же заблуждения, когда виновный не осознавал, что объединил усилия именно с малолетним, содеянное должно оцениваться по правилам фактической ошибки, то есть как покушение на более опасный вид преступления – посягательство группой лиц. Следу-

ет поэтому согласиться с мнением Г.А. Кригера, что «ни невменяемые, ни малолетние не могут образовать группу в смысле квалифицирующего... признака»¹⁸.

Между тем в исследованиях последних лет встречается понимание преступной группы как группового способа совершения преступления. Так, по мнению Е.Г. Быковой, групповое деяние мыслимо и вне соучастия. 44,6% практических работников, опрошенных ею, разделили эту позицию¹⁹.

Вряд ли корректно вести речь об умышленном и, следовательно, виновном сопричинении в ситуации, когда один из субъектов – ненадлежащее (малолетний, невменяемый) либо действующее невиновно лицо.

Поэтому мы считаем ошибочным признание недостатком того обстоятельства, что в прежнем и действующем Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за совершение общественно опасных деяний группой лиц ограничивается рамками института соучастия. А.Р. Зайнутдинова, Е.Г. Быкова и др., понимая несостоятельность концепции группового способа, предлагают новую редакцию анализируемого обстоятельства: «а равно совершенное совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности»²⁰. Использование при совершении преступных деяний «живого орудия», конечно, опасно, однако это может быть учтено при назначении наказания в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Кроме того, обязательным признаком преступной группы наряду с теми, которые определяют принадлежность ее к соучастию, является двусторонняя субъективная связь и согласованность поведения. Члены группы с разделением или без разделения ролей проявляют принципиальную готовность к выполнению любой диктуемой характером преступления функции. Все это касается как взрослых лиц, так и несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: <http://www.mvd.ru/>

² См.: Савельев Д.В. Преступная группа в сфере уголовной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 3.

³ См.: Квасница С.Е. Ответственность за соучастие в хищении чужого имущества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997. С. 2.

⁴ См.: Соболев В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 18.

⁵ См.: Там же. С. 3–4.

⁶ См.: Жих Ю.И. Уголовная ответственность за групповое хулиганство: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 4.

¹ См.: <http://www.mvd.ru/>

² См.: Savel'ev D.V. Prestupnaja gruppa v sfere ugovolnoj otvetstvennosti: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2000. S. 3.

³ См.: Kvasnica S.E. Otvetstvennost' za souchastie v hiwienii chuzhogo imuwestwa: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 1997. S. 2.

⁴ См.: Sobolev V.V. Osnovanie i differenciacija otvetstvennosti souchastnikov prestuplenija: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2000. S. 18.

⁵ См.: Там же. S. 3–4.

⁶ См.: Zhih Ju.I. Ugolovnaja otvetstvennost' za grupповое huliganstvo: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 1998. S. 4.

⁷ См.: Яровой А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями, совершаемыми организованными группами: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 14.

⁸ См.: Быкова Е.Г. Уголовно-правовые проблемы группового способа совершения преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 4.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 6.

¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1964. № 3; 1967. № 12; 1992. № 7. В уголовно-правовой литературе эту точку зрения особо активно отстаивал и продолжает отстаивать Р.Р. Галиакбаров (см., напр.: Галиакбаров Р.Р. Юридическая природа группы лиц в уголовном праве // Советская юстиция. 1970. № 11; Он же. Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации. Краснодар, 2000) и его сторонники (А.В. Шеслер, Д.В. Савельев и др.).

¹¹ См.: Сборник постановлений пленумов Верховного Суда Российской Федерации (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 2010. С. 181.

¹² Данную позицию мы отстаивали на протяжении многих лет (см., напр.: Кругликов Л.Л. Совершение преступления организованной группой какотягающее ответственность обстоятельство // Советская юстиция. 1981. № 19; Он же. Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступления. Ярославль, 1989; Он же. Группа лиц как квалифицирующее обстоятельство // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. Красноярск, 1989; Он же. Совершение преступления группой лиц как квалифицирующее обстоятельство // Право и современность. Караганда, 2001).

¹³ А.А. Яровой отмечает, что организованной группе присуще наличие «всех объективных и субъективных признаков соучастия» (см.: Яровой А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями, совершаемыми организованными группами. С. 14).

¹⁴ См.: Сборник постановлений пленумов Верховного Суда Российской Федерации (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам. С. 366. То же самое видим в п. 42 нового постановления от 1 февраля 2011 г. № 1, отменившего предыдущее (см.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2), который полностью соответствует ч. 2 ст. 33 УК РФ.

¹⁵ Архив Красноперекопского районного суда г. Ярославля. Дело № 1-318-05.

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2. С. 3.

¹⁷ В 2004 г. малолетними лицами было допущено 154 тыс. нарушений Уголовного кодекса Российской Федерации, в числе которых грабежи, разбои, убийства, нередко осуществленные групповым способом (см.: Российская газета. 2005. 12 апр.).

¹⁸ Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 230.

¹⁹ См.: Быкова Е.Г. Уголовно-правовые проблемы группового способа совершения преступления. С. 5.

²⁰ См.: Зайнутдинова А.Р. Ответственность за организованные формы соучастия в преступлении по российскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 197; Быкова Е.Г. Уголовно-правовые проблемы группового способа совершения преступления. С. 11.

⁷ Sm.: Jarovoj A.A. Ugolovno-pravovaja bor'ba s hiwenijami, sovershaemymi organizovannymi gruppami: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2000. S. 14.

⁸ Sm.: Bykova E.G. Ugolovno-pravovye problemy gruppovogo sposoba sovershenija prestuplenija: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2010. S. 4.

⁹ Bjulleten' Verhovnogo Suda RSFSR. 1966. № 6.

¹⁰ Sm.: Bjulleten' Verhovnogo Suda SSSR. 1964. № 3; 1967. № 12; 1992. № 7. V ugolovno-pravovoj literature jetu tochku zrenija osobo aktivno otstaiвал i prodolzhaet otstaiват' R.R. Galiakbarov (sm., napr.: Galiakbarov R.R. Juridicheskaja priroda gruppy lic v ugolovnom prave // Sovetskaja justicija. 1970. № 11; On zhe. Bor'ba s gruppovymi prestuplenijami: voprosy kvalifikacii. Krasnodar, 2000) i ego storonniki (A.V. Shesler, D.V. Savel'ev i dr.).

¹¹ Sm.: Sbornik postanovlenij plenumov Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii (RSFSR) i Verhovnogo Suda SSSR po ugolovnym delam. M., 2010. S. 181.

¹² Dannuju poziciju my otstaiвали na protjazhenii mnogih let (sm., napr.: Kругликов L.L. Sovershenie prestuplenija organizovannoj gruppoy kak otjagchajuwee otvetstvennost' obstojatel'stvo // Sovetskaja justicija. 1981. № 19; On zhe. Kvalificirujuwee obstojatel'stva: ponjatие, vidy, vlijanie na kvalifikaciju prestuplenija. Jaroslavl', 1989; On zhe. Gruppy lic kak kvalificirujuwee obstojatel'stvo // Sovershenstvovanie ugolovnogo zakonodatel'stva i praktiki ego primenenija. Krasnojarsk, 1989; On zhe. Sovershenie prestuplenija gruppoy lic kak kvalificirujuwee obstojatel'stvo // Pravo i sovremennost'. Karaganda, 2001).

¹³ A.A. Jarovoj otmechaet, chto organizovannoj gruppe prisuwee nalichie «vseh ob#ektivnyh i sub#ektivnyh priznakov souchastija» (sm.: Jarovoj A.A. Ugolovno-pravovaja bor'ba s hiwenijami, sovershaemymi organizovannymi gruppami. S. 14).

¹⁴ Sm.: Sbornik postanovlenij plenumov Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii (RSFSR) i Verhovnogo Suda SSSR po ugolovnym delam. S. 366. To zhe samoe vidim v p. 42 novogo postanovlenija ot 1 fevralja 2011 g. № 1, otmениvshego predyduwee (sm.: Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2011. № 2), kotoryj polnost'ju sootvetstvuet ch. 2 st. 33 UK RF.

¹⁵ Arhiv Krasnoperekopskogo rajonnogo suda g. Jaroslavlja. Delo № 1-318-05.

¹⁶ Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2003. № 2. S. 3.

¹⁷ V 2004 g. maloletnimi licami bylo dopuweno 154 tys. narushenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, v chisle kotoryh grabezhi, razboi, ubijstva, neredko osuwestvlennye gruppovym sposobom (sm.: Rossijskaja gazeta. 2005. 12 apr.).

¹⁸ Kriger G.A. Kvalifikacija hiwenij socialisticheskogo imuwestva. M., 1974. S. 230.

¹⁹ Sm.: Bykova E.G. Ugolovno-pravovye problemy gruppovogo sposoba sovershenija prestuplenija. S. 5.

²⁰ Sm.: Zajnutdinova A.R. Otvetstvennost' za organizovannye formy souchastija v prestuplenii po rossijskomu ugolovnomu pravu: Dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2001. S. 197; Bykova E.G. Ugolovno-pravovye problemy gruppovogo sposoba sovershenija prestuplenija. S. 11.

Профессиональные правила и последствия их нарушения: виды и взаимосвязи

Н.В. МИРОШНИЧЕНКО – заведующий кафедрой права Ставропольского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук

Статья посвящена исследованию отдельных аспектов уголовно-правовой оценки и конструирования преступлений, связанных с нарушением профессиональных правил. Автор классифицирует профессиональные правила и раскрывает последствия их нарушения, устанавливает связи и взаимозависимости между ними, на основе чего определяет социальную направленность соответствующих преступлений.

Ключевые слова: профессиональные правила; преступления, связанные с нарушением профессиональных обязанностей; последствия преступления; объект преступления.

Professional rules and the consequences of their violation: types and correlations

N.V. MIROSHNICHENKO – PhD in Law, Head of the Chair of Law Stavropol State Agrarian University

The article deals with the certain aspects of the criminal justice evaluation and construction of crimes, connected with the violation of professional rules. The classifications of professional rules and the consequences of their violations are presented. The author establishes links and correlations between the rules and violations and, for reasons given, determines the social orientation of the crimes connected with the violation of professional rules.

Key words: professional rules; crimes, connected with the violation of professional responsibilities; consequences of crime; object of a crime.

Вид и содержание профессиональных правил, которые могут быть нарушены лицом в процессе выполнения должностных функций, их социальная ценность выступают важным элементом уголовно-правовой характеристики профессиональных и служебных преступлений.

Необходимость уяснения, проверки и оценки таких правил неоднократно подчеркивалась высшей судебной инстанцией. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» указывалось: «при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ, судам надлежит выяснять, какими нормативными правовыми актами, а также иными документами установлены права и обязанности обвиняемого должностного лица, с приведением их в приговоре и указывать, злоупотребление какими из этих прав и обязанностей или

превышение каких из них вменяется ему в вину, со ссылкой на конкретные нормы (статью, часть, пункт)»¹. Аналогичные рекомендации содержатся в иных документах: постановлении от 05.06.2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога», постановлении от 09.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» и др.

В любом случае при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, связанных с нарушением каких-либо правил, в том числе и профессиональных, судам необходимо выяснять, в чем конкретно состояло ненадлежащее исполнение либо невыполнение, злоупотребление, в каком конкретном акте правила были закреплены.

Сами эти правила, учитывая многообразие видов профессиональной деятельности,

весьма многочисленны и в содержательном отношении крайне разнообразны. Однако они вполне могут быть сгруппированы в несколько блоков:

1. Правила принятия властных и управленческих решений. Такие решения могут состоять в осуществлении властных и (или) организационных функций в отношении неопределенного круга лиц либо затрагивать важнейшие аспекты правового статуса конкретного лица. В связи с этим общество и государство, во-первых, стремятся к тому, чтобы детально определить процедуру принятия управленческих решений; во-вторых, рассматривают правила их принятия в качестве разновидности социальных (правовых) норм; в-третьих, отводят правилам осуществления управленческой деятельности достаточно высокое место в иерархии нормативных актов. При таких условиях правила осуществления управленческой деятельности приобретают статус компонента системы гарантий прав и свобод человека – самостоятельной правовой ценности, достойной уголовно-правовой охраны. Защищая установленную процедуру, государство стремится сделать все, чтобы предупредить не только наступление негативных последствий от нарушения правил принятия и реализации управленческих решений, но и само нарушение их.

2. Правила выполнения некоторых специальных видов деятельности. Прежде всего, это работы, несоблюдение правил выполнения которых потенциально опасно наступлением негативных материальных, экологических и других последствий. Данная группа правил регулирует деятельность строго определенного круга лиц и на конкретном участке профессиональной деятельности. Надо учитывать, что, с одной стороны, эти правила могут быть обращены к лицам, выполняющим соответствующие виды работ не на профессиональной основе, а с другой – работа представителей некоторых профессий может быть подчинена одновременно правилам выполнения нескольких видов специальных работ. Такие правила являются уже не просто социальными, то есть регулирующими отношения между людьми: они обоснованно могут быть отнесены к группе технико-социальных норм, или технических правил, имеющих социальное значение, поскольку ими определяются порядок и методы обращения человека с теми или иными техническими или естественными объектами. Эти правила разработаны в целях предупреждения возможных негативных последствий. Учитывая последствия и

высокую вероятность их наступления в случае несоблюдения мер предосторожности, государство стремится закрепить соответствующие правила в виде законов, постановлений правительства, приказов министерств и иных актов. Их уровень и место в иерархии источников права могут быть различными. Главное, что эти правила всегда нормативно зафиксированы.

3. Правила, определяющие порядок выполнения производственно-технической, хозяйственной, социальной, культурной и прочих видов деятельности. Это самые общие правила профессиональной деятельности, не связанной с осуществлением управленческих функций и выполнением некоторых видов общепаспортных работ. Их специфика состоит в том, что они не имеют универсальной или предпочтительной формы фиксации, а в ряде случаев лишены и нормативной природы. Можно выделить три способа их закрепления: а) нормативные акты высокого уровня, отражающие самое общее, неконкретное содержание или цели профессиональной деятельности (закон Российской Федерации от 10.07.1992 г. № 3266-1 «Об образовании» дает дефиницию образования как целенаправленного процесса воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающегося констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов)²; б) кодексы профессиональной этики, фиксирующие этические нормы, определяющие общий порядок выполнения профессиональных функций³; в) трудовые договоры работников. Общая схема в данном случае следующая: чем выше уровень фиксации правил, тем менее они конкретны, и наоборот.

Обозначенные различия в профессиональных правилах имеют существенное значение для конструирования уголовно-правовых норм об ответственности за их нарушение. Дело в том, что общественная ценность и значимость этих правил далеко не одинакова. А потому государство в процессе реализации правовой политики дифференцированно оценивает общественную опасность нарушения правил, принимая во внимание как ценность самих предписаний, так и последствия их нарушений.

Последствия нарушений профессиональных правил, будучи разновидностью последствий социально значимых деяний, весьма многообразны по своим внешним проявлениям и содержанию. Но в целях проведения теоретического анализа поднятой пробле-

мы возможно их подразделить на две большие группы:

1. Последствия, которые А.С. Михлиным были отнесены к категории нематериального неличного вреда⁴. В качестве таковых можно рассматривать организационный, политический и правовой вред, вызванный нарушением установленного в стране правопорядка. Причем эти последствия не замыкаются на определенном участке нормативного регулирования профессии: локальное невыполнение правил влечет за собой сбой системы в целом, поскольку правила осуществления тех или иных видов работ включены в общую систему нормативной и социальной регламентации поведения людей в обществе.

2. Последствия, зависящие от профессии, содержания правил, нарушаемых субъектом, сферы взаимодействия человека с внешним миром (обществом, природой и техникой), ради упорядочения и безопасности которой эти правила были разработаны. Этот вид последствий включает в себя имущественный, физический, экологический, политический, моральный и другой вред, обусловленный несоблюдением профессиональных регламентов и проявляющийся на том участке внешней среды, который служит объектом профессионального воздействия личности.

Степень выраженности, вид и объем последствий весьма различны в каждом конкретном случае, что служит основанием для дифференциации средств правового воздействия на причинителей вреда. Так, например, уголовно-правовые санкции применяются в ситуации, когда совокупная оценка всех последствий достаточна для признания деяния общественно опасным и требующим криминализации. Если исходить из того, что такая оценка должна выражаться неким заданным числом, то между двумя выделенными группами последствий необходимо установить взаимозависимость: чем тяжелее вред, причиненный в процессе нарушения профессиональных функций, тем меньший объем последствий второго типа требуется для признания деяния пре-

ступлением, и наоборот, если нарушаются не такие жесткие правила, имеющие меньшее социальное значение, то криминализация деяния требует достаточного объема последствий второго типа.

Такой подход к оценке правил выполнения профессиональных функций и последствий их нарушения позволяет правильно понимать и интерпретировать законодательные решения об определении объекта профессионального или служебного преступления и его общественной опасности.

Исходя из изложенного становится очевидным, что объект преступного нарушения профессиональных функций усанавливается законодателем на основе сопоставительной оценки опасности последствий первого и второго типа.

Когда профессиональные правила четко определены, нормативно зафиксированы, обладают самостоятельной ценностью и разработаны специально в качестве правовых гарантий безопасности, законодатель полагает возможным определить объект преступления, связанного с их нарушением, ориентируясь на содержание этих правил. Это могут быть такие противоправные деяния, как незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, несоблюдение требований пожарной безопасности и др. Если правила осуществления профессиональной деятельности четко не регламентированы или имеют ориентировочный характер, они не воспринимаются как непреложный закон, нарушение которого влечет за собой ответственность, а потому главным критерием криминализации в данных случаях выступают последствия второго типа, исходя из содержания которых законодатель определяет объект посягательства и местоположение правовой нормы в системе уголовного права. Речь может идти о таких противоправных деяниях, как причинение вреда здоровью, смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 12.

² См.: СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 150.

³ См.: Кодекс профессиональной этики российского журналиста (Союза журналистов России). <http://www.mmdc.ru/self-regulation/dir74/single/236>; Этический кодекс медицинской сестры России. <http://www.med-pravo.ru/Ethics/NursCodeRF.htm>

⁴ См.: Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969. С. 18.

¹ Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2009. № 12.

² Sm.: SZ RF. 1996. № 3. St. 150.

³ Sm.: Kodeks professional'noj jetiki rossijskogo zhurnalista (Sojuza zhurnalistov Rossii). <http://www.mmdc.ru/self-regulation/dir74/single/236>; Jeticheskij kodeks medicinskoj sestry Rossii. <http://www.med-pravo.ru/Ethics/NursCodeRF.htm>

⁴ Sm.: Mihlin A.S. Posledstvija prestuplenija. M., 1969. S. 18.

Основные этапы эволюции системы мер уголовно-правового характера в России

Н.В. ГОНЧАРОВ – депутат Государственной Думы пятого созыва, член комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, кандидат социологических наук

В статье на основе проведенного автором историко-правового анализа уголовного закона предлагается оригинальная периодизация истории уголовных наказаний, определяются основные черты их законодательной эволюции, свидетельствующие о постоянном расширении спектра средств уголовно-правовой борьбы с преступностью и в то же время об отсутствии универсальной теории мер уголовно-правового характера.

Ключевые слова: историко-правовой метод; история уголовного права; меры уголовно-правового характера; история уголовных наказаний; альтернативы уголовному наказанию.

The main stages of evolution of the legal criminal measure system in Russia

N.V. GONCHAROV – deputy of State Duma of the 5th convocation, a member of the committee on civil, criminal, arbitral and procedural legislation, PhD in Social Studies

In the article the author presents the results of the conducted historical and legal analysis of criminal law in the regulating sphere of its action under the criminal law originally. The author suggests a periodization of their regulatory history, identifies the key features of evolution of these legislative measures, presents the evidence of the continued range expansion the means of the legal criminal crime prevention. The author also points out the absence of the universal theory of the legal criminal measures.

Key words: historical and legal method; the history of criminal law; the legal criminal measures; the history of criminal penalties; alternative penalties.

История уголовного права была и остается важнейшим разделом уголовно-правовой науки. Она всегда актуальна, поскольку, выявляя корни и пути трансформации уголовно-правовых предписаний, позволяет лучше понять их современное состояние и возможные перспективы дальнейшего развития. Л.В. Черепнин пишет: «Каким бы отдаленным отрезком времени не занималась история, через него она видит путь к сегодняшнему дню, а через сегодняшний день – в будущее»¹.

Интерес к истории особенно возрастает в кризисные периоды развития уголовного права, когда содержание его нормативных конструкций уже не отвечает общественным потребностям, когда требуется поиск новых, адекватных криминальным угрозам средств и методов уголовно-правового воздействия на преступность. Именно в такое время история уголовного права способна продемонстрировать практически весь спектр многообразных уголовно-полити-

ческих и уголовно-правовых решений, их правовые результаты, социальные и криминологические последствия. Историческое знание выступает при этом своего рода эмпирическим материалом, предоставляя столь необходимые современной социально-управленческой практике социальные модели и опытные образцы, которые могут служить и вполне надежной страховкой от необоснованных решений, и залогом успеха в непростом деле социального и уголовно-правового реформирования.

Сегодня российское уголовное право переживает как раз такой период своего развития. Мнение норвежского профессора Матиссона о кризисе уголовного наказания, высказанное в 1974 г., не просто получило широкое распространение в рамках общественно-политической дискуссии в России на рубеже XX–XXI вв., но и было экстраполировано на оценку практически всех направлений уголовно-правового регулирования: криминализацию деяний, установление

пределов уголовного права, параметры санкций, реформирование закона и т.д. Это позволило значительной части российских исследователей сформулировать в целом согласованную, единую позицию по признанию наличия глубочайшего системного кризиса уголовной политики и уголовного права, обоснованию необходимости решительных, кардинальных действий в целях обновления основ уголовно-правового регулирования.

Обращаясь к вопросам историко-правового анализа процессов становления и развития мер уголовно-правового характера в российском праве, важно отметить, что к сегодняшнему дню они не получили всестороннего и целостного освещения на страницах юридической печати. Наука традиционно уделяет повышенное внимание проблемам генезиса уголовного наказания, в рамках соответствующих разработок обращается к изучению истории мер воспитательного и медицинского характера, конфискации имущества, условного осуждения и т.д., однако работ, представляющих собой исследование всего комплекса мер уголовно-правового характера, пока нет. Между тем необходимость его очевидна: она определяется потребностью в получении новых знаний, позволяющих оценить современное состояние и перспективы развития мер уголовно-правового характера. Кроме того, в истории мер уголовно-правового характера сосредоточены основные направления эволюции исследуемой отрасли права в целом, а потому она способствует уточнению и развитию научных представлений о социально-исторической обусловленности уголовного права, его возможностях в деле борьбы с преступностью.

Тщательное исследование российского уголовного законодательства и правовой доктрины в части регламентации и понимания мер уголовно-правового характера на всем протяжении истории отечественного права позволяет предложить научной общественности для обсуждения следующие основные тезисы:

1. История уголовного права в целом может быть представлена как история становления и развития облеченных в правовую форму мер официальной, или государственной, реакции на совершаемые преступления. С момента зарождения уголовного права его меры, с одной стороны, определялись господствующими представлениями о природе преступления, общественным идеалом справедливости и

возможностями государственной власти, а с другой стороны, во многом определяли содержание уголовного законодательства и основные направления уголовной политики. История уголовного права и закона – это история поиска, отбора, апробации и внедрения наиболее эффективных мер уголовно-правового характера.

2. История законодательной регламентации мер уголовно-правового характера состоит из нескольких этапов, которые можно выделить исходя из их содержания. Этот вывод формировался под воздействием и с учетом таких факторов, как сила государственной власти и ее возможности в деле борьбы с преступлениями, конфигурация отношений общества и государства, роль права в жизни общества, доминирующая философия уголовного права, представления о его социальном предназначении, уровень гуманизации общественных отношений, степень развития уголовно-правовой доктрины. В соответствии с этим можно выделить:

1) период зарождения и утверждения представления о том, что уголовное наказание – единственно возможное средство уголовно-правового противодействия преступлениям. В это время произошла постепенная замена личной мести публичным наказанием, а роль государства трансформировалась из посреднической между преступником и потерпевшим в главенствующую при разрешении уголовно-правового конфликта (X–XV вв.);

2) период, в течение которого уголовное наказание превратилось из средства компенсации вреда, причиненного потерпевшему, и оказания государством посреднических услуг в средство индивидуализированного воздействия на преступника и предупреждения преступлений, что повлекло за собой как диверсификацию видов наказаний и их ужесточение, так и усиление субъективизма в выборе карательных средств, что стимулировало появление в праве гуманистических альтернатив наказанию (XV – первая половина XIX вв.);

3) период, в рамках которого в ходе научных дискуссий между представителями различных уголовно-правовых школ сформировалось представление об уголовном наказании как о крайнем и далеко не единственном средстве предупреждения преступлений, что повлекло за собой усиление частнопредупредительного потенциала наказаний, их смягчение и закрепление в уголовном законе гуманистических альтер-

натив уголовному наказанию (вторая половина XIX – начало XX вв.);

4) период, характеризующийся попыткой отказа от законодательного закрепления категории уголовного наказания и формирования системы мер социальной защиты как комплекса всех средств государственного реагирования на общественно опасные деяния, включая поведение невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности (1917–1934 гг.);

5) период, в рамках которого реанимируется понятие «наказание», формируется учение об уголовной ответственности как правовом последствии совершения преступления, возникают и закрепляются в законе в качестве легитимных средств воздействия на преступников и предупреждения преступлений альтернативы уголовной ответственности (1934–1996 гг.);

6) современный период, начавшийся с момента вступления в силу действующего УК РФ, специфика которого состоит в сосуществовании в уголовном законе и активном исследовании в науке таких понятий, как уголовно-правовые последствия совершения преступления, уголовная ответственность, меры уголовно-правового характера, наказание.

3. Рассматривая историю развития мер уголовно-правового характера, можно заметить, что с момента зарождения представлений о вине и субъективном вменении она стала представлять собой параллельное развитие двух систем: мер государственного реагирования на преступление как на ви-

новно совершенное общественно опасное деяние и мер воздействия на лиц, совершивших его при отсутствии чувства вины или должного представления о социальной значимости поступка. Наряду с этим в уголовном и других законах государство стремилось установить дополнительные меры воздействия на лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния либо склонных к их совершению. Это позволяет сделать вывод о стремлении законодателя использовать потенциал уголовного закона для регулирования всех отношений, связанных с совершением особо опасных для общества деяний и их предупреждением, и отсутствии четкого представления о сущности мер уголовно-правового характера и основаниях их применения.

4. Закрепление в УК РФ 1996 г. различных терминов для обозначения реакции государства на совершенное общественно опасное деяние является отражением отсутствия в науке единого представления о форме и содержании данной реакции, что порождает противоречивые законодательные и правоприменительные решения в этой области правового регулирования. В то же время достигнутый уровень и интенсивность научных исследований позволяют надеяться, что будет создано целостное, последовательное, гармоничное учение о мерах уголовно-правового характера, достойное служить основой для совершенствования отечественного уголовного законодательства и практики противодействия преступности.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. С. 272.

¹ Cherepnin L.V. Voprosy metodologii istoricheskogo issledovaniya. M., 1981. S. 272. ■

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Основные подходы к организации мест лишения свободы для несовершеннолетних осужденных в концепциях реформирования УИС

С.М. ЗУБАРЕВ – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

В статье исследуется развитие концептуальных идей и основных подходов к исполнению наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных, а также их закрепление в научных и программных документах в постсоветской России. В работе анализируются и сравниваются с ранее действовавшими концепциями реформирования УИС положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.

Ключевые слова: концепция; лишение свободы; несовершеннолетние осужденные; воспитательная колония; воспитательный центр.

The main approaches to the organization of prisons for juvenile convicts in the conceptions of the penal system reformation

S.M. ZUBAREV – professor of the Chair of the penal law and organizational and educational work with prisoners, PhD in law, Associate Professor

In the article the author analyzes the historical development of conceptual ideas and basic approaches to execution of custodial sentences for juvenile convicts in the post-Soviet Russia, as well as their fixation in scientific and policy documents. The author analyzes and compares the provisions of the Conception of the penal system development until 2020 with the ones of the previous conceptions of the penal system reformation.

Key words: conception; custodial restraint; juvenile convicts; juvenile correctional facility; educational center.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.¹ сформулированы новые подходы к организации исполнения лишения свободы, в том числе и в отношении несовершеннолетних осужденных. Надо отметить, что в нашей стране с конца 1980-х гг. неоднократно разрабатывались подобные научные и программные документы, которые содержали различные системы взглядов на совершенствование системы исполнения наказаний. Научный и практический опыт, накопленный за эти годы, безусловно, будет полезен при реализации современной концепции.

Одной из первых разработок такого рода стала подготовленная А.И. Зубковым в августе 1989 г. Концепция перестройки исправительно-трудовой деятельности в СССР на современном этапе². Главное содержание преобразований, по мысли исследователя, состояло в переводе всей исправительно-трудовой деятельности на гуманистические начала. Это касалось в первую очередь политики в сфере исполнения наказаний и реализующей ее отрасли законодательства. Обосновывая свою позицию, А.И. Зубков писал: «Наше исправительно-трудовое законодательство является наиболее жестким, содержащим массу присущих только ему

ограничений»³. По его мнению, оно давало лишь формальное представление о сущности исправительно-трудовой политики. Ведомственные нормативные акты (а они, как правило, закрытые) существенно искажали законы посредством ужесточения условий содержания осужденных и введения дополнительных ограничений. Поэтому прежде всего следовало определиться с сущностью изменений в политике и законодательстве по исполнению наказания в целом. «Только в этом случае, – подчеркивал А.И. Зубков, – можно ожидать кардинальных сдвигов в деле перевоспитания осужденных»⁴.

В концепции большое внимание было уделено проблемам дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в отношении всех категорий осужденных, в частности и прежде всего несовершеннолетних. Автор предлагал отказаться от деления воспитательных колоний на виды режима, ввести лишь требование обязательного раздельного содержания впервые судимых и рецидивистов, выделив в самостоятельную категорию особо опасных преступников. Условия содержания предлагалось дифференцировать внутри учреждения, изменять их по решению администрации, предусмотрев строгую изоляцию (камерное содержание), обычные условия и облегченные (работа вне территории учреждения без охраны и сопровождения). Это позволило бы отменить все переводы осужденных из одного учреждения в другое. А.И. Зубков наметил широкий спектр мероприятий по гуманизации условий и порядка отбывания наказания, таких как отмена массы надуманных ограничений в плане приобретения и пользования продуктами питания и предметами первой необходимости, предоставления свиданий и т.д.; предоставление осужденным возможности для индивидуального отправления религиозных обрядов; введение отпусков с выездом к месту жительства; включение в общий трудовой стаж времени работы осужденного и др.⁵ Многие концептуальные идеи, заложенные в рассматриваемом документе, впоследствии нашли закрепление в новом уголовно-исполнительном законодательстве.

В том же году на официальном уровне была предпринята попытка осмыслить сложившееся в УИС положение и предложить пути дальнейшего развития в рамках разработанной ГУИД МВД СССР концепции «Основные направления социальной переориентации исправительной системы (ИТС – 2000)». В документе, в частности, отмечалось, что «исправительно-трудовым

учреждениям присущи многие признаки сложившегося в стране административно-командного механизма: неоправданно жесткий централизм, ведомственность, закрытость»⁶. Предлагалось на основе совершенствования законодательства расширить круг органов, ответственных за проведение в жизнь исправительно-трудовой политики, обеспечить гласность отбывания наказания, реализацию гарантии свободы совести осужденных, дифференцировать режим отбывания наказания в местах лишения свободы, предусмотреть поэтапное улучшение условий содержания по мере исправления.

Предполагалось, что реализация предложенных мер существенным образом изменит сложившуюся систему исполнения наказаний, позволит реорганизовать ее в специфический социальный комплекс, решающий в условиях правового государства важнейшую задачу ресоциализации правонарушителей.

Особенностью данной программы было стремление авторов подойти к анализу проблем исправительной системы и поиску способов их решения с более широкой позиции, выходящей за пределы ведомственной. Предусматривались прежде всего изменения законодательной базы исполнения наказаний.

Иной взгляд на проблему реформирования пенитенциарной системы содержался в Концепции уголовно-исполнительной цивилизации учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы⁷, подготовленной в Рязанской высшей школе МВД под руководством В.А. Фефелова в 1990 г. В ее основу были положены принципы исполнения наказания в виде лишения свободы, рекомендованные Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными. Основополагающим являлось требование обеспечения проживания осужденного, особенно в период сна, в отдельной камере, удовлетворяющей необходимым условиям медицинского и гигиенического характера. В тюрьме должны быть созданы коммунально-бытовые основы организации труда, отдыха, продолжения образования, развлечений, культурной деятельности и спортивных занятий. По мнению авторов концепции, «тюрьма наиболее цивилизованный вид учреждения для исполнения наказания в виде лишения свободы»⁸.

При разработке уголовно-исполнительного законодательства В.А. Фефелов полагал целесообразным предусмотреть создание тюрем двух видов в каждой области, крае, республике. В тюрьме общего режима должны отбывать наказание и содержаться отдельно

мужчины, женщины и несовершеннолетние, впервые осужденные к лишению свободы, а также женщины и несовершеннолетние при рецидиве преступлений. В тюрьме строгого режима предлагалось содержать мужчин, допустивших рецидив преступлений, и женщин при особо опасном рецидиве. Для исполнения наказания в отношении других категорий осужденных планировалось создание республиканских и межреспубликанских тюрем общего и строгого видов режима⁹.

На тюремную администрацию должна быть возложена обязанность по глубокому изучению осужденного и обеспечению индивидуального подхода к исполнению наказания и отбыванию его осужденным. Именно принцип индивидуализации исполнения и отбывания наказания, воспитательного воздействия на осужденных был положен в основание данной концепции. Как считает автор, такой подход предполагает отбывание осужденным всего срока наказания в виде лишения свободы в одном исправительном учреждении – тюрьме – в пределах области, края, республики, в которой он проживал до ареста или был осужден. В связи с этим В.А. Фефелов предложил прогрессивную систему изменения условий содержания осужденного путем предоставления начальнику тюрьмы права выносить постановление о расширении объема свободы передвижения осужденного в пределах тюрьмы и условиях свободы в зависимости от отбытого срока наказания и поведения осужденного в процессе шести периодов от поступления в исправительное учреждение до освобождения¹⁰.

Таким образом, Концепция уголовно-исполнительной цивилизации учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, предусматривала реформирование исправительной системы путем перехода от колоний к тюрьмам. Главным условием ее реализации должно было стать приведение национального законодательства в сфере исполнения наказаний в соответствие с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными. По мнению В.А. Фефелова, крайне важным было сконструировать новое уголовно-исполнительное законодательство и систему учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, с дальнейшей перспективой, чтобы законодательство было стабильным, не изменялось и не дополнялось так часто, как это имело место за прошедшие семьдесят лет¹¹.

В апреле 1990 г. в Уфе прошла научно-практическая конференция по обсуждению

разработанной учеными Уфимской высшей школы МВД РСФСР концепции по перестройке деятельности органов, исполняющих наказание в виде лишения свободы, на основе сочетания прогрессивной и регрессивной систем. Как отмечал один из ее основных разработчиков А.Г. Перегудов, «главным концептуальным и методологическим вопросом... мы рассматриваем один – качественное состояние общности осужденных. Не решив его, мы не решим должным образом и другие, направленные на реформирование исправительной системы»¹². Авторы концепции предлагали создать регрессивную систему для содержания в ИТК и ВТК наиболее отрицательной части осужденных. Причем, по мысли разработчиков, она исключала бы из сферы влияния на основную массу как можно больше отрицательно настроенных осужденных, а прогрессивная система распространялась бы на осужденных, добросовестно относящихся к труду, с примерным поведением.

В основных положениях концепции важное место отводилось проблемам совершенствования законодательства, в частности, вопросам правового положения осужденного. Особо это касалось правовой защищенности личности в общности осужденных, поскольку законодательство в этой сфере было несовершенно и, как следствие, не препятствовало усилению роли неформального регулирования отношений. По мнению А.Г. Перегудова, закон должен содержать гарантии, защищающие права осужденного прежде всего в среде себе подобных, – именно эта часть законодательства нуждалась в серьезной доработке¹³.

Таким образом, суть концепции Уфимской высшей школы заключалась в применении прогрессивно-регрессивной системы непрерывного поддержания и усиления ведущей роли позитивной среды в общности осужденных, вытеснении и изоляции отрицательной части осужденных¹⁴ на базе закрепления этих институтов в уголовно-исполнительном законодательстве.

Изложенные доктринальные подходы при всем многообразии отправных положений – будь то комплексное решение проблем исправительной системы на гуманистических началах (А.И. Зубков) или расширение социальной базы реформирования (ИТС – 2000), а также проведение преобразований на основе перехода к тюремному содержанию осужденных (В.А. Фефелов) или внедрения прогрессивно-регрессивной системы отбывания наказания (А.Г. Перегудов)

дов) – объединяло стремление разработчиков гуманизировать и демократизировать исполнение уголовных наказаний с учетом потребностей общественного развития на основе нормативного закрепления предлагаемых нововведений.

Эти концептуальные идеи, а также опубликованные в ведомственной печати предложения ученых и практиков по совершенствованию исправительной системы¹⁵ оказали существенное влияние на разработку и принятие коллегией МВД СССР Концепции реформы уголовно-исполнительной системы (подготовлена ГУИД МВД СССР в июле 1990 г.)¹⁶. Данная концепция реформы представляла собой комплекс правовых, социальных, экономических, финансовых и организационных решений, осуществление которых ввиду сложности было рассчитано на длительный срок.

В документе предлагалось строго разграничить компетенции союзных (федеральных) и республиканских органов управления УИС, децентрализовать руководство исполнением наказаний и разделить функции ведомственного и территориального управления. Соответственно выделялось необходимым подразделить учреждения на следующие типы: союзного, республиканского и местного подчинения. Концепция предусматривала создание исправительных учреждений трех видов: открытого, полукрытого и закрытого режимов содержания. С гуманистических позиций решались вопросы регламентации порядка и условий исполнения наказания, режимных требований, усиления психолого-педагогической и индивидуальной направленности исправительно-воспитательного процесса, организации труда осужденных и их эффективной социальной реабилитации.

События августа 1991 г. и последовавший за этим распад Советского Союза не позволили в полной мере реализовать на практике названные положения. Однако надо признать, что пронизывающие концепцию идеи гуманизации и демократизации исправительной системы послужили основой для реорганизации исполнения наказания в виде лишения свободы во всем постсоветском пространстве.

Новый импульс фундаментальной проработке вопросов реформирования сферы исполнения наказаний придало принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации. Стало очевидным, как подчеркивали Г.А. Туманов и С.М. Петров, что налаживание нормального функционирования уголовно-исполнительной системы, в частности

исполнения лишения свободы, должно осуществляться строго в рамках новой конституции и основ конституционного строя Российской Федерации¹⁷.

На наш взгляд, особенно значимым и радикальным по своей сути следует признать подход к реформированию уголовно-исполнительной системы через ее разгосударствление и децентрализацию. Наиболее последовательные его сторонники, Г.А. Туманов и С.М. Петров, сформулировали основные принципы таких преобразований: децентрализация, открытость системы, гуманизация условий отбывания наказаний¹⁸. Авторы определили и возможные направления реализации своих идей. Децентрализация системы исполнения наказаний виделась ими как расчленение ее на подсистемы центрального (федерального), регионального (субъектов Федерации) и, что в перспективе не исключалось, местного уровня и подчинения¹⁹ путем развития и реконструкции системы учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, подразделения их на закрытые, полукрытые и открытые с федеральным, региональным и, возможно, местным подчинением. Соответственно, следовало внести необходимые изменения в порядок финансирования уголовно-исполнительной системы, ее подсистем и структурных подразделений с признанием возможности хозяйственной и финансовой самостоятельности учреждений, исполняющих наказания.

Рассматривался также вопрос о целесообразности полного или частичного решения социально-педагогических и других не режимных задач воспитательных колоний и иных исправительных учреждений силами таких ведомств, как Минэкономика (труд осужденных), Гособразование (их образование), Минсоцзащита (быт и постпенитенциарное воздействие), а также передачи органам местного самоуправления и общественным формированиям функции социальной адаптации лиц, отбывших уголовное наказание.

Гуманизация условий отбывания наказания в виде лишения свободы, по мнению Г.А. Туманова и С.М. Петрова, состоит в использовании огромных стимулирующих возможностей так называемой прогрессивной системы, установлении приоритета ресоциализации осужденных, создании такой среды отбывания наказания, в которой преобладали бы социально-педагогические средства и методы воздействия при условии обеспечения прав осужденных в соответствии с нормами Конституции Российской Федерации и международными стандарта-

ми. В основу возможного переустройства системы исполнения уголовных наказаний они предлагали положить коренное реформирование уголовно-исполнительного законодательства и сопутствующих ему подзаконных нормативных правовых актов.

Официальное закрепление принцип децентрализации нашел в Концепции реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 г.). Выступая на проходившей в Академии МВД России (в сентябре 1995 г.) межведомственной научно-практической конференции «Стратегические цели и приоритетные задачи МВД России, основные направления и средства реализации», начальник ГУИН МВД России Ю.И. Калинин отмечал: «Для реализации положений Концепции... при благоприятном ходе развития государства приступить на третьем этапе (2000–2005 гг.) к децентрализации управления и переходу на смешанный тип управления органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания: централизованный, территориальный. Одновременно с этим осуществить меры по организации соответствующих типов пенитенциарных учреждений федерального, территориального подчинения»²⁰.

Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (1996 г.) вобрала в себя все самое ценное, что к тому времени было наработано совместными усилиями научных и практических работников в сфере исполнения наказаний на начальном этапе реформирования (1988–1995 гг.). Она явилась также результатом анализа и обобщения опыта функционирования отечественных и зарубежных пенитенциарных учреждений за многие годы. На разработку ее основных положений существенное влияние оказали международные обязательства, которые взяла на себя Россия при вступлении в Совет Европы. Подготовка концепции велась во взаимодействии с Минюстом России, Генеральной прокуратурой и другими заинтересованными министерствами и ведомствами. В январе 1996 г. она была одобрена Президентом Российской Федерации. Правоохранительные органы впервые в истории страны получили научно обоснованную социально-правовую программу совершенствования процесса исполнения наказаний²¹.

Однако концепция имела и очевидные недостатки: была принижена роль правового, научного и ресурсного обеспечения, а от степени проработанности данных вопросов во многом зависит успех всей реформы УИС и отдельных ее направлений. Так, правовые аспекты концепции раскрывались в разделе

13, что явно не соответствовало значимости данного вида обеспечения в механизме реализации концептуальных положений.

По данным специалистов, материальные и финансовые затраты на претворение в жизнь положений концепции предположительно должны были составить около 73 трлн руб. (по курсу 1995 г.)²². К сожалению, уже тогда было ясно, что большинство капиталоемких программ, выполнение которых предусматривалось концепцией, останутся неосуществленными. Материальных средств для реализации концепции у государства было недостаточно. Уголовно-исполнительной системе приходилось компенсировать их за счет внутренних ресурсов, которые всегда весьма невелики. В этой связи по-прежнему актуален вывод, сделанный А.И. Зубковым: «Внутренние возможности уголовно-исполнительной системы по реформированию своей структуры и аппаратов управления весьма ограничены, такое реформирование наиболее радикально можно провести лишь извне»²³.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. и Концептуальной модели воспитательного центра предусмотрено преобразование воспитательных колоний для несовершеннолетних в воспитательные центры для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. К сожалению, из содержания концепции не совсем ясно, на каком этапе ее реализации такие преобразования должны быть осуществлены, но понятно, что проведение данных мероприятий требует соответствующего правового, научного, кадрового, финансового и материального обеспечения. В первоначальный период потребуются значительные совместные усилия ученых и практиков, с тем чтобы создать адекватную современной ситуации концепцию модели воспитательного центра и экспериментально ее проверить. И в этом, безусловно, должен помочь накопленный опыт разработки и осуществления концепций реформирования УИС.

В процессе преобразований желательно уйти от поспешных решений и действий. Разрушить старое, и здесь необходимо согласиться с утверждением А.И. Зубкова, «не значит тут же построить принципиально новое, тем более в такой консервативной сфере, как тюремное дело»²⁴. Предостерегая от увлечения такого рода разрушительством, А.И. Зубков отмечал, что благородное дело теории – обеспечить практику более или менее надежными рекомендациями по организации устойчивого функционирования исправительной системы в кризисных условиях²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Зубков А.И. Концепция перестройки исправительно-трудовой деятельности в СССР на современном этапе. Рязань, 1989.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ См.: Там же. С. 12.

⁶ Основные направления социальной переориентации исправительной системы (ИТС – 2000). М., 1989.

⁷ См.: Фефелов В.А. Концепция уголовно-исполнительной цивилизации учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы. Рязань, 1990.

⁸ Там же. С. 22.

⁹ См.: Там же. С. 24.

¹⁰ См.: Он же. С. 123.

¹¹ См.: Он же. С. 26.

¹² Перегудов А.Г. Качественное состояние общности осужденных – основной концептуальный вопрос перестройки деятельности органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы // Проблемы перестройки деятельности органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Уфа, 1991. С. 4.

¹³ См.: Там же. С. 11.

¹⁴ См.: Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. К проблеме реформы организации исполнения уголовного наказания // Проблемы перестройки деятельности органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы. С. 46.

¹⁵ См., напр.: Концепция организации исполнения наказания в виде лишения свободы в условиях территориального самоуправления и хозяйственной самостоятельности. Домодедово, 1990; Ковалев В.М. О новой концепции исполнения наказания в виде лишения свободы // Проблемы гуманизации исполнения уголовных наказаний. Рязань, 1990.

¹⁶ См.: Концепция реформы уголовно-исполнительной системы. М., 1990.

¹⁷ См.: Туманов Г.А., Петров С.М. Конституция Российской Федерации и реформирование уголовно-исполнительной системы // Совершенствование законодательства и практики учреждений, исполняющих наказания, на основе Конституции Российской Федерации: Тезисы докладов и сообщений / Под ред. Г.А. Туманова. М., 1995. С. 4.

¹⁸ См.: Петров С.М. Государственное управление уголовно-исполнительной системой и пути ее реформирования: Моногр. Домодедово, 1995; Петров С.М., Туманов Г.А. О двух стратегиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Государство и право. 1995. № 7. С. 102–110 и др.

¹⁹ См.: Туманов Г.А., Петров С.М. Конституция Российской Федерации и реформирование уголовно-исполнительной системы. С. 5.

²⁰ Калинин Ю.И. Основные концептуальные направления развития уголовно-исполнительной системы. С. 47.

²¹ См.: Бриллиантов А., Шамис А., Середа Е. На уровень мировых стандартов // Преступление и наказание. 1996. № 9. С. 60.

²² См.: Калинин Ю.И. Уголовно-исполнительная система: перспектива развития // Преступление и наказание. 1995. № 12. С. 7.

²³ Уголовно-исполнительное право России: Учеб. / Под ред. А.И. Зубкова. М., 2005. С. 328.

²⁴ Зубков А.И. Необходима более высокая практичность научных исследований в сфере исправительного дела // Совершенствование законодательства и практики учреждений, исполняющих наказания, на основе Конституции Российской Федерации. С. 14.

²⁵ См.: Там же. С. 16.

¹ См.: Распоряжение Правитель'ства Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r «O koncepcii razvitija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

² См.: Zubkov A.I. Koncepcija perestrojki ispravitel'no-trudovoj dejatel'nosti v SSSR na sovremennom jetape. Rjazan', 1989.

³ Tam zhe. S. 4.

⁴ Tam zhe. S. 9.

⁵ Sm.: Tam zhe. S. 12.

⁶ Osnovnye napravlenija social'noj pereorientacii ispravitel'noj sistemy (ITS – 2000). M., 1989.

⁷ Sm.: Fefelov V.A. Koncepcija ugovolno-ispolnitel'noj civilizacii uchrezhdenij, ispolnjajuwih ugovolnoe nakazanie v vide lishenija svobody. Rjazan', 1990.

⁸ Tam zhe. S. 22.

⁹ Sm.: Tam zhe. S. 24.

¹⁰ Sm.: On. S. 123.

¹¹ Sm.: On zhe. S. 26.

¹² Peregudov A.G. Kachestvennoe sostojanie obwnosti osuzhdennyh – osnovnoj konceptual'nyj vopros perestrojki dejatel'nosti organov, ispolnjajuwih nakazanja v vide lishenija svobody // Problemy perestrojki dejatel'nosti organov, ispolnjajuwih nakazanja v vide lishenija svobody. Ufa, 1991. S. 4.

¹³ Sm.: Tam zhe. S. 11.

¹⁴ Sm.: Tolkachev K.B., Habibulin A.G. K probleme reformy organizacii ispolnenija ugovolnogo nakazanja // Problemy perestrojki dejatel'nosti organov, ispolnjajuwih nakazanja v vide lishenija svobody. S. 46.

¹⁵ См., напр.: Koncepcija organizacii ispolnenija nakazanja v vide lishenija svobody v uslovijah territorial'nogo samoupravlenija i hozjajstvennoj samostojatel'nosti. Domodedovo, 1990; Kovalev V.M. O novoj koncepcii ispolnenija nakazanja v vide lishenija svobody // Problemy gumanizacii ispolnenija ugovolnyh nakazanj. Rjazan', 1990.

¹⁶ См.: Koncepcija reformy ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. M., 1990.

¹⁷ См.: Tumanov G.A., Petrov S.M. Konstitucija Rossijskoj Federacii i reformirovanie ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Sovershenstvovanie zakonodatel'stva i praktiki uchrezhdenij, ispolnjajuwih nakazanja, na osnove Konstitucii Rossijskoj Federacii: Tezisy dokladov i soobwenj / Pod red. G.A. Tumanova. M., 1995. S. 4.

¹⁸ См.: Petrov S.M. Gosudarstvennoe upravlenie ugovolno-ispolnitel'noj sistemoj i puti ee reformirovanija: Monogr. Domodedovo, 1995; Petrov S.M., Tumanov G.A. O dvuh strategijah reformirovanija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Gosudarstvo i pravo. 1995. № 7. S. 102–110 i dr.

¹⁹ См.: Tumanov G.A., Petrov S.M. Konstitucija Rossijskoj Federacii i reformirovanie ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. S. 5.

²⁰ Kalinin Ju.I. Osnovnye konceptual'nye napravlenija razvitija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. S. 47.

²¹ См.: Brilliantov A., Shamis A., Sereda E. Na uroven' mirovyh standartov // Prestuplenie i nakazanie. 1996. № 9. S. 60.

²² См.: Kalinin Ju.I. Ugovolno-ispolnitel'naja sistema: perspektiva razvitija // Prestuplenie i nakazanie. 1995. № 12. S. 7.

²³ Ugovolno-ispolnitel'noe pravo Rossii: Ucheb. / Pod red. A.I. Zubkova. M., 2005. S. 328.

²⁴ Зубков А.И. Neobhodima bolee vysokaja praktichnost' nauchnyh issledovanij v sfere ispravitel'nogo dela // Sovershenstvovanie zakonodatel'stva i praktiki uchrezhdenij, ispolnjajuwih nakazanja, na osnove Konstitucii Rossijskoj Federacii. S. 14.

²⁵ См.: Там же. С. 16.

Поощрительный институт изменения условий содержания осужденных (нормативное регулирование и реализация в исправительных учреждениях)

С.Л. БАБАЯН – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, докторант Академии управления МВД России

В статье рассматриваются вопросы нормативного регулирования поощрительного института изменения условий содержания. По итогам проведенного исследования обосновывается целесообразность внесения в ч. 2 ст. 78 УИК РФ поправок, направленных на оптимизацию правового регулирования изменения условий отбывания наказания и перевода осужденных из исправительных колоний общего и строгого режима в колонии-поселения. Предлагается включить в перечень мер поощрений, применяемых к осужденным, предоставление положительно характеризующимся лицам права разовых выходов за пределы исправительного учреждения до 24 ч в выходные и праздничные дни.

Ключевые слова: поощрительный институт изменения условий содержания осужденных; выход за пределы исправительного учреждения; перевод из исправительной колонии в колонию-поселение; меры поощрения, применяемые к осужденным.

Promotional Institute of changing conditions the detention of convicts (legal regulation and implementation in prison)

S.L. BABAYAN – doctor of law, deputy chief of laboratory Scientific Research institute of Federal Penitentiary Service, colonel interior service

The questions of normative legal regulation of promotional institute changes in the conditions of detention. According to the study proposes some changes to Part 2 of Art. 78 PEC Russian Federation aimed at optimizing the regulatory conditions change sentence prisoners and their transfer from the correctional facilities in common and strict regime colony-settlement. It is proposed to integrate the promotion in the form of positively characterized convicted rights of single outputs outside the prison up to 24 hours on weekends and public holidays in the list of incentives that apply to convicted persons.

Key words: Promotional institute changes in the conditions of detention of convicted persons; going beyond the prison; translated from the colony to colony-settlement; measures to encourage, convict.

Общеизвестно, что изменение условий содержания в зависимости от поведения осужденного и его отношения к труду может осуществляться в двух формах: в пределах одного вида исправительного учреждения (ст. 87 УИК РФ) и путем перевода из одного исправительного учреждения в другое (ст. 78 УИК РФ). Рассматриваемый институт как совокупность норм, регулирующих изменение условий содержания, представляет собой один из базовых элементов прогрессивной системы отбывания лишения свободы и имеет целью стимулирование правопослушного поведения осужденных.

Известный ученый-правовед В.М. Баранов считает, что поощрение есть структур-

ный элемент более сложного государственного метода – стимулирования. Другим диалектически связанным с поощрением элементом стимулирования является юридическая ответственность как вид государственного принуждения. Таким образом, стимулирование есть одно из тех диалектических понятий, которое выражает тождество, охватывает единство двух относительных противоположностей – поощрения и ответственности. Если ответственность является негативной стороной метода стимулирования, то поощрение представляет его позитивную сторону¹.

Поощрительные нормы выступают разновидностью правовых стимулов в уго-

ловно-исполнительном праве и являются средством юридического одобрения добровольного заслуженного социально активного поведения осужденного, в результате чего он получает вознаграждение и для него наступают благоприятные последствия, которые выгодны как для общества, так и для него самого. По мнению видного ученого-пенитенциариста А.С. Михлина, правовые институты уголовно-исполнительного права, применение которых связано с облегчением участи осужденного, предоставлением ему определенных благ, освобождением от обязанностей, можно отнести к числу поощрительных². В связи с этим совокупность норм, изменяющих условия содержания осужденных в сторону улучшения их правового положения и снижения объема правоограничений, следует отнести к поощрительному институту изменения условий содержания.

По данным проведенного в НИИ ФСИН России в 2010 г. исследования проблем применения поощрительных норм уголовно-исполнительного права в процессе исправительного воздействия на осужденных к лишению свободы, 72,5% сотрудников считают, что нахождение в облегченных условиях содержания может рассматриваться как один из критериев определения готовности осужденного к переводу в другой вид исправительного учреждения с изменением условий отбывания наказания в лучшую сторону³.

Кроме того, на вопрос «Как Вы считаете, должны ли осужденные при переводе для дальнейшего отбывания наказания из исправительных колоний (ИК) строгого режима в колонию-поселение (КП) находиться в облегченных условиях содержания?» 72% сотрудников ответили положительно, 15,8% – отрицательно, 3,8% затруднились ответить. Также в рамках исследования выяснилось, что 72,2%, то есть большинство сотрудников, считают, что обязательным условием перевода из исправительной колонии особого режима в исправительную колонию строгого режима является отбывание наказания в облегченных условиях содержания. Около 13,7% не разделяют данную позицию, а 5,3% затруднились ответить.

В связи с этим представляется целесообразным сформулировать положение о том, что положительно характеризующийся осужденный может быть переведен в вышеуказанные виды исправительных учреждений только при отбывании наказания в облегченных условиях. Таким образом, в п. «б» и «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ после слов «по

отбытии осужденными» необходимо добавить «находящимися в облегченных условиях содержания» по аналогии с п. «в» ч. 2 данной статьи.

Осужденные, содержащиеся в воспитательных колониях (ВК), несмотря на относительно небольшой удельный вес среди всех осужденных ИУ, требуют к себе особого внимания и специфического подхода к исполнению уголовного наказания в виде лишения свободы, выбору средств и методов воздействия на личность, а также подготовке их к жизни после освобождения. Возраст, в котором несовершеннолетние осужденные попадают в ВК, приходится на время социального созревания, становления личности. Представляется, что успешность и эффективность процесса социализации этой категории осужденных зависят в том числе и от объема средств позитивного стимулирования. В Европейских тюремных правилах (2006 г.) в отношении пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних говорится: «Жизнь в местах лишения свободы должна быть, насколько возможно, приближена к позитивным аспектам жизни в обществе» (п. 5).

В соответствии с ч. 1 ст. 140 УИК РФ отрицательно характеризующиеся осужденные к лишению свободы, достигшие возраста 18 лет, по решению суда переводятся для дальнейшего отбывания наказания из ВК в изолированный участок ВК, функционирующий как исправительная колония общего режима (при его наличии), или в исправительную колонию общего режима. Все осужденные, содержащиеся в ВК и достигшие возраста 19 лет, переводятся для дальнейшего отбывания наказания из воспитательной колонии либо из изолированного участка воспитательной колонии, функционирующего как исправительная колония общего режима, в исправительную колонию общего режима по постановлению начальника воспитательной колонии (ч. 3 ст. 140 УИК РФ). Положительно характеризующиеся осужденные, достигшие совершеннолетия и имеющие большой срок лишения свободы, сталкиваются со сложностями и проблемами при переводе в ИК общего режима. Практические работники утверждают, что подростки, достигшие совершеннолетия, готовятся к переходу в ИК различными способами, в том числе и посредством нарушения режима содержания. Следует отметить, что определенным выходом из данной ситуации является предоставление возможности перевода из ВК в колонию-поселение положительно характе-

ризующимся осужденным, достигшим возраста 18 лет. В случае перевода в колонию-поселение на них в меньшей степени будут оказывать воздействие традиции и обычаи криминальной субкультуры по сравнению с ИК общего режима и, наоборот, в большей степени улучшатся их социально полезные связи, возрастет возможность получения высшего образования и т.д.

По данным нашего исследования, большинство сотрудников (64,8%) полагают, что в целях закрепления результатов исправления и успешной социальной адаптации следует предоставить право перевода в колонию-поселение положительно характеризующимся осужденным, отбывающим наказание в ВК и достигшим 18-летнего возраста (отрицательно ответили 17,2% сотрудников, 8,8% испытали затруднения). Кроме того, также большинство практических работников (63,7%) считают, что одним из условий данного перевода должно стать пребывание осужденного в облегченных условиях содержания.

В связи с этим предлагается ст. 78 УИК РФ дополнить п. «д» следующего содержания: «из воспитательных колоний в колонию-поселение – по отбытии осужденными, находящимися в облегченных условиях содержания, не менее одной четверти срока наказания и достигшими во время отбывания наказания возраста 18 лет».

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р, в сфере социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с осужденными предусматривает создание справедливой и эффективной системы стимулов к законопослушному поведению, а также разработку новых мер поощрения. Поэтому представляется интересным рассмотреть зарубежный опыт предоставления осужденным краткосрочных отпусков как значимое средство поощрения и важный этап перевода осужденного из закрытого учреждения исполнения наказания в открытое.

Как известно, в некоторых западноевропейских странах одним из важных факторов поддержания или восстановления социально полезных связей, а также подготовки к переводу из тюрем закрытого типа в тюрьмы открытого типа являются кратковременные отпуска. Они, как правило, предоставляются с учетом характера и степени тяжести совершенного преступления, отбы-

того срока, личности и поведения осужденного. Кроме того, в рекомендациях Международного центра тюремных исследований сказано, что целесообразно разработать и внедрить систему, позволяющую осужденным отлучаться на короткий период времени для посещения своих семей на дому. При отсутствии угрозы безопасности населения осужденным следует разрешать посещения семей на условиях временного освобождения. Данные виды кратковременных отпусков особенно важны для осужденных с короткими, а также длительными сроками лишения свободы, у которых приближается дата освобождения⁴.

Например, в Швейцарии отпуск является важным инструментом ресоциализации осужденных, представляет собой один из элементов прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний. Продолжительность его может быть от нескольких часов до двух суток в месяц. Данный отпуск предоставляется при отбывании наказания в исправительных учреждениях как открытого, так и закрытого типов режима в рамках неполного тюремного заключения. В основном он дается в конце недели. Для решения неотложных юридических, профессиональных или семейных вопросов администрация учреждений исполнения наказаний имеет право разрешать целевые отпуска, однако их продолжительность не может превышать 16 ч.

Кроме того, перевод осужденного из закрытого учреждения исполнения наказания в открытое является важным этапом отбывания наказания и применяется в отношении осужденных, хорошо проявивших себя во время предоставленных отпусков. Данный перевод осуществляется, если осужденный хорошо зарекомендовал себя в условиях предыдущего режима отбывания наказания. Изменение режима содержания осужденного на полусвободный, то есть когда он выполняет определенную работу за пределами учреждения исполнения наказания, возможен не ранее отбытия половины срока наказания⁵.

В ходе нашего исследования 55,3% сотрудников исправительных учреждений общего, строгого и особого режимов высказались положительно о целесообразности применения к положительно характеризующимся осужденным меры поощрения в виде предоставления права разовых выходов за пределы учреждения до 24 ч в выходные и праздничные дни. При этом отрицательно отреагировали 34,4% сотрудников, а 10,3% затруднились ответить. Большин-

ство представителей администрации (57,8%) согласились с тем, что условиями или критериями предоставления разового выхода за пределы учреждения являются пребывание в исправительной колонии общего или строгого режимов, нахождение в облегченных условиях отбывания наказания, а также наличие у осужденного семьи. Допускать выходы за пределы учреждения целесообразно после отбытия срока наказания, не более одного раза в месяц. Продолжительность этого выхода может составлять от нескольких часов до суток. В виде эксперимента возможно распространить данное право только на осужденных исправительной колонии общего режима, отбывающих наказание в облегченных условиях содержания, проживающих в близлежащем населенном пункте, имеющих семью и состоящих в браке. В период выхода за пределы учреждения осужденный подвергается как бы контрольной проверке в условиях жизни на свободе. Возможность такой проверки очень ценна для воспитателей, все это способствует социальной адаптации осужденных в условиях жизни на свободе. Очевидно, что этот вид поощрения является важным этапом последующего изменения вида исправительного учреждения в сторону улучшения.

Исходя из вышеизложенного представляется целесообразным для поддержания или восстановления социально полезных связей (семья, близкие родственники, друзья) включить в перечень мер поощрения (ч. 1 ст. 113 УИК РФ) предоставление положительно характеризующимся осужденным права разовых выходов за пределы исправительного учреждения до 24 ч в выходные и праздничные дни.

В соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 78 УИК РФ положительно характеризующиеся осужденные могут быть переведены для дальнейшего отбывания наказания из исправительных колоний строгого режима в колонию-поселения при условии отбытия ими не менее: срока наказания; половины срока наказания, если они ранее условно-досрочно освобождались от отбывания лишения свободы и совершили новые преступления в период оставшейся неотбытой части наказания; срока наказания, если они совершили особо тяжкие преступления. Обязательный срок отбытия наказания для условно-досрочного освобождения у лиц, осужденных за тяжкое преступление и содержащихся в ИК строгого режима, также составляет не менее половины срока нака-

зания, а у лиц, осужденных за особо тяжкое преступление, не менее двух третей срока наказания (ч. 3 ст. 79 УК РФ). Установление равных сроков наступления предполагаемого условно-досрочного освобождения (УДО) и перевода в колонию-поселение для некоторых категорий осужденных, отбывающих наказание в ИК строгого режима, привело к конкуренции данных поощрительных институтов и, как следствие, к ухудшению состава кандидатов на перевод в колонию-поселение, поскольку положительно характеризующиеся осужденные вместо заявления о переводе в колонию-поселение имеют право подать ходатайство об условно-досрочном освобождении.

В рамках совершенствования уголовно-исполнительной политики в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. планируется осуществлять дифференциацию содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта, в том числе путем расширения оснований направления в колонию-поселение.

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что большинство сотрудников (54,8%) считают, что основной причиной, препятствующей более эффективному применению института перевода осужденных из ИК в колонию-поселение, является одинаковый срок отбывания наказания, необходимый как для перевода в колонию-поселение, так и для условно-досрочного освобождения, в отношении некоторых категорий осужденных ИК строгого режима, что в определенной мере порождает конкуренцию данных поощрительных институтов. Около 45,2% сотрудников утверждают, что такой причиной является отсутствие необходимости поэтапного перехода осужденных из ИК в колонию-поселение, а только затем применения к ним условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

В связи с этим для увеличения возможности перевода осужденных из ИК в колонию-поселение оптимальным представляется изменить в п. «в» и «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ обязательный срок отбытия наказания для перевода из ИК общего режима в колонию-поселение с одной четверти на одну пятую, а сроки отбытия наказания для перевода из ИК строгого режима в КП – с одной трети на одну четверть, а для лиц, ранее условно-

досрочно освобождавшихся от отбывания лишения свободы и совершивших новые преступления в период оставшейся неотбытой части наказания, с целью перевода из ИК строгого режима в КП – с половины на одну треть срока наказания, для тех, кто осужден за совершение особо тяжких преступлений, – с двух третей на половину срока наказания.

По мнению С. Улицкого, желательно, чтобы недостаточно устойчивые осужденные перед условно-досрочным освобождением какое-то время находились на полусвободном режиме, то есть в колонии-поселении⁶. При этом срок данного перевода должен наступать раньше срока УДО. Нам же представляется, что этот перевод из ИК в КП как обязательный этап УДО нецелесообразен, так как ограничивает возможность УДО для всех

категорий осужденных и ухудшает правовое положение осужденных к лишению свободы, что не вполне отвечает принципу гуманизма уголовно-исполнительного законодательства. Кроме того, не все категории осужденных подлежат переводу в колонию-поселение в соответствии с ч. 3 ст. 78 УИК РФ.

Подводя итог, следует отметить, что поощрительный институт изменения условий содержания интенсифицирует воспитательный процесс, изменяет правовое положение осужденных в сторону улучшения, способствует более быстрому закреплению положительных результатов исправления. Поэтому представляется важным в дальнейшем расширять основания применения данного поощрительного института как одного из важных средств позитивного стимулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 6.

² См.: Михлин А.С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение. М., 1993. С. 11.

³ Материалы получены в НИИ ФСИН России в 2010 г. в результате анализа и обобщения 600 опросных листов сотрудников исправительных колоний общего, строгого и особого режимов и колоний-поселений, начальников учреждений, заместителей по воспитательной работе с осужденными, начальников отделов (воспитательного, оперативного, безопасности) и служб в 10 территориальных органах УИС: ГУФСИН России по Красноярскому и Пермскому краям, Ростовской области, Санкт-Петербургу и Ленинградской области, УФСИН России по республикам Башкортостан, Марий Эл, Татарстан, Ставропольскому краю, Псковской и Тверской областям.

⁴ См.: Койл Э. Подход к управлению тюрьмой с позиции прав человека: Пособие для тюремного персонала. Лондон, 2002. С. 96.

⁵ См.: Веррен А. Исполнение наказания и применение уголовно-правовых мер в Швейцарии в отношении взрослых правонарушителей // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики: Материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. Ч. 1. С. 56.

⁶ См.: Улицкий С. Условно-досрочное освобождение от наказания // Законность. 2003. № 3. С. 2

¹ См.: Baranov V.M. Poowritel'nye normy sovetskogo socialisticheskogo prava. Saratov, 1978. S. 6.

² См.: Mihlin A.S. Poowritel'nye instituty i ih mesto v ugovolno-ispolnitel'nom prave // Reforma ugovolno-ispolnitel'noj sistemy i ee pravovoe obespechenie. M., 1993. S. 11.

³ Materialy polucheny v NII FSIN Rossii v 2010 g. v rezul'tate analiza i obobweniya 600 oprosnyh listov sotrudnikov ispravitel'nyh kolonij obwego, strogogo i osobogo rezhimov i kolonij-poselenij, nachal'nikov uchrezhdenij, zamestitelej po vospitatel'noj rabote s osuzhdennymi, nachal'nikov otdelov (vospitatel'nogo, operativnogo, bezopasnosti) i sluzhb v 10 territorial'nyh organah UIS: GUF SIN Rossii po Krasnojarskomu i Permskomu krajam, Rostovskoj oblasti, Sankt-Peterburgu i Leningradskoj oblasti, UFSIN Rossii po respublikam Bashkortostan, Marij Jel, Tatarstan, Stavropol'skomu kraju, Pskovskoj i Tverskoj oblastjam.

⁴ См.: Kojl Je. Podhod k upravleniju tjur'moj s pozicij prav cheloveka: Posobie dlja tjuremnogo personala. London, 2002. S. 96.

⁵ См.: Verren A. Ispolnenie nakazaniya i primenenie ugovolno-pravovyh mer v Shvejcarii v otnoshenii vzroslyh pravonarushitelej // Aktual'nye problemy penitenciarnoj nauki i praktiki: Materiali mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2004. Ch. 1. S. 56.

⁶ См.: Ulickij S. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazaniya // Zakonnost'. 2003. № 3. S. 2

Общественно полезный труд и профессиональная подготовка осужденных, отбывающих наказание в следственном изоляторе

А.О. ЗУБОВА – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

В статье раскрываются проблемы привлечения осужденных к общественно полезному труду и организации их профессиональной подготовки. С учетом особенностей отбывания лишения свободы в следственном изоляторе формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования и организации общественно полезного труда и профессиональной подготовки в данных условиях.

Ключевые слова: труд; профессиональная подготовка; осужденный; лишение свободы.

The main features of public work and professional training using to the short-term convicted serving in investigative isolation cell

A.O. ZUBOVA – a teacher of Civil and legal Disciplines of Samara Law Institute of Federal Service of Execution of Punishments of Russia

This article is about such means of corrections of the convicted as public work and professional training. As serving a sentence in the investigative isolation cell is rather specific then drawing short-term convicted in public work and Professional training should realize in accordance with the main features of appointed punishment enforcement

Key words: work; vocational training; the condemned; imprisonment.

Общепризнано, что труд как средство исправления играет важную роль в деятельности пенитенциарных учреждений. Данное утверждение нашло нормативное закрепление и в ряде международных документов¹, и в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации².

В течение длительного времени основным назначением труда осужденных к лишению свободы считалась реализация экономических, воспитательных и оздоровительных целей³. Однако на современном этапе все более актуальным становится такое направление, как социализация (ресоциализация) личности осужденного посредством данного средства исправления⁴.

Социальная ценность труда осужденных и его целей признается и сегодня, ибо их содержание напрямую связано с вопросами реализации прав и законных интересов осужденных и их семей.

Кроме того, следует подчеркнуть, что на современном этапе чрезвычайно важным является следующее выдвинутое учеными-пенитенциаристами положение: решающее влияние труда на формирование личности человека обусловлено не самим фактором затраты в трудовом процессе того или ино-

го количества энергии, а характером связей человека в процессе труда и через труд с другими людьми. Именно эта сторона трудовой деятельности определяет ее способность оказывать влияние на нравственное состояние личности, что особенно важно, так как воспитание осужденного – это прежде всего нравственное воспитание. Личность может исправиться, если внешние воздействия при известном положительном отношении к ней превращаются во внутренние свойства, становятся личностным состоянием человека⁵.

Отбывание наказания в изоляции в сложной криминогенной среде, в условиях которой велика вероятность негативных и деструктивных проявлений, само по себе требует большого напряжения в физическом и нравственно-психологическом отношении. Свободное, ничем не занятое время, как правило, усиливает этот негатив, акцентирует отрицательные взаимоотношения между группами осужденных и конкретными лицами. Поэтому важно, чтобы в исправительных учреждениях была четко отлажена система привлечения осужденных к труду, в процессе которого физические и эмоциональные затраты были бы направлены на созидание,

формирование чувства полезности и самореализацию, проявление личных способностей и амбиций, в определенной степени самостоятельности, индивидуальности и независимости от других лиц, а содержание общения и взаимоотношений имело бы в основном позитивный характер.

Труд как форма самореализации в целом является потребностью человека, важным элементом его культуры. Именно трудовая деятельность позволяет конкретной личности занять достойное место в социальной иерархии. Поэтому исследователи вполне справедливо указывают, что осужденные вправе требовать работу⁶, а внимание государства в сложившейся ситуации должно быть обращено на улучшение трудового использования лиц, лишенных свободы, поиск новых форм их привлечения к труду. Между тем нами на территории Самарской и Оренбургской областей было проведено исследование, целью которого в числе прочего было выяснение мнения осужденных к кратким срокам лишения свободы по вопросу о необходимости привлечения их к труду. 60,3% опрошенных лиц ответили, что положительно относятся к труду, мотивируя свою точку зрения тем, что «время проходит быстрее, несмотря на небольшой срок» или «труд облагораживает человека». Однако 39,7% осужденных-краткосрочников негативно высказываются по поводу обязанности трудиться, объясняя это непродолжительностью срока или вовсе нежеланием работать. Кроме того, были опрошены сотрудники, работающие с данной категорией осужденных. На вопрос, целесообразно ли применять труд как средство исправления осужденных-краткосрочников, более 42% респондентов ответили утвердительно, лишь 15,8% признали указанную меру неэффективной. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что, несмотря на отрицательное отношение осужденных к труду, рассматриваемое средство исправления является необходимым. Вопрос в другом: как трудовую деятельность осужденных, отбывающих лишение свободы в СИЗО, сделать более привлекательной для них и востребованной? Ведь краткость срока этому не способствует. Зачастую проблему организации труда осужденных-краткосрочников администрация СИЗО решает по упрощенной схеме: либо привлекают их к деятельности, связанной с хозяйственным обслуживанием учреждения, или задействуют на работах, не требующих определенных знаний и умений (что неправильно, поскольку этим

должны заниматься осужденные из отряда хозяйственной obsługi учреждения), либо не трудоустраивают вовсе (такое положение дел нивелирует роль труда как средства исправления).

Мы считаем, что лицам, отбывающим наказание в СИЗО по месту жительства, целесообразно разрешать трудиться на предприятиях, находящихся вне учреждения, наделив их правом выхода за его территорию без конвоя.

Решение проблем трудовой занятости осужденных с краткими сроками лишения свободы тесно связано с организацией их профессиональной подготовки, которая таит в себе определенные сложности. Создание профессиональных училищ нерационально, так как количество обучающихся в конкретном СИЗО незначительно, текучесть учащихся достаточно высока. Выход видится в отлаживании механизма профессиональной подготовки на рабочем месте путем самообучения с помощью наставничества по профессиям, востребованным на рынке труда в условиях кризиса. Кроме того, в связи со спецификой профессионального образования в следственном изоляторе приоритетным направлением должно стать создание необходимых условий для самообразования осужденных, также предлагается организовать обучение посредством создания консультационных пунктов.

Изучение проблемы обеспечения трудовой занятости осужденных к лишению свободы позволяет сформулировать ряд мер по ее решению применительно к СИЗО.

Во-первых, необходимо комплексно подходить к решению проблем организации трудовой занятости осужденных и их профессиональной подготовки, поскольку они неразрывно связаны. Переход на «тюремно-камерную» систему исполнения лишения свободы⁷ не только актуализирует эти вопросы, но и переведет соответствующие решения в ранг обязательных и неотложных. Поэтому необходимо рассматривать все виды трудовой занятости осужденных и их профессиональной подготовки как одну из форм трудовой занятости населения и повышения его профессиональной подготовки. Это часть социальной политики государства, а материальные затраты должны осуществляться по линии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Во-вторых, при решении указанных проблем следует использовать в полной мере как внешние, так и внутренние факторы.

К наиболее важным внешним факторам необходимо отнести: 1) участие в решении вопросов организации деятельности учреждений УИС федеральных органов власти, органов власти субъектов Федерации, местных органов власти; 2) закрепление форм и содержания этого участия в нормативно-правовых актах; 3) включение федеральных органов власти, органов власти субъектов Федерации, местных органов власти в комплексные целевые программы различного уровня, направленные на обеспечение трудовой занятости и профессионального обучения осужденных⁸.

Основными внутренними факторами являются: 1) реформирование производственного сектора исправительных учреждений ФСИН России; 2) развитие производства и материально-технической базы предприятий исправительных учреждений; 3) развитие реабилитационных видов труда для лиц с ограниченной трудоспособностью при привлечении к труду по их желанию; 4) развитие системы профессионального обучения осужденных специальностям, необходимым для трудоустройства в исправительных учреждениях и после освобождения из мест лишения свободы⁹.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Содержание под стражей: Сб. нормативных актов. М., 1996. С. 219.

² См.: Утевский Ю.Б. Индивидуализация методов трудового перевоспитания заключенных // Вопросы исправительно-трудового права: Сб. ст. М., 1957. С. 4, 5.

³ См.: Шамсунов С.Х. Теоретико-методологические основы организации труда и социализации личности осужденных к лишению свободы // Человек: преступление и наказание. 2005. № 3. С. 8.

⁴ См.: Уголовно-исполнительная система – 125 лет / Под общ. ред. Ю.Я. Чайки. М., 2004. С. 259, 260.

⁵ См.: Там же. С. 9.

⁶ См.: Миняева Т.Н. Правовое положение осужденных в Российской Федерации. М., 2003. С. 134.

⁷ См.: Стенографический отчет о заседании Президиума Государственного Совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Вологда, 2009. С. 2. <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2009/02/212845.shtml>

⁸ См.: Гуцал Н.И. Проблемы обеспечения трудовой занятости осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2007. № 1. С. 70.

⁹ См.: Там же.

¹ См.: Soderzhanie pod strazhej: Sb. normativnyh aktov. M., 1996. S. 219.

² См.: Utevsij Ju.B. Individualizacija metodov trudovogo perevospitanija zakljuchennyh // Voprosy ispravitel'no-trudovogo prava: Sb. st. M., 1957. S. 4, 5.

³ См.: Shamsunov S.X. Teoretiko-metodologicheskie osnovy organizacii truda i socializacii lichnosti osuzhdennyh k lišeniju svobody // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2005. № 3. S. 8.

⁴ См.: Ugolovno-ispolnitel'naja sistema – 125 let / Pod obw. red. Ju.Ja. Chajki. M., 2004. S. 259, 260.

⁵ См.: Tam zhe. S. 9.

⁶ См.: Minjazeva T.N. Pravovoe polozhenie osuzhdennyh v Rossijskoj Federacii. M., 2003. S. 134.

⁷ См.: Stenograficheskij otchet o zasedanii Prezidiuma Gosudarstvennogo Soveta «O sostojanii ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii». Vologda, 2009. S. 2. <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2009/02/212845.shtml>

⁸ См.: Gucal N.I. Problemy obespechenija trudovoj zanjatosti osuzhdennyh, otbyvajuwih nakazanija v mestah ishenija svobody // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2007. № 1. S. 70.

⁹ См.: Tam zhe.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

О полномочиях прокурора в досудебном производстве: современное состояние и пути совершенствования

Б.Я. ГАВРИЛОВ – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств

В статье освещаются спорные вопросы законодательного закрепления процессуального положения прокурора на стадии возбуждения уголовного дела и при производстве предварительного расследования, анализируются различные точки зрения, приводятся статистические данные о практике возбуждения и расследования уголовных дел, рассматривается ранее действовавшее и современное уголовно-процессуальное законодательство. На основе проведенного исследования автором предлагаются пути совершенствования прокурорского надзора на стадии досудебного производства по уголовным делам.

Ключевые слова: прокурор; досудебное производство; уголовное дело; органы предварительного следствия.

On the prosecutor's powers in pre-trial proceedings: current state and ways to improve

B.J. GAVRILOV – chief of the crime investigation management chair, the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, member of Petrovskaya Academy of Arts and Sciences.

This article addresses the controversial issues of legislative consolidation of the procedural provisions of the prosecutor in the stage of criminal proceedings and a preliminary investigation. The different points of view, both of the old and the current criminal procedural legislation, and the statistics on the practice of initiation and investigation of a criminal case are presented and analyzed. On bases on the conducted research the author suggests the ways to improve the public prosecutor's supervision at the stage of pre-trial proceedings in criminal cases.

Key words: prosecutor; pre-trial proceedings; criminal case; preliminary investigation.

С конца 90-х гг. XX в., то есть с момента подготовки проекта УПК РФ ко второму чтению, и до настоящего времени учеными и практикующими юристами обсуждается вопрос о процессуальном положении прокурора как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при производстве предварительного расследования. В связи с этим

большой интерес вызывает публикация профессора Н.Н. Ковтуна, в которой он рассматривает полномочия прокурора в уголовном процессе и на основе анализа законодательства 2007–2010 гг., а также мнений видных ученых процессуалистов и практических работников органов прокуратуры, делает обоснованный, по нашему мнению,

вывод о нецелесообразности дискуссии об утраченных полномочиях прокурора¹.

Данная проблема является актуальной и для системы подразделений Федеральной службы исполнения наказаний, в структуре которой отсутствуют органы дознания, что влечет за собой несвоевременное реагирование на факты совершения преступлений и т.д.

Тем не менее дискуссия о полномочиях прокурора как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при производстве предварительного расследования среди ученых и практикующих юристов не утихает. В обоснование приводятся различные аргументы, например: «Действующий процессуальный закон не предоставляет необходимую правовую основу для деятельности прокурора на первоначальном этапе судопроизводства»², «Закон вообще лишил прокурора права на самостоятельное возбуждение уголовного дела»³, «Нет никаких препятствий для возвращения прокурору активных надзорных полномочий, которые были переданы судье и руководителям следственных подразделений»⁴.

В основном авторы научных публикаций свои обоснования строят на результатах анализа отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также федеральных законов от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ⁵ и от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ⁶. При этом они не приводят никаких аналитических материалов о результатах деятельности органов предварительного следствия в условиях их реорганизации в 2007–2010 гг.

Более того, в ряде работ научное исследование существующих проблем в досудебном производстве, в том числе вопросов обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса, подменяется отдельными статистическими данными без их анализа и формулировки причин, обусловивших нарушение законности в деятельности органов предварительного расследования и дознания.

Например, Северо-Западный транспортный прокурор А. Чубыкин и старший помощник прокурора одного из районов Уфы Э. Исламова в вышеуказанной публикации отмечают, что в правоохранительных органах практика укрытия преступлений от учета не изжита до настоящего времени.

Только в 2009 г. прокурорами выявлено и поставлено на учет почти 155 тыс. криминальных посягательств, ранее известных, но по разным причинам не учтенных, среди них 250 убийств (в 2010 г. 159,8 тыс. преступлений из числа отказных материалов поставлено на учет). По мнению указанных авторов, причина столь негативного положения заключается в том, что УПК РФ не предоставляет необходимую правовую основу для деятельности прокурора на первоначальном этапе судопроизводства, а федеральный закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ не вносит существенных корректив в регламентацию полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, проблема здесь заключается не в отсутствии у прокурора данного права (в 2002–2006 гг. оно у него было, тем не менее указанные нарушения закона также имели место), а в несовершенстве УПК РФ и наличии в нем процессуальных норм о возбуждении уголовного дела (ст. 146 УПК РФ) и об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК РФ), что нами неоднократно подробно и обоснованно излагалось на страницах научных публикаций⁷.

Суть в том, что ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1922, 1923 гг., ни процессуальные законодательные акты абсолютного большинства государств, кроме ряда стран бывшего СССР, не содержали и не содержат сегодня указанных процессуальных норм, и следовательно, стадия возбуждения уголовного дела не выделяется законодателем в качестве самостоятельного этапа.

Существующий сегодня в УПК РФ порядок возбуждения уголовного дела поставил в абсолютную зависимость статистические данные о количестве преступлений, зарегистрированных в отчетный период, от решения следователя, дознавателя, органа дознания возбудить уголовное дело или принять решение об отказе в его возбуждении под давлением вышестоящего руководителя, а в советское время партийных органов власти, требующих сокращения преступности. Таким образом, уровень регистрируемой преступности целиком зависит от административного регулирования статистических показателей, что подтверждается нижеприведенными данными (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о зарегистрированных преступлениях за 1983–2010 гг.

Год	Всего зарегистрировано преступлений	+/- к АППГ (в %)	Смена руководства МВД	Некоторые из причин роста или снижения уровня преступности
1983	1 398 239	+ 23,9	С декабря 1982 по январь 1986 гг. – В.В. Федорчук	Рост преступности в первый год, снижение роста в последующие годы
1984	1 402 694	+ 0,3		
1985	1 416 935	+ 0,1		
1992	2 760 652	+ 27,3	С января 1992 по июль 1995 гг. – В.Ф. Ерин	Тот же процесс
1993	2 799 614	+ 1,4		
1994	2 632 708	- 6,0		
1995	2 755 669	+ 4,7	С июля 1995 по апрель 1998 гг. – А.С. Куликов	Тот же процесс
1996	2 625 081	- 4,7		
1997	2 397 311	- 8,7		
1999	3 001 748	+ 16,3	С мая 1999 по март 2001 гг. – В.Б. Рушайло	Тот же процесс
2000	2 952 367	- 1,6		
2001	2 968 255	+ 0,5	С марта 2001 по 2003 гг. – Б.В. Грызлов	Декриминализация 350 тыс. краж
2002	2 526 305	- 14,9		
2003	2 756 398	+ 9,1	С марта 2004 г. по настоящее время – Р.Г. Нургалиев	Криминализация 200 тыс. краж
2004	2 893 810	+ 5,0		Криминализация 130 тыс. краж
2005	3 554 738	+ 22,8		Ужесточение учетно-регистрационной дисциплины с мая 2005 г.
2006	3 853 373	+ 8,5		Продолжение ужесточения учетно-регистрационной дисциплины по июль 2006 г.
2007	3 582 541	- 7,1		Снижение преступности
2008	3 209 862	- 10,4		Тот же процесс
2009	2 994 820	- 6,7		Тот же процесс
2010	2 628 799	- 12,2		Тот же процесс

Исследование результатов реализации положений федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ, разграничивающих полномочия прокурора и руководителя следственного органа в деятельности органов предварительного следствия и суда, свидетельствует, что данные положения вызвали неоднозначную реакцию ученых и практических работников (от исключительно негативной⁸ до в целом положительной⁹).

Внесение указанным законом принципиальных изменений в полномочия прокурора в досудебном производстве способствовало, по нашему мнению, улучшению показа-

телей качества предварительного следствия, сокращению числа лиц, незаконно или необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, в том числе содержащихся под стражей, особенно по уголовным делам, которые раньше раскрывали следователи органов прокуратуры, а в настоящее время Следственного комитета Российской Федерации. Это подтверждается сравнительными статистическими данными о результатах работы следователей в период действия УПК РСФСР и УПК РФ до и после внесения в него изменений федеральным законом от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ (табл. 2, 3).

Таблица 2

Статистические данные о количестве уголовных дел, возвращенных на доследование в соответствии УПК РСФСР и УПК РФ

Год	Всего возвращено уголовных дел для дополнительного расследования прокурором				Возвращено уголовных дел судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	Следователям МВД (кол-во)	Удельный вес (в %)	Следователям СК (кол-во)	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В том числе следователям
1999	21 249	2,7	1102	1,4	41 340	34 209–4,0%
2000	19 502	2,6	833	1,0	37 106	31 381–3,7%
2006	18 373	3,3	1286	0,8	35 930	–
2007	17 557	3,2	1860	1,6	33 300	–
2008	17 573	3,5	3524	3,2	26 502	20 955–3,6%
2009	17 652	3,8	3664	3,5	12 163	8952–1,6%
2010	18 089	4,4	2640	2,8	11 141	7816–1,6%

Сведения о законности в деятельности следственного аппарата

Год	Удельный вес уголовных дел, оконченных в срок свыше 2 мес. (в %)		Число оправданных лиц на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, а также лица из их числа, незаконно или необоснованно содержащихся под стражей			
	Следователи МВД России	Следователи СК РФ	Следователи МВД России	Из них содержались под стражей	Следователи СК РФ	Из них содержались под стражей
2006	15,9	19,9	1372–0,2%	524	1885–1,8%	954
2007	14,5	25,8	1191–0,18%	364	1417–1,1%	742
2008	14,2	26,9	954–0,15%	316	966–0,8%	595
2009	9,2	23,4	721–0,13%	362	796–0,7%	518
2010	13,9	29,7	878–0,18%	639	801–0,8%	534

Вместе с совершенствованием предварительного следствия возникла необходимость улучшения прокурорского надзора по уголовным делам, расследованным в форме дознания. Реальная возможность для этого появилась в связи с принятием федерального закона от 06.06.2007 г. № 90-ФЗ¹⁰, которым впервые за 85-летний период действия в России кодифицированного

уголовно-процессуального законодательства в него была введена процессуальная фигура начальника подразделения дознания с полномочиями, аналогичными полномочиям начальника следственного отдела (в ред. УПК РФ 2001 г.), о чем свидетельствуют как результаты научных исследований, так и статистические показатели работы органов дознания в системе МВД России (табл. 4).

Таблица 4

Сведения о результатах расследования уголовных дел в форме дознания в 1999, 2006–2010 гг. (Форма – 1Е)

	1999	2006	2007	2008	2009	2010
Всего направлено дел прокурору	429140	430 025	457 716	453 419	447 352	397 033
В том числе с обвинительным актом в суд	–	415 484	443 868	437 293	424 889	380 351
Число обвиняемых по направленным в суд делам	428 976	450 282	469 024	445 831	431 544	385 669
Возвращено дел прокурором для доследования	8883	6810	8254	12 265	12 477	12 730
Удельный вес по отношению к делам, направленным в суд (в %)	2,1	1,6	1,8	2,7	2,8	3,1
Возвращено дел судом в порядке ст. 237 УПК РФ	7344	–	–	–	3213	2900
Удельный вес по отношению к делам, направленным в суд (в %)	1,7	–	–	–	0,76	0,76
Число реабилитированных обвиняемых	837	149	177	320	574	1061
Удельный вес на 1 тыс. обвиняемых	1,95	0,33	0,38	0,72	1,33	2,75
Число оправданных и реабилитированных судом	651	330	311	359	285	305
Удельный вес на 1 тыс. обвиняемых	1,52	0,73	0,66	0,80	0,66	0,79
Содержалось под стражей из числа оправданных и реабилитированных	60	18	19	25	24	30

Анализ количественных показателей результатов расследования дознавателями уголовных дел свидетельствует о следующих тенденциях:

1. Почти за четыре года действия указанного закона в суд было направлено 1,5 млн уголовных дел, или ежегодно 380–440 тыс.

2. С введением в действие федерального закона № 90-ФЗ возрос уровень прокурорского надзора за качеством расследования уголовных дел в форме дознания, например:

– количество и удельный вес уголовных дел, возвращенных прокурорами дознавателям,

возрос с 6810 (1,6%) в 2006 г. до 12 730 (3,1%) в 2010 г., или почти в два раза по отношению к числу дел, направленных прокурору;

– одновременно более чем в два раза (с 7344 (1,7%) в 1999 г. до 2900 (0,76%) в 2010 г.) снизилось количество уголовных дел, направленных судом прокурору для доследования или устранения недостатков дознания, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом;

– увеличилось число граждан, реабилитированных на стадии расследования, со 149–177 в 2006–2007 гг. до 1061 чел. в 2010 г.;

– сократилось число граждан, оправданных судами, с 651 в 1999 г. до 305 в 2010 г., их доля на 1 тыс. обвиняемых по направленным в суд делам в 2010 г. составила 0,79%, а в 1999 г. – 1,52%. В два раза сократилось число оправданных и реабилитированных лиц из числа граждан, содержащихся под стражей (с 60 в 1999 г. до 30 в 2010 г.).

Более чем семикратное увеличение числа граждан, реабилитированных при производстве дознания (со 149 в 2006 г. до 1061 в 2010 г.), свидетельствует не только о качественно ином уровне требований прокуроров к состоянию законности, но и о необходимости совершенствования процессуального контроля со стороны начальников подразделений дознания, что позволило бы своевременно выявлять нарушения в деятельности дознавателей при принятии ими процессуальных решений о привлечении граждан к уголовной ответственности.

Изложенное свидетельствует, что ученым и практикующим юристам следует внимательно

прислушаться к мнению профессора Н.Н. Ковтуна об отсутствии предмета для дискуссий о полномочиях прокурора, который на протяжении 90 лет был «властным хозяином» следствия, а сегодня он должен стать «старшим товарищем» для следователя, дознавателя, чтобы совместными усилиями обеспечить соблюдение конституционного права граждан на правосудие и реальный надзор за соблюдением органами предварительного следствия и дознания законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

Одновременно с обсуждением проблемы процессуальной самостоятельности дознавателей, повышения уровня контроля над законностью, осуществляемого начальниками подразделений дознания, проведения ими следственных действий и принятия процессуальных решений представляется целесообразным создание в системе ФСИН России специализированных подразделений дознания. Законодательные основания (ст. 40 УПК РФ) для этого имеются.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ковтун Н.Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссий? // Российская юстиция. 2010. № 5.

² Исламова Э., Чубыкин А. Реализация полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2011. № 4. С. 28.

³ Манова Н.С. Функции и полномочия прокурора в досудебном производстве // Публичное право. 2009. № 2. С. 180.

⁴ Барабаш А. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам // Законность. 2011. № 4. С. 5.

⁵ См.: Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

⁶ См.: Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // Российская газета. 2010. № 5375.

⁷ См., напр.: Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: Цифры и факты. М., 2008; Он же. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его применения // Российский следователь. 2010. № 15. С. 17; Он же. Роль уголовно-правовой статистики в формировании уголовной политики // Труды Академии управления МВД России. 2009. № 2. С. 41 и др.

⁸ См., напр.: Соловьев А.Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 10; Александров А.С., Белов С.Д., Кухта А.А. Реформа предварительного расследования // Уголовное право. 2007. № 5. С. 66 и др.

⁹ См., напр.: Гаврилов Б.Я. Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ: Мнение специалиста и ученого // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2007. № 4. С. 163; Он же. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа: Объективная необходимость или волюнтаризм в праве? // Уголовное судопроизводство. 2009. № 4. С. 35 и др.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 06.06.2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

¹ Sm.: Kovtun N.N. K diskussii ob «utrachennyh» polnomochijah prokurora. Est' li predmet dlja diskussij? // Rossijskaja justicija. 2010. № 5.

² Islamova Je., Chubykin A. Realizacija polnomochij prokurora v stadii vozbuзhdenija ugovolnogo dela // Zakonnost'. 2011. № 4. S. 28.

³ Manova N.S. Funkcii polnomochijah prokurorav dosudebnom proizvodstve // Publichnoe pravo. 2009. № 2. S. 180.

⁴ Barabash A. Prokurorskiy nadzor za predvaritel'nym sledstviem: vozvrazenie k osnovam // Zakonnost'. 2011. № 4. S. 5.

⁵ Sm.: Federal'nyj zakon ot 05.06.2007 g. № 87-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i Federal'nyj zakon "O prokurature Rossijskoj Federacii"» // SZ RF. 2007. № 24. St. 2830.

⁶ Sm.: Federal'nyj zakon ot 28.12.2010 g. № 404-FZ «O vnesenii izmenenij v ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svjazi s sovershenstvovaniem dejatel'nosti organov predvaritel'nogo sledstvija» // Rossijskaja gazeta. 2010. № 5375.

⁷ Sm., napr.: Gavrilov B.Ja. Sovremennaja ugovolnaja politika Rossii: Cifry i fakty. M., 2008; On zhe. Sovremennoe ugovolno-processual'noe zakonodatel'stvo i realii ego primenenija // Rossijskij sledovatel'. 2010. № 15. S. 17; On zhe. Rol' ugovolno-pravovoj statistiki v formirovanii ugovolnoj politiki // Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii. 2009. № 2. S. 41 i dr.

⁸ Sm., napr.: Solov'ev A.B. Problema obespechenija zakonnosti pri proizvodstve predvaritel'nogo sledstvija v svjazi s izmenenijem processual'nogo statusa prokurora // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2007. № 3. S. 10; Aleksandrov A.S., Belov S.D., Kuhta A.A. Reforma predvaritel'nogo rassledovanija // Ugolovnoe pravo. 2007. № 5. S. 66 i dr.

⁹ Sm., napr.: Gavrilov B.Ja. Federal'nyj zakon ot 05.06.2007 g. № 87-FZ: Mnenie specialista i učenogo // Informacionnyj bjulleten' Sledstvennogo komiteta pri MVD Rossii. 2007. № 4. S. 163; On zhe. Pereraspredelenie processual'nyh i nadzornyh polnomochij mezhdru prokurorom i rukovoditelem sledstvennogo organa: Ob'ektivnaja neobhodimost' ili voljuntarizm v prave? // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2009. № 4. S. 35 i dr.

¹⁰ Sm.: Federal'nyj zakon ot 06.06.2007 g. № 90-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2007. № 24. St. 2833.

Процессуальные аспекты обеспечения безопасности, прав и законных интересов осужденных при расследовании преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы

■ **Л.В. КАЗАРИНОВА** – старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассмотрено понятие безопасности личности в уголовном судопроизводстве, а также система обеспечения безопасности его участников, исследованы меры, принимаемые для этого при расследовании преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы, сформулировано понятие «обеспечение безопасности, прав и законных интересов осужденных» при расследовании пенитенциарных преступлений.

Ключевые слова: безопасность; права; законные интересы; осужденные; расследование преступлений.

The procedural aspects of security rights and legitimate interests of convicts during investigation of crimes in the penal system institutions

■ **L.V. KAZARINOVA** – PhD in law, Senior Lecturer, The Criminal Procedural Law Chair, The Voronezh Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Colonel of domestic services

In this paper the author studies the concept of personal security in criminal proceedings and the security system for the participants of criminal proceedings. The security measures for prisoners during the investigation of crimes in the penal system institutions are also studied. The author defines the conception of “the security of the rights and legitimate interests of convicts” during penal crimes investigation.

Key words: security; rights; legal interests; convicts; investigation of crimes.

Генезис научных исследований проблемы безопасности, прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве демонстрирует, что решать ее необходимо, начиная с защиты отдельных категорий лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальной деятельности. Имеющихся научных знаний по данной проблеме в области уголовно-процессуального права и смежных с ним наук недостаточно для решения новых задач, ответы на которые явно не укладываются в рамки прежних теоретических представлений. Существует потребность в синтезе и углублении полученных знаний о безопасности личности в расследовании пенитенциарных преступлений, что, в свою очередь, требует серьезного отношения к методике постановки проблемы.

Следует отметить, что большинство дефиниций исследуемой проблемы напрямую связывают ее со сложными теоретическими и практическими вопросами, требующими

изучения и разрешения в сфере пенитенциарной политики. При этом ее центральный вопрос можно сформулировать следующим образом: как сделать уголовное судопроизводство безопасным для осужденных, вовлеченных в его сферу при расследовании преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы?

Проблема безопасности имеет огромное значение и для отношений, которые складываются в уголовно-исполнительной системе. Это обусловлено тем, что наказание всегда предполагает ограничение прав и свобод лиц, совершивших преступления, и, как следствие, особый характер взаимоотношений персонала пенитенциарных учреждений и осужденных. Актуальность проблемы обеспечения безопасности, прав и законных интересов осужденных при расследовании преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, проявляется еще и в том, что, ли-

шая граждан свободы, государство обязуется соблюдать их правовой статус, охранять жизнь и здоровье.

Уголовно-исполнительная система является элементом правоохранительной системы государства и представляет собой целостную совокупность учреждений и органов, выполняющих функции по исполнению назначенных судами уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, решений о применении меры уголовно-процессуального пресечения в виде содержания под стражей, а также по охране и конвоированию осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

По состоянию на 1 января 2010 г. в учреждениях УИС, обеспечивающих изоляцию определенной категории граждан от общества, содержалось 864 тыс. чел., в том числе в 226 следственных изоляторах и 164 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, – 131,4 тыс., в 755 исправительных колониях отбывало наказание 723,9 тыс., в 7 тюрьмах – 2,8 тыс., в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 5,9 тыс.

При этом следует отметить, что концентрация в пенитенциарных учреждениях лиц, совершивших преступления, значительная доля из которых тяжкие и особо тяжкие, а также ряд других причин влекут за собой реальную угрозу совершения заключенными новых преступлений, различных по своему характеру и степени общественной опасности. В связи с этим появляется возможность противоправного воздействия на осужденных, являющихся участниками уголовного процесса в рамках дела, возбужденного по факту совершения преступления в учреждении уголовно-исполнительной системы.

Если рассмотрим факт активизации деятельности участников уголовного судопроизводства, то увидим, что в данном случае его основой является именно защита прав и свобод личности. Однако вовлечение личности в сферу уголовного судопроизводства нередко связано с опасностью, которая может возникнуть в самом начале производства по уголовному делу, то есть с момента его возбуждения или даже раньше – на первоначальном этапе проверки заявления, сообщения о преступлении. Если мы, говоря о производстве расследования в пенитенциарных учреждениях, поддерживаем точку зрения о том, что осужденный, вовлеченный в сферу уголовного судопроизводства, нуждается в принятии по отношению к нему конкретных мер, направленных на обеспе-

чение его безопасности, то при необходимости это должно распространяться на его родственников и близких лиц.

На наш взгляд, формирование ощущения защищенности является главной задачей обеспечения безопасности независимо от обстоятельств. Мы согласны с точкой зрения А.В. Епихина, который считает, что безопасность – явление скорее статичное, чем динамичное. Безусловно, безопасность – состояние покоя, защищенности, но, чтобы ее обеспечить, необходимо осуществить комплекс мероприятий по устранению тех действий, которые каким-то образом могут повлечь опасность для лица, являющегося участником уголовного судопроизводства. Поэтому мы предлагаем регламентировать перечень мер, направленных на обеспечение безопасности осужденных во время расследования преступлений в пенитенциарных учреждениях. Отсюда следует, что обеспечение безопасности – это осуществление мер, направленных на обеспечение безопасности лиц, вовлеченных в сферу действия уголовного закона.

Изучая текст ст. 11 УПК РФ, мы видим, что в рамках существующей правовой нормы нашли свое отражение категории «защита» и «охрана». Это порождает дуалистическое толкование данной статьи. Защита включает в себя следующие понятия: «охрана», «обеспечение безопасности» и «оборона». В связи с этим считаем, что обеспечение безопасности необходимо рассматривать как самостоятельное понятие, так как оно включает в себя не только понятие «безопасность», но и меры безопасности, механизм их реализации и т.д.

Согласно федеральному закону «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» «государственная защита – это осуществление мер безопасности, направленных на защиту жизни, здоровья и (или) имущества, а также мер социальной защиты указанных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве уполномоченными на то государственными органами»¹.

Отсюда следует, что существует родство между понятиями «защита» и «меры безопасности». По мнению Л.В. Брусницына, «меры безопасности – превентивные разноотраслевые правовые средства, обеспечивающие в ходе уголовного судопроизводства и вне его защиту соответствующих лиц и близких от запрещенных уголовным законом и иных форм посткриминального

воздействия и различающиеся по своему содержанию (способу обеспечения безопасности), кругу лиц, к которым они могут применяться, и иным критериям»². Мы поддерживаем данную точку зрения и, в частности, предприняв попытку широкого толкования мер безопасности с определением круга лиц, способов и условий их реализации.

Итак, безопасность – состояние покоя, то есть нахождение под защитой, вне опасности. Защита – это процесс достижения такого ощущения. В этом случае может рассматриваться совокупность определенных мер, действий, приемов, методов, направленных именно на предотвращение какой-либо опасности. Кроме того, нужно определить средства обеспечения безопасности, а также объект воздействия. В широком понимании объектом безопасности является не только личность, но и процессуальная процедура производства чего-либо, например следственных действий и т.д.

Так, Н.В. Щедрин предлагает рассматривать безопасность в семантическом, легальном, доктринальном и сравнительном толковании³. Мы поддерживаем его точку зрения и считаем, что безопасность следует рассматривать в сравнительном толковании. Итак, понятия «защита» и «безопасность» имеют между собой интерпретационную связь. Термин «защита» прочно вошел в текст уголовно-процессуального законодательства: «...защита подозреваемого, обвиняемого, подсудимого от незаконного уголовного преследования». По мнению М.П. Полякова, «безопасность связана с защитой участников уголовного процесса от противоправного воздействия на них в связи с производством по уголовному делу»⁴. Мы согласны с приведенной точкой зрения.

Расследование пенитенциарных преступлений – достаточно сложный и специфический процесс. При этом помимо условий, в которых оно осуществляется, следует учитывать высокий уровень угроз, исходящих от одних осужденных в адрес других, ставших участниками уголовно-процессуальных отношений в качестве потерпевших, свидетелей, а также подозреваемых и обвиняемых. Это связано прежде всего с тюремной субкультурой. В связи с этим вопрос обеспечения защиты осужденных, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, на сегодняшний день остается открытым.

Безопасность участников уголовного процесса сегодня расценивается законо-

дателем как одна из составляющих принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Таким образом, закрепление в УПК РФ мер безопасности личности следует рассматривать как гарантию обеспечения ее законных интересов в уголовном судопроизводстве, средство достижения его цели и задач, форму противодействия наиболее опасным видам преступности (организованной, профессиональной), свидетельство устремленности государства к приведению национального законодательства в соответствие с рядом международных документов. Поэтому мы склонны считать, что ст. 11 УПК РФ нуждается в совершенствовании. Например, содержание ч. 3 вышеуказанной статьи не дает нам полного и однозначного понимания того, что законодатель подразумевает под понятием «иные опасные противоправные деяния». Следует согласиться с точкой зрения А.В. Епихина, который предлагает рассматривать данную формулировку как оценочную, используемую в тексте уголовного закона во многих статьях, то есть иные посягательства являются аналогичными угрозе убийством, применению насилия и т.д.⁵ В то же время нет определения четких границ опасности посягательства. При изучении ст. 11 УПК РФ в ней также можно найти недостаток, который, по нашему мнению, правильно сформулировал А.В. Епихин: «В рассматриваемой статье не прослеживается причинная связь между посягательством на участника процесса и фактом его содействия уголовному судопроизводству... такая связь должна быть, поскольку угроза в отношении участника процесса может быть не связана с участием в уголовном процессе, то есть воздействие на личность может быть оказано не как на участника процесса, а как на обычного гражданина, например на почве неприязненных отношений. В противном случае не исключена необходимость расширительного применения мер безопасности в случаях, прямо не подпадающих под их действие»⁶. На наш взгляд, также следует обозначить связь между противоправными действиями или посягательством в отношении осужденного и уровнем его содействия уголовному судопроизводству.

Сущность принципа защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве состоит в том, чтобы оберегать эти права и свободы. Соблюдение данного принципа заключается в том, что должностные лица, осуществляющие уго-

ловное преследование, ограждают права и свободы человека и гражданина от нарушения их третьими лицами, а также следуют им. Кроме того, соблюдение указанного принципа в уголовном судопроизводстве предполагает возможность восстановления нарушенных прав.

Таким образом, в исследуемой статье основными элементами ее содержания являются: 1) обязанность лиц, осуществляющих уголовное преследование, разъяснять права, обязанности и ответственность участникам уголовного судопроизводства; 2) свидетельский иммунитет; 3) обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства; 4) возмещение вреда, причиненного органами, осуществляющими уголовное преследование. На наш взгляд, необходим не только механизм реализации данных положений закона, но и условия, при которых меры безопасности будут осуществлены. Это достаточно сложный и важный вопрос.

Как отмечено выше, первоначальное расследование по пенитенциарным преступлениям производит орган дознания. Однако в тексте ст. 11 УПК РФ орган дознания как субъект данной деятельности отсутствует. С учетом изложенного предлагается внести в содержание ст. 11 УПК РФ следующие изменения и дополнения: «Суд, прокурор, дознаватель, орган дознания обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления их прав. В случае согласия лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, дать показания дознаватель, следователь, прокурор, суд и орган дознания обязаны предупредить указанных лиц о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего расследования по уголовному делу. При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а равно участникам, содействующим уголовному судопроизводству, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах

своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 частью девятой, 186 частью второй, 193 частью восьмой, 241 пунктом 4 части второй и 278 частью пятой настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

Представляется бесспорной необходимость установления гарантий защиты с момента возникновения опасности и на более раннем этапе производства по уголовному делу. Следовательно, момент начала правоотношений, направленных на защиту участников уголовного процесса, должен быть обусловлен двумя основаниями: 1) получение государственными органами или должностными лицами органа расследования сведений об угрозе лицу, которое обладает информацией о совершенном или готовящемся преступлении; 2) установление таких сведений указанными органами и лицами.

В сведения о факте угрозы или имевшем место противоправном воздействии может и должна включаться информация о совершенном или готовящемся преступлении. Воздействие на участника уголовного процесса, как правило, оказывается в связи с наличием у него важной для следствия и суда информации, относящейся к преступлению.

В литературе отмечается усиление многообразия противоправного воздействия на участников процесса. Выделяются следующие способы воздействия на защищаемых лиц: 1) преследование для оказания психического воздействия, выражающегося в угрозах убийством, расправой, уничтожением личного имущества, похищением детей и близких, надругательством над престарелыми и малолетними и т.п.; 2) подкуп в любом виде и форме; 3) шантаж; 4) применение физического насилия; 5) оскорбления или клевета; 6) умышленное уничтожение или повреждение имущества; 7) похищение родственников и иных близких; 8) совершение террористических актов. Перечисленные способы воздействия можно дополнить следующими: воздействие в завуалированной форме, психическое воздействие в форме неопределенных угроз и т.д.

Следует отметить, что система обеспечения безопасности участников уголовного процесса должна быть связана с решением следующих вопросов: по каким категориям преступлений возможно применение мер безопасности? будет ли являться критери-

ем их применения такой фактор, как общественная значимость преступления? каких субъектов защиты по уголовному делу необходимо обезопасить?

Учитывая вышеизложенное, считаем необходимым сформулировать понятие «обеспечение безопасности, прав и законных интересов осужденных» при расследовании пенитенциарных преступлений в следующей авторской редакции: «Обеспечение безопасности прав и законных интересов осужденных – комплексный институт, состоящий из совокупности действий должностных лиц, основанных на нормах уголовно-процессу-

ального, оперативно-розыскного и ведомственного законодательства, включающий в себя правовые и организационные меры безопасности осужденных, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства в качестве потерпевших, свидетелей, обвиняемых и подозреваемых при расследовании преступлений в пенитенциарных учреждениях».

Таким образом, при расследовании пенитенциарных преступлений необходимо соблюдение безопасности, прав и законных интересов осужденных. При выполнении вышеизложенного деятельность органа дознания будет считаться эффективной.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

² Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. М., 2001. С. 79, 82.

³ См.: Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 2000. С. 46–48.

⁴ Поляков М.П. О защите обвиняемого и защите от обвиняемого // Государство и право. 1998. № 4. С. 94–99.

⁵ См.: Епихин А.В. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: Дис. ... д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2004. С. 38.

⁶ Там же. С. 67.

¹ Federal'nyj zakon ot 20.08.2004 g. № 119 «O gosudarstvennoj zashite poterpevshih, svidetelej i inyh uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva» // SZ RF. 2004. № 34. St. 3534.

² Brusnicyn L.V. Pravovoe obespechenie bezopasnosti lic, sodejstvujuvih ugolovnomu pravosudiju. M., 2001. S. 79, 82.

³ Sm.: Wedrin N.V. Vvedenie v pravovuju teoriju mer bezopasnosti. Krasnojarsk, 2000. S. 46–48.

⁴ Poljakov M.P. O zashite obvinjaemogo i zashite ot obvinjaemogo // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 4. S. 94–99.

⁵ Sm.: Epihin A.V. Konceptcija obespechenija bezopasnosti lichnosti v sfere ugolovnogogo sudoproizvodstva: Dis. ... d-ra jurid. nauk. Syktyvkar, 2004. S. 38.

⁶ Tam zhe. S. 67. ■

Проблемы подготовки осужденных, отбывающих лишение свободы, к освобождению в свете реформирования уголовно-исполнительной системы

С.А. ЗЛОТНИКОВ – начальник ФКУ ИК-34 ОИК-36 ГУФСИН России по Красноярскому краю;

В.М. КИРИЧЕНКО – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности ВМПЭ ФСИН России

В статье на основе анализа действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства дается обоснование реализации основных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. применительно к процессу подготовки осужденных к освобождению из исправительных учреждений, формулируются предложения по внесению изменений в уголовно-исполнительное законодательство, регламентирующее порядок применения средств исправления осужденных, в целях стимулирования правопослушного поведения последних в период отбывания наказания и по окончании его срока.

Ключевые слова: осужденный; исправление осужденных; ресоциализация осужденных; рецидив преступлений; социальный лифт; подготовка к освобождению; досрочное освобождение; правопослушное поведение.

The issues of the release preparations for the imprisoned convicts in light of the penal system reformation

S.A. ZLOTNIKOV – Chief of the correctional facility № 34 of the Federal Penal Service on the Krasnoyarsk region, lieutenant colonel of domestic services;

V.M. KIRICHENKO – Chief of the Investigation and search operations chair, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, colonel of domestic services

On the basis the analysis of the acting criminal and the penal legislation, the authors explain the rationale for the main provisions of the Conception of development of the penal system until 2020 relating the process of the release preparations for the imprisoned. The authors justify the proposals for amending the penal legislation, which regulate the order of application of the correctional measures for convicts to promote their law-abiding behavior while serving a sentence and, subsequently, at the end of a term of sentence.

Key words: convict; correction of convicts; re-socialization of convicts; recidivism of crimes; social "lift"; preparation for release; release on parole; law-abiding behavior

Целями действующего уголовно-исполнительного законодательства являются исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений. Следовательно, подготовка осужденных к освобождению как работа, проводимая в рамках, определенных законодательством, должна соответствовать указанным целям и быть направленной на их достижение. Учитывая то, что в последнее время сохраняется тенденция к ухудшению социально-демографической и психолого-педагогической характеристик осужденных, основным ориентиром в деятельности пенитенциарной системы не-

обходимо сделать личность осужденного, ее морально-нравственное оздоровление.

Проблема высокого уровня постпенитенциарной преступности изучается достаточно длительное время, определены основные субъективные факторы, влияющие на уровень рецидива, однако, по нашему мнению, главной причиной совершения осужденными, освободившимися из мест лишения свободы, новых преступлений является отсутствие должной организации, а если точнее, системы работы сотрудников пенитенциарных учреждений, направленной на формирование личности, готовой после ос-

вобождения к жизнедеятельности в рамках, определяемых правовыми нормами. Можно сказать, что уровень преступности среди освобожденных из мест лишения свободы напрямую зависит от качества оказанного на них в период отбывания наказания исправительного воздействия.

ГУФСИН России по Красноярскому краю были изучены причины, способствующие совершению преступлений лицами, освобожденными из исправительных учреждений. Анализ результатов проведенного исследования показал, что граждане допускают рецидив:

- ввиду алкогольной или наркотической зависимости (37,5%);
- отсутствия постоянной или временной работы (27,5%);
- отсутствия постоянного места жительства (11%);
- нежелания работать (10,5%);
- плохих материальных условий (9%);
- разногласий в семье (4,5%).

Также было проведено анкетирование осужденных, отбывших лишение свободы и вновь совершивших преступление, в ходе которого были названы и другие причины: стечение обстоятельств, голод, трудные жизненные условия, безработица, халатность, глупость, доброта к людям и доверчивость, стресс или депрессия, «соблазн легкой наживы денег», отсутствие помощи государства, незаслуженное обвинение, наличие инвалидности и различных заболеваний.

Анализ социально-демографической, уголовно-правовой и криминологической характеристик осужденных позволяет сделать вывод, что при выходе на свободу у них есть все предпосылки для успешной адаптации к законопослушной жизни, однако ряд жизненных обстоятельств, а также отсутствие должной работы по подготовке к освобождению часто имеют своим следствием совершение повторных преступлений. Проведенный сотрудниками ГУФСИН России по Красноярскому краю опрос осужденных показал, что основной причиной рецидива является социальное неблагополучие и отсутствие средств к существованию. На это указывает и то, что большая часть опрошенных совершила преступления в целях получения выгоды, материальных благ (ст. 158, 159, 161, 162, 228 УК РФ).

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предусмотрены мероприятия, направленные на обеспечение

раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного, а также изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе.

По мнению А.П. Титаренко, бесспорным является тот факт, что в общей массе всех осужденных имеется какое-то число преступников, которые действительно не желают жить в рамках дозволений, выдвигаемых социумом, поэтому по отношению к ним бесполезны меры реабилитационного характера¹. В целях установления лиц данной категории необходимо более детально изучать личности осужденных, их криминологические аспекты, степень ориентации на противоправное поведение. Это станет основанием для последующего отделения заключенных, имеющих высокую степень криминальной зараженности, от основной массы осужденных. Работу по оказанию помощи в приобретении социально полезного статуса следует проводить только с лицами, желающими этого, так как даже самые удачные мероприятия, направленные на оказание исправительного воздействия, будучи осуществленными в отношении лиц, которые не желают этого и всячески отрицают такое воздействие, окажутся бесполезными, более того, осужденные, имеющие положительные жизненные установки, будут подвержены влиянию негативно настроенного окружения, вследствие чего работа по подготовке к освобождению будет затруднена.

Н.А. Крайнова в своей работе также обоснованно указывает на необходимость изучения личности заключенных. Проведенное ею интервьюирование сотрудников ИУ показало, что причиной недостаточной эффективности индивидуально-воспитательной работы является отсутствие достоверных сведений о личности осужденного (39%), условиях его нравственно-психологического формирования (34%), поведении на разных этапах следствия и судебного процесса (27%). Большинство опрошенных отмечало плохую представленность такой информации в документах, имеющихся в личных делах осужденных, и недостоверность сведений, получаемых при личных беседах с заключенными (97%). По мнению исследователя, особенно ценной соответствующая информация была бы в отношении неоднократно судимых лиц,

так как наличие сведений о прошлых преступлениях, отбытых наказаниях позволило бы максимально индивидуализировать вновь назначенное наказание².

Считаем необходимым выявить причины и обстоятельства, прямо или косвенно способствующие совершению преступлений, особенности социальной адаптации после освобождения, в том случае если изучаемый индивид ранее освобождался из мест лишения свободы. Таким образом, следует провести всестороннее изучение личности для того, чтобы наметить мероприятия, направленные на оказание осужденному помощи по формированию себя в качестве социально полезного члена общества.

На основе данных, полученных в ходе изучения личности осужденного, разрабатывается программа по подготовке его к освобождению, в которой должен быть определен перечень мероприятий по индивидуальной работе с ним, имеющих целью восполнение пробелов и устранение различного рода личностных деформаций, причин и условий, повлекших за собой преступление, а также восстановление и поддержание социально полезных связей, получение образования и т.д. Рассмотрение результатов изучения личности осужденного и корректировку программы должна производить специально созданная комиссия по подготовке осужденного к освобождению, в работе с которой участвуют представители различных заинтересованных служб учреждения, члены государственных, общественных и религиозных организаций, заинтересованных в успешной ресоциализации осужденных.

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предусмотрены дифференциация условий содержания осужденных с целью обеспечить выполнение ими установленных правил режима содержания, создание системы факторов, стимулирующих правоупослушное поведение, а также усиление ответственности злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания, построение справедливой и контролируемой системы мотивации осужденных к законопослушному поведению, влекущему условно-досрочное освобождение или изменение условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения.

Исходя из практики исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы мы приходим к выводу, что фактически обычные и облегченные условия в исправитель-

ных колониях особых различий не имеют, а в качестве привилегий для переведенных на облегченные условия определены:

- право на большее расходование средств на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости;

- право на предоставление большего количества длительных и краткосрочных свиданий, получение большего количества посылок и передач;

- право на возможность освобождения из-под стражи за 6 месяцев до окончания срока наказания для проживания за пределами исправительного учреждения под надзором администрации в целях социальной адаптации.

Таким образом, если осужденный не заинтересован в предоставлении дополнительных свиданий, получении посылок и передач, так как не имеет социально полезных связей, то у него отсутствует интерес к изменению условий отбывания наказания, а соответственно, в данном случае элементы прогрессивной системы реализовываться не будут.

В ходе реформирования уголовно-исполнительного законодательства необходимо предусмотреть возможность постепенного изменения условий содержания заключенного в одном и том же исправительном учреждении, получения льгот осужденным в зависимости от имеющихся потребностей, так как человек должен либо представлять и видеть реальные положительные изменения в своей жизни, являющиеся результатом правомерного поведения, либо претерпевать лишения вследствие нарушения им установленных норм.

Таким образом, мы приходим к выводу, что назрела необходимость построения лестницы изменения условий отбывания наказания, наличие которой будет оказывать влияние на сознание осужденного, являться стимулирующим фактором, создавать реальные условия для подготовки к освобождению. Расширение видов условий отбывания наказания в исправительных колониях позволит администрации исправительных учреждений более дифференцированно применять методы исправительного воздействия.

По нашему мнению, в целях организации постепенной подготовки осужденных к освобождению необходимо в уголовно-исполнительном законодательстве наряду со строгими, обычными и облегченными условиями отбывания наказания предусмотреть льготные условия для лиц, не допускающих

нарушений установленного порядка, и заключенных, которые в ближайшее время будут освобождены из колонии. При определении правовой системы отбывания наказания на льготных условиях необходимо учесть, что на данном этапе осужденный полностью прошел все адаптационные стадии, связанные с исполнением уголовного наказания, был подвергнут как воспитательному воздействию, так и отрицательному влиянию со стороны тюремной субкультуры и криминализованной части осужденных. Таким образом, перевод на льготные условия станет завершающей стадией отбывания наказания, поэтому в этот период важно создать условия, наиболее приближенные к жизни в обществе.

Действующие нормативные акты не содержат критериев, по которым можно было бы судить о результатах работы, проводимой с осужденным, а именно о возможности его полноценного функционирования в обществе, изменении системы ценностей, устранении причин и условий, которые способствовали совершению лицом, прежде привлекавшимся к уголовной ответственности, преступления в период их нахождения на свободе, другими словами, не определены основания установления степени исправления осужденного. Для уяснения степени исправления заключенных нужны определенные признаки, наличие которых будет определять ее.

УК РСФСР содержал указания на степень исправления осужденных (доказал свое исправление, твердо встал на путь исправления и т.д.), ИТК РСФСР в свою очередь разделял осужденных на категории в зависимости от степени исправления. Так, в соответствии со ст. 51 ИТК РСФСР условно-досрочное освобождение могло быть применено только к лицам, доказавшим свое исправление. Однако в соответствии с ч. 1 ст. 79 действующего Уголовного кодекса Российской Федерации существует возможность применения условно-досрочного освобождения к лицу, в отношении которого суд установил, что оно не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, при этом какие-либо критерии исправления осужденного законом не вводятся.

10 сентября 2009 г. состоялась научно-практическая конференция по вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы, в ходе которой министр юстиции Российской Федерации А.В. Коновалов, давая оценку деятельности уголовно-исполнительной системы, обозна-

чил и основные направления ее развития на ближайшие годы. Он выделил в качестве одного из приоритетных направлений создание системы социальных лифтов – стимулов для законопослушного поведения осужденных. По его мнению, эта система позволит человеку выбраться из критической ситуации, если он этого хочет, кроме того, она должна быть прозрачной и понятной для спецконтингента³.

В соответствии с указанием министра система была разработана. В настоящее время она проходит апробацию в исправительных учреждениях, определены основные критерии оценки исправления осужденных и соответствующие им степени исправления. Так, были предложены следующие показатели исправления осужденных:

1. Поведение, то есть соблюдение или несоблюдение требований режима отбывания наказания.
2. Отношение к труду, в том числе общественно полезному.
3. Отношение к совершенному преступлению.
4. Отношение к назначенному наказанию.
5. Возмещение причиненного ущерба, заглаживание вины в совершенном преступлении.
6. Участие в воспитательных мероприятиях, получение общего и начального профессионального образования и профессиональной подготовки.
7. Участие в работе совета коллектива осужденных (в тюрьмах не используется).
8. Принадлежность к неформальным группам различной направленности.
9. Поддержание социально полезных связей.
10. Готовность к психологическому тестированию.

Также были определены степени исправления осужденных:

1. Не встал на путь исправления.
2. Становится на путь исправления.
3. Встал на путь исправления.
4. Твердо встал на путь исправления.

В дальнейшем планируется внести в законодательные акты соответствующие изменения. При этом необходимо предусмотреть возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания только для осужденных, твердо вставших на путь исправления.

Анализируя разработанную систему социальных лифтов, можно усмотреть в ней, с одной стороны, попытку возвращения к положениям УК РСФСР и ИТК РСФСР, а с дру-

гой – наметившуюся тенденцию к определению того, что значит исправление, какие действия должен предпринять осужденный для того, чтобы иметь возможность досрочно освободиться из мест лишения свободы, как должна оценивать результаты исправительного процесса администрация исправительного учреждения и суд при решении вопроса об условно-досрочном освобождении. Однако, по нашему мнению, к большинству названных критериев исправления нужно относиться критично, так как осужденный, имеющий желание освободиться досрочно, будет скорее приспосабливаться к требованиям, нежели исправляться, следовательно, данная система будет работать только непосредственно перед наступлением срока возможного досрочного освобождения.

Нам близка точка зрения Ю.В. Баранова, который предлагает при рассмотрении вопроса о применении основных средств исправления не связывать критерии оценки позитивного поведения осужденного с выполнением им определенных функций в рамках пенитенциарного учреждения, его правомерным поведением, добросовест-

ным отношением к труду и обучению внутри исправительной системы. Действия осужденного должны оцениваться только с точки зрения его готовности к освобождению через процессы ресоциализации или социализации, поэтому критерии исправления должны указывать на его социализацию, то есть приспособленность к жизни в нормальной социальной среде⁴.

Таким образом, в процессе реформирования уголовно-исполнительной системы возникла необходимость кардинального решения вопросов, касающихся создания благоприятных условий для интеграции бывших осужденных в общество. В связи с этим важно провести разработку соответствующей системы мероприятий, что потребует внесения в уголовно-исполнительное законодательство соответствующих изменений и дополнений, определить базовые принципы, цели и задачи, а главное, выстроить систему деятельности сотрудников исправительных учреждений, государственных органов, общественности, направленную на подготовку осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, к освобождению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Титаренко А.П. Правовые и организационные аспекты исполнения наказания в колониях-поселениях: Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 62.

² См.: Крайнова Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 158.

³ См.: Реформирование уголовно-исполнительной системы: Теоретический проект / Под общ. ред. А.А. Реймера. М., 2009. С. 58.

⁴ См.: Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб., 2006. С. 146.

¹ См.: Титаренко А.П. Правовые и организационные аспекты исполнения наказания в колониях-поселениях: Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 62.

² См.: Крайнова Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 158.

³ См.: Реформирование уголовно-исполнительной системы: Теоретический проект / Под общ. ред. А.А. Реймера. М., 2009. С. 58.

⁴ См.: Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб., 2006. С. 146.

Особенности тактики допроса свидетелей и потерпевших по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования

О.В. КРУГЛИКОВА – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

В статье раскрываются особенности тактики производства допроса свидетелей и потерпевших по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования. Автор обращает внимание на то, что следователи зачастую не готовятся к допросу и добиваются его целей, действуя по ситуации. Разумеется, это приводит подчас к серьезным упущениям, вызывающим необходимость повторных допросов, что существенно осложняет и замедляет расследование. Подробно рассматриваются проблемы производства допросов по делам данной категории, предлагается перечень вопросов, подлежащих выяснению в ходе допроса потерпевшего и свидетелей.

Ключевые слова: мошенничество, совершаемое в сфере потребительского кредитования; допрос в конфликтной и бесконфликтной ситуации; план допроса; тактические приемы допроса.

Some peculiarities of tactics of interrogating witnesses and victims in cases of fraud committed in the field of granting consumer credits

O.V. KRUGLIKOVA – a teacher of the chair of criminalistics of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian

The article is devoted to the peculiarities of tactics in conducting interrogation of witnesses and victims in cases of fraud committed in the sphere of granting consumer credits. The author pays attention to the fact that very often investigators don't think over the process of interrogating beforehand, trying to achieve purposes by improvisation. Obviously it leads to serious omissions requiring additional encounters for interrogation that complicate and slow down the investigation.

The article considers the problems of conducting interrogation of such cases in details, gives a number of questions to be elucidated in the process of interrogating a victim and witnesses in cases of this category.

Key words: fraud committed in the field of granting consumer credits; interrogation in a disputes and non-disputes situation; the plan of interrogation; tactical forms (ways) of interrogation.

Изучение судебно-следственной практики показывает, что одним из самых распространенных и сложных в тактическом отношении следственных действий по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования, является допрос потерпевших и свидетелей. Так, в результате анкетирования следователей и дознавателей установлено, что допрос свидетелей и потерпевших по делам данной категории вызывает затруднения в 58,5% случаев. В то же время он представляет собой наиболее мощное по своей доказательственной и психологической силе действие.

Допрос – единственное следственное действие, без которого не может обойтись

расследование ни одного уголовного дела. Сущность его состоит в том, что в ходе выполнения познавательных операций следователь, применяя разработанные в криминалистике и апробированные следственной практикой тактические приемы, побуждает лицо, которому могут быть или должны быть известны обстоятельства, прямо или косвенно связанные с расследуемым событием, дать о них показания, выслушивает сообщаемые сведения и фиксирует их в установленном законом порядке, чтобы в дальнейшем они могли быть использованы в качестве доказательства по уголовному делу.

Общие правила тактики производства данного следственного действия подробно

описаны в криминалистической литературе¹, поэтому остановимся лишь на таких особенностях допроса, которые обусловлены спецификой дел рассматриваемой категории. Одним из заслуживающих внимания обстоятельств является обилие характерной терминологии, которую используют в речи допрашиваемые. Кроме того, следователю или дознавателю надо знать законодательство, регламентирующее деятельность указанной отрасли, хорошо ориентироваться в нем, иметь представление о порядке предоставления кредитов, сути банковских операций и т.п. Верно пишет О.А. Луценко: «Утеря “нити беседы” из-за часто употребляемых незнакомых терминов может привести к тому, что следователь вовремя не сориентируется в ситуации, не задаст уточняющий вопрос, не зафиксирует (пропустит, недооценит) ценную информацию, которую, возможно, не желая того, начинает давать допрашиваемый»².

Видя некомпетентность следователя, допрашиваемое лицо (потерпевший или свидетель) может предположить, что органы предварительного расследования некомпетентны в целом, и отказаться в связи с этим давать полные и правдивые показания по обстоятельствам дела, не веря в установление истины.

Во избежание таких ситуаций перед началом допроса следователю или дознавателю необходимо ознакомиться со специальной литературой и положениями закона, регламентирующими соответствующую деятельность, побеседовать с сотрудниками, уже занимавшимися расследованием подобных дел. Помимо чтения специальной литературы (справочников, словарей, законодательства) рекомендуется проконсультироваться со специалистом в области банковского права, уточнить у него значение непонятных терминов, выяснить спорные моменты и регламент предоставления указанного вида кредита, определить очередность задаваемых вопросов и степень их конкретизации. При необходимости следователь должен обеспечить участие такого специалиста в проведении допроса, о чем важно сделать отметку в протоколе.

Для достижения большей эффективности следует заранее составить перечень вопросов, подлежащих выяснению, – это позволит избежать проведения повторного допроса. Следователь или дознаватель, готовясь к допросу, должен принимать во внимание и то обстоятельство, что, как правило, допрашиваемые лица имеют специальное финансовое, экономическое, юридическое образование либо опыт работы в финансо-

вых организациях, поэтому прежде всего необходимо «уточнить данные об их образовании, профессии, месте настоящей и предыдущей работы. Знание этого чаще всего помогает правильно оценить показания»³.

Учитывая неповторимость и уникальность каждого уголовного дела, рассматриваемого органами предварительного расследования, следственные ситуации, которые могут складываться при допросе потерпевшего или свидетеля по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования, можно классифицировать по различным основаниям. Так, например, в зависимости от обстоятельств, в которых осуществляется допрос, выделяются два его вида: допрос в конфликтной и бесконфликтной ситуации.

В ходе допроса потерпевшего или свидетеля при условии полного осознания им случившегося и желании помочь в установлении истины используются следующие тактические приемы, разработанные в криминалистике: беседа, восстановление в памяти забытого, оживление ассоциативных связей, уточнение и детализация показаний.

На практике часто встречаются случаи, когда в качестве потерпевших выступают лица, злоупотребляющие спиртными напитками, возможно, ранее судимые, на имя которых обманным путем был оформлен кредит. При работе с ними процедура допроса усложняется тем, что человек в силу своего образа жизни не может вспомнить произошедшие с ним события, детально рассказать о личности преступника. В этих случаях, когда прошло значительное время и имеются затруднения в восстановлении картины произошедшего, используется такой тактический прием, как предъявление доказательств. Таковыми могут стать: потребованные и изъятые документы (кредитные договоры, расписки, ксерокопии документов, предоставленных преступником для оформления кредитного договора), заключения экспертиз (трасологических, почерковедческих, портретных), иные предметы, использованные для реализации преступных намерений.

В отдельных случаях допрос потерпевшего или свидетеля может протекать в конфликтной ситуации, когда следователь или дознаватель сталкивается с отказом от дачи показаний. Мотивы такого отказа могут быть следующими: стремление скрыть свое аморальное поведение, неблагоприятный поступок; желание выгородить или смягчить вину конкретного участника преступления в силу родственных, семейных, дружеских отношений или корыстной заинтересованности;

боязнь мести преступников; нежелание испортить отношения с другими лицами, проходящими по делу; нежелание в дальнейшем участвовать в процессе расследования и быть вызванным в суд и т.д.

Кроме того, в судебно-следственной практике имеют место случаи, когда сами свидетели или потерпевшие отбывают наказание в исправительных учреждениях УФСИН России за совершение преступлений. В этой ситуации по понятным причинам указанные лица отказываются содействовать органам следствия, давать показания, подписывать протоколы допросов. Для разрешения сложившейся конфликтной ситуации на помощь следователю или дознавателю могут прийти сотрудники ИУ, где лицо, интересующее следствие, отбывает наказание, которые в рамках возложенных на них функциональных обязанностей в ходе проведения индивидуальных бесед и оперативных мероприятий способны содействовать установлению причин такого поведения. Кроме того, сотрудники оперативных подразделений исправительных учреждений могут провести допрос указанных лиц на основании поручения следователя.

При выяснении причин нежелания потерпевшего сообщить известные ему сведения необходимо применять тактические приемы, направленные на побуждение к даче показаний: разъяснение серьезности последствий такого поведения, обращение к положительным качествам личности допрашиваемого и др. Следователь или дознаватель должен принимать во внимание и то обстоятельство, что со стороны потерпевшего возможны как осознанные, так и неосознанные искажения отдельных сторон расследуемого события.

Начинать допрос потерпевшего (представителя кредитной организации) необходимо с общих вопросов, к числу которых относятся:

- кредитная политика банка;
- технология кредитования и движения денежных средств в конкретном банке;
- этапы и последовательность прохождения процедуры кредитования⁴;
- форма выдачи кредита, перечень документов, оформляемых при выдаче и получении кредита, перечень документов, предоставляемых заемщиком (требования, предъявляемые к документам и заемщику);
- время и место составления конкретного кредитного договора;
- вид кредитного договора;
- какие документы были предоставлены указанным заемщиком;

- если кредит предоставлен через торгующую организацию, то какой товар был предоставлен в кредит, как давно существует соглашение о сотрудничестве с торговой организацией, имели ли ранее место в этой торговой организации случаи мошенничества;

- размер ущерба, причиненного банку (в чем он заключается, из чего состоит);

- круг лиц, выполнявших определенные функции, участвовавших в тех или иных операциях по подготовке и обработке документов на выдачу кредита, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей;

- промежуток времени от составления кредитного договора до обращения в правоохранительные органы;

- меры, принятые банком по взысканию задолженности (если таковые были реализованы).

Далее выясняются все обстоятельства, способствовавшие совершению хищения. Необходимо установить, не были ли действия лиц, оформлявших документы, халатными, что могло привести к совершению хищения, и не вовлечены ли в преступную деятельность представители банка.

Указанный перечень вопросов может быть расширен в зависимости от личности допрашиваемого, его функциональных обязанностей, личного участия в оформлении кредита конкретному лицу.

Если потерпевшим является не кредитная организация, а гражданин, которому действиями мошенника причинен материальный ущерб, список вопросов должен быть увеличен, поскольку показания потерпевшего могут содержать помимо вышеназванной информации еще и сведения о личности мошенника и его связях, обстоятельствах знакомства потерпевшего с ним (знали друг друга ранее или познакомились накануне), наличии посредника при знакомстве, приметах преступника (особые и бросающиеся в глаза приметы неизвестных мошенников, описание их внешности по методу словесного портрета). Также в этом случае более полно выясняются обстоятельства, предшествовавшие совершению преступления.

Исходя из изложенного примерный круг вопросов, подлежащих выяснению у потерпевшего, может быть таким:

- какие отношения были между потерпевшим и виновным до совершения мошенничества и после;

- какова продолжительность их знакомства;

- на протяжении какого периода времени и сколько раз общался потерпевший с преступником;

- наличие материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного;
  - где и когда совершались мошеннические действия, что известно об обстановке преступления;
  - сколько потерпевших;
  - сколько эпизодов мошеннических действий допущено преступником в отношении указанного лица;
  - каким способом было совершено мошенничество (обман, злоупотребление доверием, предоставление своего паспорта преступнику, личное оформление кредита на свое имя и т.д.).
- Если преступник использовал паспорт потерпевшего для оформления кредита на имя последнего, необходимо установить, где в настоящее время находится данный документ, не мог ли преступник использовать его для совершения других преступлений. Кроме того, необходимо установить, не получал ли потерпевший от преступника за предоставление документа вознаграждение или другие блага, если да, то в чем они заключались. Также нужно выяснить следующее:
- если кредит оформлялся потерпевшим лично, то присутствовал ли при этом преступник;
  - если кредит оформлялся потерпевшим лично, то не передавались ли преступником потерпевшему необходимые для этого документы о трудоустройстве, справки о доходах, прописке и т.д., содержали ли они ложные сведения о потерпевшем;
  - какие еще предметы, документы использовались при совершении мошенничества, что они собой представляли, где находятся сейчас;
  - составлялись ли между преступником и потерпевшим по поводу кредита какие-либо документы (долговые расписки, договоры и т.д.), если да, то по чьей просьбе, кем они оформлялись, при каких обстоятельствах;
  - сам ли потерпевший или мошенник получал в магазине (торговой точке) имущество, приобретенное в кредит;
  - вступал ли преступник в разговор с кем-либо из свидетелей перед совершением мошенничества или в ходе его совершения;
  - были ли свидетели, при которых потерпевший передавал преступнику денежную сумму, полученную в кредит (кредитную карту, приобретенный в кредит товар и т.д.);
  - имеются ли свидетели, присутствовавшие при общении потерпевшего и преступника по факту оформления кредита;
  - передвижения виновного до и после совершения преступления (использовался ли для этого транспорт);

- какой материальный ущерб причинен потерпевшему мошенником;
- предпринимались ли потерпевшим действия для возмещения ущерба, каков их результат.

При допросе потерпевшего необходимо определить сумму ущерба, причиненного в результате мошеннических действий. Дело в том, что в большинстве случаев потерпевшие в нее помимо размера предоставленного кредита включают проценты за пользование им. Данная позиция, на наш взгляд, является неверной, поскольку умысел преступника был направлен на сумму, обозначенную в кредитном договоре.

Основной задачей при допросе свидетелей по делам рассматриваемой категории является установление фактов, подтверждающих совершение виновным действий, имеющих признаки преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В криминалистической литературе выделяют различные группы свидетелей по делам о преступлениях в банковской сфере⁵. Однако, на наш взгляд, целесообразно назвать лишь следующие три: 1) очевидцы преступления; 2) лица, располагающие информацией о процедуре кредитования; 3) родственники, друзья, знакомые преступника, располагающие сведениями о его образе жизни.

Последовательность допросов зависит от обстоятельств дела, но наилучший результат может быть получен, если вначале будут допрошены лица, непосредственно наблюдавшие преступные действия мошенника, – очевидцы преступления (клиенты магазина, знакомые и родственники мошенника, работники банка или магазина, оформляющие кредиты). В ходе такого допроса следователю или дознавателю необходимо выяснить два обстоятельства: 1) действия мошенника в момент совершения преступления; 2) приметы преступника. Конкретизация этой части показаний позволит в будущем опровергнуть слова подозреваемого или обвиняемого, направленные на искажение его роли в совершении хищения, а также сделает возможным при необходимости проведение предъявления для опознания.

Часто в качестве свидетелей второй группы по преступлениям, связанным с незаконным получением кредита, выступают управляющие отделениями банков, начальники и сотрудники кредитных и юридических отделов, сотрудники служб безопасности банков, работники контролирующих органов. К примеру, в ходе допроса от кредитного ин-

спектора банка может быть получена следующая информация:

- какими сведениями располагает этот инспектор о лице, получившем кредит;
- описание внешности преступника в целях составления субъективного портрета;
- каков характер взаимоотношений заемщика с банком, если заемщик обслуживался в данном банке ранее.

Параллельно с этим следователь или дознаватель должен установить наличие и характер связей клиента с сотрудником банка, который участвовал в осуществлении конкретной операции и, возможно, был заинтересован в ней. Для этого нужно выяснить:

- проводился ли анализ документов, представленных будущим заемщиком, с целью установления возможных признаков их подделки, каким образом;
- принимались ли меры по проверке соответствия представленных документов реальному положению заемщика и т.д.

Представитель службы безопасности кредитной организации может быть допрошен с целью уточнения следующих фактов:

- проводилась ли проверка достоверности сведений о заемщике и его деятельности, каким образом;
- какие обстоятельства имели значение для получения кредита, как осуществлялся контроль его использования и возврата;
- проводился ли анализ документов заемщика с целью установления подделки.

Показания этих лиц с учетом сведений, полученных из документов, могут дать важную и ценную информацию для установления достоверности всех имеющихся

данных, участников преступления, их взаимоотношений, целей и мотивов преступных действий и т.п.

Родственники, знакомые, соседи и сослуживцы подозреваемого могут дать показания о его образе жизни, материальной обеспеченности, связях. В ходе их допроса осуществляется сбор необходимой информации о самом лице, оформившем кредит, его платежеспособности, семейном положении, местонахождении, а также местонахождении товара, приобретенного им в кредит, или полученных денежных средств и др. Кроме того, эти люди могут располагать информацией о действиях мошенника до преступления, в момент и после его совершения.

В заключение хотелось бы отметить, что допрос на предварительном следствии, несомненно, требует от допрашивающего высокого профессионализма, знания уголовно-правового законодательства, норм других законов и информированности в различных областях знаний. В данной статье рассмотрены далеко не все тактические аспекты допроса потерпевших и свидетелей по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования, так как спектр интересующих нас приемов допроса, разработанных криминалистикой и применяемых на практике, чрезвычайно широк. Однако полагаем, что предпринятая нами попытка обобщить особенности тактики производства допроса по указанной категории преступлений позволит сотрудникам органов внутренних дел наиболее эффективно и грамотно организовать проведение расследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса. М., 1970; Образцов В.А., Богомолова С.Н. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии. М., 2003; Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973; Он же. Тактика допроса на предварительном следствии: Учеб. пособие. М., 1998.

² Луценко О.А. Расследование хищений в сфере банковской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. С. 136.

³ Яблоков Н.П. Основы методики расследования финансовых преступлений // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 2.

⁴ См.: Неймарк М.А. Проблемы теории и практики расследования хищений денежных средств в сфере банковского кредитования: Дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2006. С. 168.

⁵ См.: Луценко О.А. Расследование хищений в сфере банковской деятельности. С. 137; Герасимова Н.Р. Основы криминалистической методики расследования незаконного получения кредита: Дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2004. С. 162, 163.

¹ См.: Vasil'ev A.N., Karneeva L.M. Taktika doprosa. M., 1970; Obrazcov V.A., Bogomolova S.N. Dopros poterpevshego i svidetelja na predvaritel'nom sledstvii. M., 2003; Porubov N.I. Dopros v sovetskom ugovolnom sudoproizvodstve. Minsk, 1973; On zhe. Taktika doprosa na predvaritel'nom sledstvii: Ucheb. posobie. M., 1998.

² Lucenko O.A. Rassledovanie hiwenij v sfere bankovskoj dejatel'nosti: Dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 1998. S. 136.

³ Jablovkov N.P. Osnovy metodiki rassledovanija finansovyh prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo. 1999. № 2.

⁴ См.: Nejmark M.A. Problemy teorii i praktiki rassledovanija hiwenij denezhnyh sredstv v sfere bankovskogo kreditovanija: Dis. ... kand. jurid. nauk. Barnaul, 2006. S. 168.

⁵ См.: Lucenko O.A. Rassledovanie hiwenij v sfere bankovskoj dejatel'nosti. S. 137; Gerasimova N.R. Osnovy kriminalisticheskoy metodiki rassledovanija nezakonnogo poluchenija kredita: Dis. ... kand. jurid. nauk. N.Novgorod, 2004. S. 162, 163.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Психологические особенности трансформации личности осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения, и их учет в деятельности сотрудников психологической службы УИС России

В.М. ПОЗДНЯКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

А.Н. МИХАЙЛОВ – преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России

В статье описываются психологические особенности трансформации личности осужденных при нахождении в условиях бесконвойного передвижения, а также приводятся практические рекомендации по работе с данной категорией лиц.

Ключевые слова: трансформация личности; бесконвойное передвижение.

Psychological personality's transformation of prisoners when using the right to of non-convoy movement and their integration into the activities of staff of psychological services penitentiary system of Russia

V.M. POZDNYAKOV – Professor of The Legal Psychology and Pedagogics Chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Psychology, Professor;

A.N. MIKHAYLOV – a lecturer of The Juridical Psychology and Pedagogics Chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

This article describes the psychological characteristics on personality's transformation of prisoners when using the right to of non-convoy movement as well as provides practical advice with this category of persons.

Key words: personality's transformation; non-convoy movement.

Согласно ст. 96 УИК РФ право бесконвойного передвижения может быть предоставлено положительно характеризующимся лицам, отбывающим лишение свободы в исправительных и воспитательных колониях, а также осужденным, оставленным для ведения работ по хозяйственному обслуживанию в следственных изоляторах и тюрьмах, если это необходимо в связи с характером выполняемой ими работы. Хотя право

бесконвойного передвижения дается администрацией исправительных учреждений осужденным, дисциплинированно проявившим себя при отбытии наказания, ведомственная статистика свидетельствует, что в последние годы количество допущенных ими нарушений установленного порядка отбывания наказания остается достаточно высоким: такие проявления характерны для 10–15% лиц, пользующихся правом бескон-

войного передвижения¹. Выяснить, в чем причины столь негативного положения дел, помогло специальное исследование, проведенное в 2007–2010 гг. среди осужденных-бесконвойников молодежного возраста и администрации исправительных учреждений Кировской, Архангельской и Вологодской областей.

По специально разработанным анкетам было опрошено 130 осужденных и 36 сотрудников, которым предлагалось высказать свое мнение как о комплексе мероприятий, связанных с психологическим отбором осужденных к данным условиям пребывания и предоставлением им ряда прав и свобод, так и роли различных внешних факторов и внутренних условий, которые могут влиять на трансформацию личности осужденных в просоциальном и деструктивном направлениях. Кроме того, для выявления изменений в личности осужденных-бесконвойников, находящихся на разных этапах реализации данного статуса, представители этой категории обследовались с использованием комплекса психодиагностических методик: «Личностный опросник 16-PF Р. Кеттелла (форма С)», «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев), «Ценностные ориентации личности» (М. Рокич), «Индекс стиля жизни» (Р. Плутчик в адаптации Е.С. Романовой и Л.Р. Гребенникова), «Самочувствие, активность, настроение» (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьев, М.П. Мирошников, В.Б. Шарай), «Методика исследования стратегий преодолевающего поведения» (С. Хобфолл).

При формулировании гипотезы исследования нами учитывались научные публикации юристов (Г.А. Аванесова; А.И. Васильева; Н.А. Стручкова, П.А. Папуашвили; А.В. Бриллиантова; Б.З. Маликова, Ю.В. Пленкина; А.И. Дроздова и др.), в которых изучалась практика применения института бесконвойного передвижения и обосновывались правовые и организационные требования, влияющие на эффективность его функционирования. Соглашаясь с позицией правоведов о том, что предоставление осужденным права бесконвойного передвижения следует рассматривать в качестве одного из ключевых этапов их ресоциализации, который выступает связующим звеном между нахождением в условиях закрытой зоны и колонии-поселения, в то же время отметим, что при многоплановом рассмотрении учеными оснований предоставления бесконвойного передвижения и мер осуществления контроля за осужденными до сих пор предметом комплексного изучения не

являлась субъектная активность самих осужденных-бесконвойников. На наш взгляд, последняя может быть разнонаправленной, так как осужденные, получающие право бесконвойного передвижения, в течение длительного времени способны ощущать себя «людьми на перепутье». Это обусловлено тем, что сохраняется постоянная тесная взаимосвязь осужденных-бесконвойников с остальными лицами, отбывающими наказания (в том числе имеет место и воздействие со стороны криминальных авторитетов), а новая внешняя просоциальная активность строго регламентируется и контролируется администрацией учреждения. Подобная двойственность самоидентификации у осужденных-бесконвойников может привести к психической напряженности и неадекватным поведенческим проявлениям.

Результаты исследования свидетельствуют, что как у сотрудников УИС, так и у осужденных-бесконвойников сформировалось неоднозначное мнение о непосредственном влиянии условий бесконвойного передвижения на ресоциализацию осужденных и профилактику преступности. Причиной этого выступает действие как различного рода стресс-факторов, характерных для мест лишения свободы в целом, так и специфических – характерных для бесконвойного передвижения, особенно при длительном пребывании в таких условиях. Данный факт требует особого внимания со стороны администрации учреждений².

Установлено также, что в психодинамике трансформации личности осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения, существуют определенные закономерности, характеризующие изменения, происходящие с ними в определенный временной период нахождения в рассматриваемых условиях. Так, психологически контрастными являются следующие 3 периода, характеризующие личностные изменения и особенности поведения осужденных в условиях бесконвойного передвижения:

- 1) до 6 мес. (по особенностям изменений личности и поведения осужденных период может быть условно назван ориентационным);
- 2) от 6 до 18 мес. (кумуляционный период);
- 3) свыше 18 мес. (формационный период).

В ориентационный период большинство осужденных молодежного возраста при нахождении в условиях бесконвойного передвижения внешне свойственны определенная пассивность и безропотность, почтительность и покорность во взаимо-

отношениях с администрацией вплоть до того, что они готовы брать на себя вину за все происходящее. Однако данные психодиагностики осужденных-бесконвойников свидетельствуют, что в первые месяцы у них происходит нарастание внутренней тревожности, подозрительности и эгоцентричности. Проявление же к концу первого этапа большей внешней реалистичности и практичности, разумности и нормативности поведения свидетельствует о прохождении адаптации большинства осужденных к своему новому статусу и условиям пребывания на бесконвойном передвижении. В этой связи осужденными отмечается, прежде всего, не столь обостренное переживание воздействия негативных стресс-факторов, характерных для их среды в закрытой зоне. Данные психодиагностики также свидетельствуют о статистически значимом повышении таких психоэмоциональных показателей, как самочувствие, активность и настроение. Кроме того, у осужденных начинают изменяться стилевые особенности поведения, что коррелирует с изменениями среди психологических защит личности: большинство из них становятся менее связанными между собой, а в итоге создаются возможности для проявления большего разнообразия в поведении.

В целом психодинамика осужденных в первые полгода нахождения в условиях бесконвойного передвижения свидетельствует о трансформации их личности в направлении различения, достаточно подробно изученного М.Ш. Магомед-Эминовым как особая стадия трансформации личности в экстремальных условиях³. Это необходимо учитывать в психокоррекционной работе с осужденными, чтобы не допустить деструктивного влияния глубинных защитных циклов. Задачами психолога в данный период должны стать реализация индивидуального подхода к конкретным категориям осужденных (но с поддержкой ассертивной стратегии поведения) и работа с ценностно-смысловой сферой данных лиц для блокирования ранее сложившихся асоциальных особенностей личностного потенциала и криминальных воздействий, характерных для мест лишения свободы.

Опыт работы одного из авторов данной статьи с осужденными-бесконвойниками свидетельствует, что психологи при выявлении среди своих подопечных лиц ассертивного типа, а также с лидерскими задатками могут ходатайствовать о назначении их на должности бригадиров, старших дне-

вальных, нарядчиков. Умение находить компромисс и позитивно взаимодействовать с окружающими делает таких осужденных неоценимыми помощниками администрации учреждения. Однако для данной категории лиц как группы целесообразно организовать и специальный тренинг личностного роста, чтобы способствовать их просоциальному саморазвитию. В последующем можно привлекать этих осужденных к психолого-просветительской работе среди других осужденных-бесконвойников, в том числе поручая готовить групповые дискуссии по проблематике декриминализации личности в пенитенциарных условиях и оптимизации процесса ресоциализации.

Кумуляционный период пребывания осужденных на бесконвойном передвижении продолжается почти год, но у большинства лиц в это время существенных трансформаций личности не наблюдается. Внешне в своем поведении они демонстрируют спокойствие и оптимистичность. Однако на внутриличностном уровне происходит интенсивная смысловая работа, состоящая в выработке нового отношения к возникающим ситуациям и переживанию себя в них как личности. По особенностям психодинамики трансформации личности данный период во многом соответствует выделенной М.Ш. Магомед-Эминовым латентной стадии, связанной с «существованием личности в неповседневном способе бытия в мире»⁴. В итоге из-за переживания осужденными-бесконвойниками неопределенности в своей дальнейшей судьбе к концу кумуляционного периода у некоторых из них при отсутствии целенаправленной социальной, психологической и воспитательной работы может наблюдаться тенденция к деструктивной трансформации личности, а в случае неосуществления должного контроля со стороны администрации учреждения могут участиться случаи нарушений режима содержания вплоть до противоправного поведения, в том числе побегов.

Опыт работы с осужденными-бесконвойниками позволяет рекомендовать сотрудникам психологической службы исправительного учреждения уделять им особое внимание в течение кумуляционного периода, планируя индивидуальные встречи-беседы с каждым не реже 1 раза в квартал. Кроме того, с учетом индивидуально-психологических особенностей осужденных-бесконвойников необходимо реализовывать и групповую психокоррекционную работу, имеющую целью как устранение у них де-

струкций личности, так и закрепление конструктивных личностных трансформаций, достигнутых в ориентационный и кумуляционный периоды. При организации групповой психокоррекционной работы можно ориентироваться на классификацию осужденных-бесконвойников, разработанную в ходе нашего эмпирического исследования. Так, внутри этой группы выделяются представители таких специфических категорий, как осужденные с ассертивным и манипулятивным поведением.

В формационный период (то есть при нахождении в условиях бесконвойного передвижения более полутора лет) к осужденным требуется постоянное внимание со стороны не только психолога, но и других сотрудников. Защитная сфера отбывающих наказание в данный период представлена отрицанием, подавлением, регрессией, проекцией и компенсацией. В совокупности действующий цикл психологических защит, кроме компенсации, направлен на то, чтобы любым способом уйти от признания вины или ответственности. В итоге, как свидетельствуют данные психодиагностики, осужденные-бесконвойники могут демонстрировать в поведении разнонаправленные тенденции. С одной стороны, им присущи энергичность, стремление к эмоциональным контактам, сочувствию и покровительству. Такие проявления могут объясняться психологическими закономерностями стадии связывания (по концепции М.Ш. Магомед-Эминова), характеризующей позитивную психодинамику трансформации личности. С другой стороны, у некоторых людей при длительном нахождении на бесконвойном передвижении и продолжении его восприятия как экстремального бытия растут негативные переживания (ухудшение психоэмоциональных показателей – самочувствия, активности и настроения) и происходит определенная утрата смысловых перспектив. В результате отмечается всплеск тревожности и депрессивности, а внешне проявляется подозрительность и эгоцентричность. Как следствие, у таких осужденных может начаться деструктивная трансформация личности, приводящая в том числе к криминальным действиям.

Психокоррекционная работа с осужденными в заключительный период требует осуществления психологами индивидуального подхода. Крайне важной является проработка цикла неконструктивных защит. Разрушение его следует начинать, как свидетельст-

вует проведенная нами экспериментальная работа, с механизма «компенсации», а также посредством формирования личностного понимания, что никакое качество не может заменить ту ответственность, которая вытеснялась или проецировалась.

Результаты исследования позволяют констатировать, что длительное пребывание в условиях бесконвойного передвижения может приводить к росту у осужденных показателей по шкалам «манипулятивность», «асоциальное поведение» и «агрессия».

Осужденные с доминированием манипулятивного типа представляют особую сложность в плане исправительно-психологического воздействия. Это лица с наибольшей криминальной зараженностью, высоким уровнем интеллекта, способностью влиять на других и использовать их в своих интересах. Осужденные данного типа, как показало наше исследование, часто назначаются администрацией ИУ бригадирами, мастерами, старшими дневальными в отрядах (в нашем случае немало их оказалось и на бесконвойном передвижении). При определении профессиональной деятельности необходимо учитывать повышенную возбудимость этой категории лиц: работа должна требовать кропотливости, сосредоточенности, внимания, исполнительности и ответственности за исполненное для снятия эмоциональной напряженности. Рекомендован и физический труд, особенно со значительными усилиями, спортивные занятия. На работу со строгой отчетностью можно назначать при условии усиленного контроля. Взаимодействие с данной категорией должно основываться на жестком и властном обращении, так как эти лица признают прежде всего силу и власть, а не логику и аргументы. Наиболее эффективны для них такие меры взыскания, как отмена облегченных условий, водворение в ШИЗО, лишение очередного свидания.

Меры поощрения на данный тип осужденных оказывают положительное воздействие, но если их успехи остаются не отмеченными администрацией ИУ, реагируют они очень болезненно. Психолог при проведении групповой работы должен контролировать поведение таких осужденных, так как они могут скрытно воздействовать на тренинговую группу, формируя общее мнение и настроение.

Необходимо привлекать этих лиц к проведению культурно-массовых мероприятий в учреждении. Тренинговая работа с ними должна строиться на формировании комму-

никативных умений и навыков, способствующих правильному пониманию другого человека и принятию его безусловной ценности. Для развития адекватной эмпатии (сопереживание, сочувствие, а не подстройка под другого) необходимы тренинги, создающие взаимное представление о другом человеке (тренинг ассертивности).

В связи с тем что в Концепции реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. вывод осужденных на бесконвойное передвижение рассматривается как этап ресоциализационного процесса, промежуточный между учреждениями закрытого типа и колониями-поселениями, представляется важным продолжить исследования в сфере оптимизации мер воздействия на осужденных-бесконвойников. Для профилактики деструктивного поведения психологическое сопровождение осужденных молодежного возраста, пользующихся правом бесконвойного передвижения, необходимо начинать с тщательного отбора кандидатов, проводить с персоналом и осужденными просветительские беседы о трудностях, с которыми можно столкнуться в сложившихся условиях, и возможных

путях их преодоления. При разработке коррекционных мероприятий важно учитывать психологические особенности каждого осужденного, длительность пребывания в этих условиях, преобладающие стратегии и психологические защиты в поведении.

В рамках мероприятий по социальной работе следует реализовать комплекс мер, направленных на формирование навыков социально приемлемого поведения.

В целом только при тесном взаимодействии психологов и социальных работников, на наш взгляд, будет создана возможность для применения индивидуально-дифференцированного подхода, в рамках которого учитывается субъектная активность самого осужденного в поэтапной просоциальной трансформации личности с проявлением в условиях бесконвойного передвижения все большей свободы и одновременно ответственности, освоением все новых социально приемлемых форм поведения и выработкой психологической готовности к освобождению, последующему правопослушному поведению в социуме и получению полной социальной реабилитации среди ранее знавших его людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В абсолютных показателях в 2008 и 2009 гг. среди осужденных-бесконвойников число нарушителей режима составляло около 3,5 тыс. чел. (см.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Тверь, 2011).

² См.: Реймер А.А. Доклад на научно-практической конференции по вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 10. С. 8–9.

³ О трансформационной онтологии личности, где выделяются два фундаментальных модуса (способа) бытия личности – повседневный и неповседневный – см. подр.: Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009. С. 12–14.

⁴ См.: Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности. М., 2008. С. 38–39.

¹ V absolutnyh pokazateljah v 2008 i 2009 gg. sredi osuzhdennyh-beskonvojnikov chislo narushitelej rezhima sostavljalo okolo 3,5 tys. чел. (sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii. Tver', 2011).

² Sm.: Rejmer A.A. Doklad na nauchno-prakticheskoj konferencii po voprosam reformirovanija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2009. № 10. S. 8–9.

³ O transformacionnoj ontologii lichnosti, gde vydelyajutsja dva fundamental'nyh modusa (sposoba) bytija lichnosti – povsednevnyj i nepovsednevnyj – sm. подр.: Magomed-Jeminov M.Sh. Dejatel'nostno-smyslovoj podhod k psihologicheskoj transformacii lichnosti: Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 2009. S. 12–14.

⁴ Sm.: Magomed-Jeminov M.Sh. Fenomen jekstremal'nosti. M., 2008. S. 38–39.

Теоретические подходы к выявлению сущности понятия «профессиональное выгорание»

М.А. ЧЕРКАСОВА – начальник кафедры организации психологического службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России

В рамках статьи проведен теоретический анализ существующего состояния проблемы профессионального выгорания в зарубежной и отечественной психологии с целью определения места последнего в системе психологических категорий.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; профессиональное выгорание; профессиональный стресс; состояния сниженной работоспособности; профессиональная деформация.

Theoretical approaches to identifying the essence of the concept of «professional burnout»

M.A.TCHERKASOVA - fulfilling duties of the chief of chair of the organization of psychological service in criminally-executive system, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with a theoretical analysis of the current state of the problem of burn-out in the foreign and domestic psychology in order to determine its place in the system of psychological categories.

Key words: emotional burnout; professional burnout; occupational stress; state of reduced health; state of reduced health.

Проблема профессионального выгорания достаточно актуальна для представителей социально значимых профессий, к числу которых относятся и сотрудники уголовно-исполнительной системы. Профессиональная деятельность пенитенциарных служащих определяется сложностью и ответственностью трудовых задач, частым возникновением внештатных ситуаций, повышенной профессиональной нагрузкой, опасностью для жизни и другими экстремальными факторами, способствующими формированию выгорания. Поэтому изучение данной проблемы имеет значение не только теоретическое (в плане подтверждения сущности выгорания), но и практическое – как основа для разработки и проведения психопрофилактических и коррекционных мероприятий с персоналом УИС.

Впервые этот термин предложил американский психиатр Х. Фроуденбергер для описания деморализации, разочарования и крайней усталости, которые он наблюдал у персонала психиатрических учреждений.

В отечественной психологии ранние упоминания об интересующем нас явлении можно найти в работах Б.Г. Ананьева. Он употреблял термин «эмоциональное сгорание» для обозначения отрицательного

явления, возникающего у людей профессий типа «человек–человек»¹. В последующие годы интерес к исследованию феномена значительно возрос благодаря работам, посвященным изучению стресса, в том числе и профессионального (Л.А. Китаев-Смык, В.А. Бодров и др.).

Предметом самостоятельного исследования в отечественной психологии эмоциональное выгорание стало с середины 90-х гг. XX в. (работы Н.В. Гришиной, Г.А. Зариповой, В.Е. Орел, А.А. Рукавишников, В.В. Бойко).

Несмотря на активное рассмотрение проблемы, в отечественной науке все же имеют место разногласия в понимании данного феномена. Это относится прежде всего к терминологии. Отечественные авторы в своих работах использовали различные варианты перевода английского понятия «burnout»: эмоциональное сгорание (Т.С. Яценко, Т.В. Форманюк), эмоциональное выгорание (В.В. Бойко) и эмоциональное перегорание (В.Д. Вид, Е.И. Лозинская), а также психическое выгорание (Н.Е. Водопьянова) и профессиональное выгорание (Т.Н. Ронгинская). Перечисленные терминологические сочетания обозначают одно и то же явление, но вместе с тем имеют некото-

рые отличия друг от друга. Так, определяющее значение эмоционального компонента в структуре синдрома выгорания полностью не отражает сущности рассматриваемого явления. Термин «психическое выгорание» является несколько размытым ввиду того, что относит явление к довольно обширной группе, включающей множество состояний, определяющихся как психические. Наиболее полно суть рассматриваемого явления отражает термин «профессиональное выгорание». Основанием для такого утверждения является тот факт, что этот феномен существует лишь в контексте профессиональных отношений.

Вместе с тем как в зарубежной, так и в отечественной психологии нет однозначно принятого определения выгорания. Существуют тенденции его трактовки с позиции теории стресса. Однако, несмотря на общность механизмов возникновения и сходную картину протекания, имеются определенные различия между стрессом и выгоранием, которые проявляются прежде всего в длительности процесса. По мнению ряда авторов, выгорание – более длительный процесс истощения ресурсов индивидуума без возможности их адекватного восстановления. Причем циклы потери ресурсов при выгорании являются медленными, иллюзорными и даже намеренно скрываемыми. Такие потери незаметно и постепенно истощают личностные ресурсы и приводят к профессиональному выгоранию.

Другое существенное различие между стрессом и выгоранием кроется в специфике влияния последнего на поведение и деятельность субъекта. Если стресс как адаптационный синдром может мобилизовать все стороны психики человека и, следовательно, способен не только снижать показатели эффективности профессиональной деятельности, но и улучшать их, то выгорание приводит лишь к снижению самооценки в профессии, а в дальнейшем к ухудшению показателей деятельности. Поэтому выгорание не является особым видом стресса, хотя с точки зрения своего развития может быть отнесено и к последней стрессовой стадии (истощение). Данный синдром имеет ряд существенных отличий и может рассматриваться как самостоятельный феномен.

Восприятие профессионального выгорания как состояния имеет принципиальное значение, так как такой подход дает возможность точнее понять суть этого психологического явления, его функциональное

значение для субъекта труда, преодолеть односторонний подход к нему лишь как к переживанию своего отношения к чему-либо. Так, например, Х. Фроуденбергер и Дж. Рейчелсон определили выгорание как «хроническую усталость (утомление), депрессию и фрустрацию, причиной которых в основном является то, что человек вынужден заниматься делом, которое не удовлетворяет его амбиции и не приносит желаемого вознаграждения»². Такая трактовка вызывает определенные сомнения, поскольку в данном случае выгорание смешивают с переменными состояниями, которые лишь в некоторой степени связаны с ним.

Не следует отождествлять депрессию и профессиональное выгорание, так как депрессия соотносится с особыми условиями, которые следует рассматривать как потенциальный результат выгорания, а не часть самого синдрома. Х. Фроуденбергер указывал, что депрессия всегда сопровождается чувством вины, а выгорание – гневом. Кроме этого, выгорание проявляется только в профессиональной деятельности, а депрессия более глобальна, ее действие просматривается в различных жизненных контекстах. Следовательно, выгорание и депрессия могут тесно коррелировать друг с другом, но между ними имеются существенные различия.

Соответственно, нельзя отождествлять профессиональное выгорание и усталость (переутомление). Несмотря на то, что в результате слишком высокой рабочей нагрузки люди могут испытывать физическую (или даже когнитивную) усталость, она не эквивалентна выгоранию. Основное различие между выгоранием и переутомлением заключается в том, что в последнем случае человек способен быстро восстановиться, а в первом – нет. Анализ субъективных ощущений людей, испытывающих синдром выгорания, показывает, что хотя они и чувствуют себя физически истощенными, но ощущение это описывают как существенно отличающееся от нормального физического утомления. Утомление в результате физических упражнений может сопровождаться чувством успешности в достижении каких-либо целей и с этой точки зрения является положительным опытом. Профессиональное выгорание, как считает В.Е. Орел, всегда связано с чувством неудачи и представляет собой негативный опыт. Отличительный признак выгорания – его принадлежность к профессиональной деятельности, в то время как состояния сниженной работоспособ-

ности могут присутствовать и в других ее видах (учеба, спорт и т.д.). Кроме этого, симптоматика выгорания более разнообразна и разнопланова, чем в случае большинства рассматриваемых состояний.

Большое распространение получила точка зрения, которая состоит в том, что эмоциональное выгорание выступает как частный случай профессиональной деформации в целом. Так, например, в исследованиях С.В. Умняшкиной, М.В. Агаповой и О.В. Крапивиной выгорание рассматривается как форма профессиональной деформации. Действительно, неотъемлемыми атрибутами профессиональной деформации являются признаки синдрома выгорания, что позволяет рассматривать данный феномен как важный показатель негативного влияния профессии на субъект труда. Однако и здесь имеется ряд спорных моментов. Профессиональная деформация, как справедливо отмечает Н.В. Гришина, не всегда носит отрицательный характер, поэтому уточнения требует и само понятие «деформация».

Профессиональное выгорание имеет только негативные последствия и представляет собой личностный регресс. Отрицательное влияние, которое оказывает выгорание на деятельность и самочувствие людей, может не проявляться в других, непрофессиональных, сферах жизни, в связи с тем что это чисто профессиональный феномен. При этом под профессиональной деформацией понимаются некоторые сформированные в профессии аспекты личности, имеющие негативный оттенок и проявляющиеся большей частью в непрофессиональной жизни. Следует добавить, что деформация личностных особенностей чаще проявляется на поздних этапах профессиональной карьеры, а выгорание может возникнуть и в

начале профессионального пути как результат несоответствия между требованиями профессии и притязаниями личности.

Таким образом, термин «профессиональная деформация», хотя он и обозначает весь комплекс личностных и характерологических изменений, которые происходят со специалистом в процессе осуществления профессиональной деятельности, все же гораздо шире, чем синдром профессионального выгорания.

Из всего многообразия определений профессионального (эмоционального) выгорания наиболее точной следует признать дефиницию А.А. Рукавишникова: это негативное психологическое явление, проявляемое через психоэмоциональное истощение, развитие дисфункциональных профессиональных установок и снижение профессиональной мотивации, наблюдаемое у лиц без психопатологии³. В предлагаемой формулировке заслуживают внимания два момента:

- наличие дисфункциональных симптомов, характеризующих прежде всего эмоциональную сферу и снижение профессиональной эффективности;

- отсутствие возможности возникновения выгорания вне профессиональной деятельности и среди лиц, страдающих психическими расстройствами.

Таким образом, проблема определения сущности выгорания на концептуальном уровне достаточно не изучена. Несмотря на многочисленные исследования, проводимые в данной области, до сих пор отсутствует единая трактовка понятия, что создает определенные трудности в создании научно обоснованной модели профилактики, терапии и реабилитации специалистов, подверженных профессиональному выгоранию.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.

² Цит. по: Купер Кэри Л., Дэйв Филипп Дж., О'Драйсколл Майкл П. Организационный стресс. Теории, исследования и практическое применение / Пер. с англ. М., 2007.

³ См.: Рукавишников А.А. Личностные детерминанты и организационные факторы генезиса психического выгорания у педагогов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль. 2001.

¹ См.: Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya. L., 1968.

² Cit. po: Kuper Kjeri L., Djeiv Filipp Dzh., O'Drajskoll Majkl P. Organizacionnyj stress. Teorii, issledovanija i prakticheskoe primenenie / Per. s angl. M., 2007.

³ Sm.: Rukavishnikov A.A. Lichnostnye determinanty i organizacionnye faktory genezisa psihicheskogo vygoranija u pedagogov: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Jaroslavl'. 2001.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Актуальные проблемы защиты конкуренции

И.Ю. ЖДАНОВ – аспирант Московской юридической академии им. О.Е. Кутафина

Статья посвящена проблемам, связанным с защитой конкуренции в экономике, к разряду которых автор относит нарушения антимонопольного законодательства властями, деятельностью государственных корпораций, действием административных барьеров. Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях восстановления экономики после глобального экономического кризиса вопросы конкуренции оказались в центре внимания политических властей в различных государствах. В заключение предлагаются меры, направленные на решение рассмотренных проблем.

Ключевые слова: конкуренция; экономика; антимонопольное законодательство; административные барьеры.

Actual problems of protection of a competition

I.J. ZHDANOV – the post-graduate student 1ro a course of the Moscow legal academy of a name of O.E. Kutafina

Given article is devoted the problems connected with protection of a competition. The theme urgency is caused by that in the conditions of restoration of economy after a global economic crisis protection and competition development is called as a political priority of all authorities. To the problems connected with protection of a competition, the author carries prevalence of infringements of the antimonopoly law by authorities, activity of the state corporations, administrative barriers. In article a number of the measures directed on the decision of problems, connected with competition protection is offered. Articles of a problem listed by the author, it is necessary to take into consideration in connection with development of antimonopoly regulation in Russia.

Key words: a competition; economy; the antimonopoly law; administrative barriers.

Главным направлением государственной деятельности в постсоветский период истории России выступает модернизация экономики. Процесс этот может осуществляться только в условиях рыночных отношений, составляющими которых являются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, частная собственность. Даже в условиях глобального экономического кризиса грамотной политикой государства является не тотальное управление экономикой, а лишь некоторый

надзор за рынком и его позитивное регулирование, то есть исключаются любые вмешательства государства в структуру рыночных отношений.

Один из важнейших признаков рыночной экономики – конкуренция. Она позволяет предприятиям увеличивать эффективность производства, снижать издержки на выпускаемую продукцию, что особенно актуально в условиях восстановления экономики. Задачей государства в стремлении к постсоветской модернизации экономики является стимулирование здоровой конкуренции, в том числе и путем непосредственного уча-

ствия в производстве общественного продукта на общих для всех конкурентных началах. Однако недопустимо вмешательство государства в конкурентные отношения, если это приводит или может привести к ограничению или недопущению конкуренции.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 г. № 331¹ Федеральная антимонопольная служба является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по принятию нормативных правовых актов и контролю за соблюдением антимонопольного законодательства, цель которого – защита конкуренции. При осуществлении контроля за соблюдением антимонопольного законодательства Федеральная антимонопольная служба сталкивается с проблемами, которые зачастую являются результатами некорректной государственной политики.

Среди основных угроз конкуренции можно выделить такие, как естественные монополии, государственные корпорации, незаконные действия органов власти, административные барьеры. На некоторых проблемах хотелось бы остановиться подробнее.

Так, остается высоким количество нарушений антимонопольного законодательства со стороны органов власти. Следует учитывать, что это может нанести гораздо больший вред конкуренции, чем нарушения, совершаемые хозяйствующими субъектами.

Федеральный закон «О защите конкуренции»² посвятил отдельную главу актам органов власти, ограничивающим конкуренцию. Ранее, до принятия закона от 09.10.2002 г. № 122-ФЗ³, нарушения органов власти относились к монополистической деятельности. В документе определен круг лиц, на которых распространяются нормы, закрепленные в данной главе. К ним относятся федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также иные органы, осуществляющие функции указанных органов, или организации, государственные внебюджетные фонды, Центральный банк Российской Федерации.

Рассмотрим наиболее распространенные правонарушения, совершаемые органами исполнительной власти в области конкуренции.

В гл. 3 федерального закона «О защите конкуренции» рассматриваемые нарушения органов власти делятся на две группы:

ограничивающие конкуренцию нормативные акты и последующие действия органов власти и ограничивающие конкуренцию соглашения или согласованные действия органов власти.

Создание определенных препятствий для выхода хозяйствующих субъектов на рынок либо ограничение возможностей уже действующих на рынке хозяйствующих субъектов является наиболее распространенным нарушением правил конкуренции со стороны органов государственной власти. Примерами таких нарушений могут послужить введение единовременных платежей за пользование инфраструктурой, отказ в выдаче разрешений, установление дополнительных условий для получения разрешений. Проблемы возникают в связи с тем, что при принятии правовых актов органы государственной власти и органы местного самоуправления не указывают нормы федерального закона, позволившие им принять этот акт. Так, Высший арбитражный суд Российской Федерации в разъяснении некоторых вопросов, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства, отмечает, что при рассмотрении дел о признании недействующими или недействительными актов органов, перечисленных в ст. 15 федерального закона «О защите конкуренции», о признании незаконными их действий (бездействия) по заявлениям антимонопольного органа, поданным в связи с нарушением ч. 1 ст. 15 федерального закона, арбитражные суды должны учитывать следующее: если антимонопольным органом доказано, что акты, действия, бездействия приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции, а соответствующим органом не указана конкретная норма федерального закона, разрешившая данному органу принять оспариваемый акт, осуществить действия (бездействие), заявленные требования подлежат удовлетворению⁴.

Также остается высоким показатель количества правонарушений, связанных с введением ограничений на свободное передвижение товаров в Российской Федерации, выраженных в указаниях хозяйствующим субъектам о первоочередных поставках товаров или заключении договоров в приоритетном порядке.

Серьезные нарушения допускаются органами власти при проведении торгов на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд.

Согласно федеральному закону «О защите конкуренции» при проведении торгов запрещаются действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции: координация организаторами торгов или заказчиками деятельности их участников, создание участнику торгов преимущественных условий участия в торгах, в том числе путем доступа к информации, если иное не установлено законом, нарушение порядка определения победителя торгов, участие организаторов торгов или заказчиков и работников организаторов торгов или работников заказчиков в торгах.

Отдельной угрозой конкуренции остаются государственные корпорации. Несмотря на заявленное изменение организационно-правовых форм государственных корпораций, они продолжают существовать, в том числе и в тех областях, где их эффективность по сравнению с другими организационно-правовыми формами хозяйствующих субъектов не вполне определена. Работа государственных корпораций бюрократизирована и не полностью открыта. А обладание широкими экономическими и политическими возможностями может оказывать существенное влияние на деятельность хозяйствующих субъектов, действующих в той же сфере, но находящихся в худшем положении, чем государственные корпорации.

Опасность воздействия государственных корпораций на конкурентные отношения еще более возрастает в случае передачи им функций органов власти. Часть 3 ст. 15 закона запрещено совмещение функций федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и функций хозяйствующих субъектов и/или наделение хозяйствующих субъектов функциями и правами указанных органов, в том числе функциями и правами органов государственного контроля и надзора⁵.

Тем не менее в антимонопольном законодательстве существуют специальные исключения, служащие основанием для расширения полномочий государственных корпораций. Такие изменения были внесены после передачи государственной корпорации «Росатом» таких полномочий, как принятие нормативно-правовых актов, осуществление функции федерального органа исполнительной власти в области защиты государственной тайны, оказание государ-

ственных услуг, управление госимуществом, разработка федеральных норм и правил. Федеральный закон «О защите конкуренции» был дополнен специальным исключением: «если иное не установлено Федеральным законом от 30.10.2007 г. № 238-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»». Подобное исключение существует и в отношении государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию г. Сочи как горно-климатического курорта.

Важным фактором, препятствующим развитию нормальных конкурентных отношений, являются административные барьеры. Необоснованные бюрократические переносы повышают издержки хозяйствующих субъектов и снижают их конкурентоспособность, что особенно остро проявляется во время кризиса. Не завершена административная реформа, вследствие чего остаются неразрешенными такие вопросы, как более четкое разграничение административных функций различных органов власти, большое число унитарных предприятий, за которыми закреплено имущества больше, чем необходимо для осуществления публичных функций. Тем не менее снижение административного вмешательства в деятельность хозяйствующих субъектов не должно происходить в ущерб одной из задач конкурентного регулирования – защите потребителя. Так, не следует останавливаться в работе над техническими регламентами, которые оставляют широкий простор для конкурентной борьбы, но не позволяют обманывать потребителей.

Для улучшения качества государственного регулирования экономических процессов, связанных с защитой конкуренции, необходимо принять ряд мер:

1. Усилить контроль за должностными лицами в области соблюдения антимонопольного законодательства, привлечь должностных лиц, нарушающих антимонопольное законодательство, к административной, а в определенных случаях и к уголовной ответственности (для этого внести соответствующие поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации).

2. Обратить особое внимание антимонопольного органа на государственные корпорации: при этом важно изъять ранее переданные им функции исполнительной власти и не допускать впредь такого наделения. Важно разработать систему мер по обеспечению прозрачности деятельности государственных корпораций либо изменить

организационно-правовую форму государственных корпораций.

3. Повысить роль стимулирующих мер в сфере конкурентного законодательства, таких как совершенствование механизма принудительного разделения хозяйствующих субъектов, приватизация и др.

4. Внести в антимонопольное законодательство поправки, которые касаются информационного освещения деятельности антимонопольных органов, состояния конкурентной среды на определенных рынках и др.

В заключение считаем необходимым отметить, что Конституция Российской Федерации установила общие принципы рыноч-

ной экономики, в том числе применительно к направлениям государственного управления. Но, к сожалению, даже органы власти пренебрегают нормами Основного Закона и вместо поддержки конкуренции создают препятствия для ее нормального развития. Совершенствование законодательства по развитию конкурентной среды призвано стать фактором улучшения структуры отечественной экономики, роста эффективности ее отраслей и отдельных предприятий, дать серьезные стимулы к снижению издержек при производстве и повышению качества наших товаров и услуг и реальной поддержке малого и среднего бизнеса, предпринимательства в целом.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 г. № 331 «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе» (ред. от 15.06.2010 г.) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3259.

² См.: Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 05.04.2010 г.) // Там же. 2006. № 31. Ч. 10. Ст. 3434.

³ См.: Федеральный закон от 09.10.2002 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»» (ред. от 26.07.2007 г.) // Там же. 2002. № 41. Ст. 3969.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного арбитражного суда Российской Федерации от 30.06.2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» (ред. от 14.10.2010 г.) // Вестник ВАС РФ. 2008. № 8.

⁵ См.: Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. 05.04.2010 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3434.

¹ Sm: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30.06.2004 g. № 331 «Ob utverzhdenii Polozhenija o Federal'noj antimonopol'noj sluzhbe» (red. ot 15.06.2010 g.) // SZ RF. 2004. № 31. St. 3259.

² Sm.: Federal'nyj zakon ot 26.07.2006 g. № 135-FZ «O zawite konkurencii» (red. ot 05.04.2010 g.) // Tam zhe. 2006. № 31. Ch. 10. St. 3434.

³ Sm.: Federal'nyj zakon ot 09.10.2002 g. № 122-FZ «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v zakon RSFSR «O konkurencii i ogranichenii monopolisticheskoj dejatel'nosti na tovarnyh rynkah»» (red. ot 26.07.2007 g.) // Tam zhe. 2002. № 41. St. 3969.

⁴ Sm: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo arbitrazhnogo suda Rossijskoj Federacii ot 30.06.2008 g. № 30 «O nekotoryh voprosah, vznikajuwih v svjazi s primeneniem arbitrazhnymi sudami antimonopol'nogo zakonodatel'stva» (red. ot 14.10.2010 g.) // Vestnik VAS RF. 2008. № 8.

⁵ Sm.: Federal'nyj zakon ot 26.07.2006 g. № 135-FZ «O zawite konkurencii» (red. 05.04.2010 g.) // SZ RF. 2006. № 31 (Ch. 1). St. 3434.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Женская преступность в Республике Беларусь: состояние, структура, динамика и характер

С.М. СВИЛО – доцент кафедры уголовного права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук

В статье анализируются состояние и динамика женской преступности, установлены абсолютные и относительные ее показатели, определены специфика структуры, основные детерминанты. Доказано, что женская преступность представляет собой самостоятельный вид преступности, который характеризуется устойчивой тенденцией к росту, отрицательным влиянием на нравственно-психологическую атмосферу общества. Значительные изменения в исследуемом явлении свидетельствуют о скрытых закономерностях развития и малоисследованных тенденциях его природы и характера.

Ключевые слова: женская преступность; женщина; наказание; преступление; состояние преступности; структура преступности.

Female crime in Republic of Belarus: status, structure, dynamics and character

S.M. SVILO – Docent of the chair of Criminal Law and Criminology of the educational establishment «Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus», Candidate in law

The article analyses the status and dynamics of female criminality; determines the absolute and relative of its activities; performs the specificity of the structure; defines the main determinants. It is established that female crime is a separate type of crime, which is characterized by a steady upward trend, a negative influence on a society, its moral and psychological atmosphere. The author concludes that the significant variation in female crime show hidden patterns and little explored trends of its nature and character.

Key words: female crime; woman; punishment; crime; status criminality; structure criminality.

Женская преступность является одной из актуальных криминологических проблем. Научный и практический интерес к ней объясняется особым местом женщин в системе общественных отношений, важностью социальных ролей и функций, которые они выполняют, и крайне неблагоприятными последствиями криминальных форм их поведения.

В настоящее время МВД и Минюст Республики Беларусь не располагают пол-

ноценными сведениями о женской преступности. Наиболее полно представлены данные о женщинах в источниках, характеризующих лиц, совершивших преступления. Так, по данным белорусского МВД, в 2010 г. правоохранительными органами выявлены 11 352 женщины, совершившие преступления, что на 7,4% больше, чем в 2009 г. (табл. 1).

Состояние и динамика женской преступности в Республике Беларусь (1990–2010 гг.)

Год	Выявлено женщин, совершивших преступления	Удельный вес (в %)	Уровень женской преступности на 100 тыс. женского населения	Среднегодовой темп прироста (снижения) (в %)
1990	5822	13,7	108	–
1991	5993	13,6	111	+2,9
1992	7251	13,9	135	+21,0
1993	8868	15,1	164	+22,3
1994	10 938	16,6	202	+23,3
1995	12 233	17,5	225	+11,8
1996	13 428	19,4	248	+9,8
1997	13 995	20,6	260	+4,2
1998	13 338	20,4	249	–4,7
1999	13 460	19,7	253	+0,9
2000	12 064	17,7	227	–10,4
2001	7047	12,7	133	–41,6
2002	8362	13,4	158	+18,7
2003	9263	12,9	176	+10,8
2004	10 955	13,3	209	+18,3
2005	11 673	13,3	224	+6,6
2006	10 721	13,6	206	–8,2
2007	10 294	13,2	199	–4,0
2008	10 285	14,2	232	–0,1
2009	10 573	14,4	237	+2,8
2010	11 352	15,3	248	+7,4

В целом за исследуемый период количество женщин, совершивших преступления, увеличилось почти в два раза, а мужчин – в полтора, в результате чего удельный вес первых вырос, а последних уменьшился на 1,6%. Уровень преступной зараженности женщин в это время увеличился в 2,3 раза, а мужчин – в 1,8. Все это свидетельствует о том, что темпы прироста числа выявленных женщин-преступниц намного опережают уровень соответствующего показателя у мужчин.

Основной причиной отмеченной тенденции является сложная экономическая ситуация, сложившаяся в республике в середине 90-х гг., и как следствие, трудности адаптации женщин к новым условиям в сфере труда, быта, досуга; повышенные физические и психологические нагрузки; стрессовые ситуации; высокая степень занятости, сопровождающаяся ограничением времени для отдыха и воспитания детей, приобщения к духовным ценностям. С экономическими трудностями, ростом психологической напряженности связано падение нравов, употребление алкоголя, ослабление главных социальных институтов, в первую очередь семьи. Разрушение семьи приводит к тому, что женщина перестает выполнять свою основную роль и обязанности. Сегодня в республике распадается более половины браков, с одним из родителей остаются около 40 тыс. детей, а каждый четвертый «али-

ментчик» – женщина. Около 3 тыс. женщин в судебном порядке ежегодно лишаются родительских прав.

В последние годы динамика и уровень преступной зараженности женщин в Республике Беларусь носят волнообразный характер. В 1990 г. выявлено 5822 женщины, совершившие преступления (13,7%), в 1995 г. – 12 233 (17,5%), в 2000 г. – 12 064 (17,7%), в 2005 г. – 11 673 (13,3%), в 2010 г. – 11 352 (15,3%).

Активный рост преступности женщин на 21, 22,3 и 23,4% наблюдался соответственно в 1992, 1993 и 1994 гг., а снижение на 10,4 и 41,6% – в 2000 и 2001 гг. Приведенные данные в значительной мере определяют высокие итоговые показатели первой половины 90-х гг.

Своего пика женская преступность достигла в 1997–1998 гг., когда ее доля составляла 20,6 и 20,3% соответственно, в то время как общие показатели преступности снижались. Это свидетельствует о скрытых малоисследованных закономерностях природы и характера рассматриваемого вида преступлений.

Показатель уровня преступности мужчин на 100 тыс. мужского населения превышает показатель уровня преступности женщин на 100 тыс. женского населения в 7,6 раза. Самый высокий коэффициент женской преступности (260) отмечался в 1997 г.

К перечню факторов, обуславливающих такие колебания, следует отнести изменения в уголовном, уголовно-процессуальном, трудовом, гражданском и семейном законодательстве. Они не только повлияли на правовой статус женщины и способствовали ее активному вовлечению в эконо-

мико-управленческую деятельность, но и повысили криминальную активность, что просматривается в характеристике структуры совершаемых деяний. Анализ соответствующих данных позволяет определить качественные изменения преступности женщин (табл. 2).

Таблица 2

Структура и динамика преступлений, совершенных женщинами (в %)

Виды преступлений	Год						
	2001	2003	2005	2007	2008	2009	2010
Преступления против жизни и здоровья, в том числе:	5,9	6,2	5,3	7,1	6,1	6,0	6,2
убийство;	1,5	1,6	1,2	1,5	0,9	1,0	0,9
умышленное причинение тяжкого телесного повреждения	2,6	3,1	3,1	3,4	3,3	3,0	2,4
Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних, в том числе:	8,4	12,7	15,9	14,2	18,3	21,7	24,5
уклонение родителей от содержания детей либо от возмещений расходов	8,2	12,3	15,7	13,9	18,1	21,5	24,3
Преступления против собственности, в том числе:	64,2	50,1	52,6	47,3	47,8	44,4	43,2
кража;	33,1	33,5	36,5	33,9	33,3	30,7	30,0
грабеж;	2,4	2,7	4,5	3,3	3,3	2,9	2,5
разбой;	1,9	1,7	0,8	0,5	0,5	0,4	0,3
мошенничество;	4,0	2,6	2,9	2,9	3,0	2,3	2,2
хищение путем злоупотребления служебными полномочиями;	2,1	1,2	0,9	0,9	1,2	1,6	1,7
присвоение либо растрата	8,3	5,5	3,8	4,1	3,8	2,7	3,2
Преступления против порядка осуществления экономической деятельности, в том числе:	7,7	6,1	3,1	2,6	2,3	2,0	1,2
нарушение правил о сделках с драгоценными металлами,	0,05	0,9	1,4	1,0	0,8	0,6	0,6
обман потребителей	5,2	4,3	0,8	0,1	0,4	0,2	0,4
Преступления против здоровья населения, в том числе:	8,3	7,7	4,8	3,3	3,1	3,0	3,2
незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров	8,2	7,4	4,7	3,1	3,1	2,9	3,1
Преступления против общественного порядка и общественной нравственности, в том числе:	2,2	3,6	3,1	2,5	1,6	1,0	1,0
хулиганство	2,1	3,4	3,0	2,4	1,5	0,9	0,9
Преступления против правосудия	1,3	3,9	6,0	13,2	11,6	15,0	12,8
Преступления против интересов службы	–	3,3	3,0	3,7	3,1	2,5	2,8
Иные преступления	2,0	6,4	4,7	6,1	6,1	4,6	5,1

Как видно из приведенных данных, структура преступности женщин за последние десять лет претерпела значительные изменения. На первое место в 2010 г. вышли преступления против собственности (43,2%), а самыми распространенными по-прежнему остаются кражи. Каждое шестое тайное хищение имущества совершалось женщиной. Результаты изучения уголовных дел сви-

детельствуют о том, что кражи чаще всего происходили из квартир (46,3%), в местах массового времяпрепровождения (21,9%), торговли (7,3%). По времени суток большая часть их приходилась на время с 12 до 18 ч (свыше 56%) и на рабочий день (70,7%). По-прежнему 20–30% тайных хищений совершались после совместного распития спиртных напитков или были связаны

с проникновением в квартиру женщины, представившейся служащей, выполняющей определенные поручения. В последние два-три года все чаще кражи совершались женщинами, приводимыми мужчинами в свой дом для интимной близости. В ходе исследования установлено, что таким способом совершено 25% краж, несмотря на высокую латентность этих преступлений.

Около 32% женщин, совершая кражи, предметом преступного посягательства выбирали деньги, каждая пятая завладела сумкой (кошельком) или мобильным телефоном. Сравнительно небольшое количество составляют посягательства на золотые изделия (9,8%), продукты питания (5%), спиртные напитки (2,4%). Причиненный ущерб свидетельствует о незначительной стоимости похищенного: только в результате совершения каждой седьмой кражи он признавался крупным или особо крупным.

Среди преступлений, связанных с посягательством на собственность, вторым наиболее распространенным оказалось присвоение либо растрата (3,2%), при этом с 2001 г. данный показатель снизился в 2,5 раза. Установлено, что более 90% женщин совершали преступления единолично, в основном в разных торговых точках (магазинах, павильонах), а предметом посягательства выступали деньги, что обусловлено и высоким удельным весом женщин среди работающих в указанных отраслях народного хозяйства.

Относительно высокий процент в структуре преступлений против собственности, совершенных женщинами, составляют грабежи. Следует отметить, что существуют различия в выборе времени и места для совершения грабежей и краж. Так, в парках, скверах и дворах совершено свыше 40% грабежей, причем их основная часть приходилась на рабочий день и вечернее или ночное время. При этом доминируют следующие предметы посягательства: деньги (47,4%), одежда (31,6%), мобильный телефон, сумка или кошелек (26,3%), золотые изделия (10,5%) и др. Исследованием установлено, что каждое второе такое преступление совершено женщинами в составе группы лиц. Как правило, это смешанная группа, участники которой находились в состоянии алкогольного опьянения. Анализируя поведение потерпевших от грабежей, можно выделить несколько характерных черт, которые способствовали совершению посягательства: совместное употребление спиртных напитков, халатное отношение к

сохранности имущества, неразборчивость в отношениях.

В 2001–2010 гг. наблюдается спад удельного веса женщин, совершивших преступления против порядка осуществления экономической деятельности с 7,7 до 1,2%. Доля женщин, осужденных за обман потребителей, в этот период уменьшилась в 13 раз. Однако нельзя недооценивать общественной опасности данных преступлений, поскольку в большинстве своем они совершаются в течение длительного времени, а к ответственности виновные привлекаются лишь за отдельные эпизоды. Около 90% случаев обмана потребителей происходило в городской торговле. Основная мотивация преступлений заключалась в удовлетворении незаконным путем собственных материальных потребностей, нередко завышенных и необоснованных. За рассматриваемый период значительно увеличилось количество женщин, осужденных за нарушение правил о сделках с драгоценными металлами и камнями: их доля в 2010 г. составила 0,6% от общего числа женщин, привлеченных к уголовной ответственности.

Особый интерес представляют изменения, происходящие в структуре насильственных преступлений, совершенных женщинами. Например, в период 1995–2010 гг. темпы прироста числа женщин, совершивших убийство, оказались в два раза выше, чем мужчин, а применительно к умышленному причинению тяжких телесных повреждений этот показатель был у женщин больше в 3,5 раза. Удельный вес преступлений против жизни и здоровья, совершенных женщинами и мужчинами, выше у первых и составляет соответственно 6,2% и 5,9%. Это позволяет констатировать, что по данному параметру – доле преступлений против жизни и здоровья в общей совокупности преступности – женщины лидируют. В 2010 г. каждое второе убийство в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны, каждое шестое умышленное причинение тяжкого телесного повреждения совершено женщинами. Установлено, что в числе участников совершения данных преступлений преобладают лица с низким социальным статусом, сложным материальным положением, злоупотребляющие спиртными напитками.

Совершенные женщинами преступления насильственного характера носили ситуативный характер и являлись реакцией на постоянное пьянство и насилие (физическое, сексуальное, психологическое) со стороны родных. Вместе с тем при вынесении при-

говоров судами противоправное поведение потерпевшего как обстоятельство, смягчающее ответственность, было учтено лишь в отношении 2,7% женщин. Большинство этих преступлений происходило в квартирах, незначительная часть – в общественных местах (улицы, скверы, парки и т.д.). Это объясняется спецификой данных деяний, значительная часть которых являлась результатом семейно-бытовых конфликтов и неурядиц. Каждое восьмое убийство совершено женщиной с применением холодного оружия, каждое второе – посредством предметов домашнего обихода.

Стабильно высоким на протяжении ряда лет остается количество совершенных женщинами убийств в состоянии алкогольного опьянения: в 2005 г. – 72,8%, в 2007 г. – 77,8%, в 2010 г. – 79,2%. В результате употребления спиртных напитков женщина становится несдержанной, вспыльчивой, грубой, теряет способность к самоконтролю, что и приводит к преступлению. За последние десять лет три женщины осуждены за убийство, совершенное в состоянии наркотического опьянения. Вместе с тем фактов умышленного причинения тяжкого телесного повреждения со стороны данной категории лиц не выявлено.

Специфическим преступлением женщин является убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 140 УК). Нами были проведены исследования осужденных преступниц, виновных в совершении этого деяния, что позволило раскрыть его природу и механизм. Основными аспектами изучения стали выявление и анализ сравнительно новых особенностей детоубийств, совершенных в последние годы. Так, в 2002 г. в республике за данное преступление осуждено четыре женщины, в 2003 г. – столько же, в 2004 г. – 5, в 2005 г. и 2007–2010 гг. – ни одной, в 2006 г. – 2.

Каждое второе убийство матерью новорожденного ребенка имело место в сельской местности; 73,3% подобных деяний совершено лицами в возрасте 18–24 лет, 13,3% – 25–29 лет, 6,7% – 30–49 лет. Как правило, преступницы – женщины из неблагополучных семей. Около половины из них мотивами убийства ребенка назвали материальную несостоятельность, каждая третья – стыд за рождение ребенка вне брака или гнев родителей. Формирование преступной мотивации у женщины в большинстве случаев связано с поведением мужчины-любownika, сожителя, мужа в период до убийства (например, его негативное отношение к предстоящему рождению ребенка во время

беременности) либо на этапе кульминации (одобрение или соучастие в преступлении).

Характерно, что во всех случаях убийства матерью новорожденного ребенка непосредственно после родов суд автоматически квалифицировал действия обвиняемых как убийство при смягчающих обстоятельствах, формально признавал наличие условий психотравмирующей ситуации. Убийство матерью своего новорожденного ребенка является актом противоестественным, поскольку оно направлено против законов сохранения и защиты жизни будущего поколения. Детей убивают варварскими способами: выбрасывают из окон, в мусоропровод, оставляют в закрытых помещениях без пищи и ухода, обрекая на медленную смерть. Несомненно, что чрезмерно лояльное отношение судебной системы к таким деяниям способно привести к необратимым криминальным и моральным последствиям, утрате ценности детской жизни, разрушению института материнства. Представляется справедливой позиция Ю.М. Антоняна, который подчеркивает, что «сталкиваясь с жестокостью, мы готовы для собственного душевного комфорта списать ее на патологию психики. Однако объективные исследования показывают, что это далеко не всегда возможно»¹. В то же время нельзя согласиться с мнением ученых, склонных считать такие преступления общественно менее опасными, чем другие умышленные убийства, а виновных в них женщин – жертвами общества².

Признание таких мотивов, как материальные трудности или невозможность осознать значение своих действий и руководить ими, не может служить оправданием убийства новорожденного: установлено, все виновные проживали в благоустроенном жилье, имели возможность работать, сознавали свое беременное состояние (только по одному из изученных уголовных дел осужденная была несовершеннолетней). Следует подчеркнуть, роды – это не внезапное событие, период вынашивания ребенка является достаточно длительным для осознания ответственности за жизнь нового человека; родоразрешение – вполне естественный для женщины физиологический акт, не всегда экстремально воздействующий на психику роженицы. В Республике Беларусь убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, наказывается ограничением или лишением свободы до пяти лет, в то время

как умышленное противоправное лишение жизни заведомо малолетнего – лишением свободы от 8 до 25 лет. Вместе с тем уголовное законодательство многих стран придерживается аналогичной позиции, исключения составляют Франция и КНР, где не предусмотрено привилегий для женщин, совершивших детоубийство.

Неблагоприятный с криминологической точки зрения симптом, свидетельствующий о падении нравов и утрате духовных ценностей в современном обществе и в определенной мере противоречащий естественному порядку вещей, – ежегодный рост числа матерей, уклоняющихся от содержания детей или от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении. Нами были выявлены следующие характеристики, присущие данному деянию: за десять лет его удельный вес вырос в два раза; две трети преступлений совершено в городах или поселках городского типа; половина женщин имели неснятую или непогашенную судимость, причем каждая четвертая – за преступления против собственности.

В общем количестве преступных деяний, совершенных женщинами, 3,2% занимают преступления против здоровья населения. Так, данной категорией лиц совершено каждое девятое преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, 12% из которых – в состоянии наркотического опьянения. Большинство составляют женщины, привлеченные к ответственности по ч. 1 ст. 328 УК. Как правило, это лица, ранее судимые за подобные деяния, являющиеся потребителями наркотиков. Подавляющая часть осужденных этой категории ВИЧ-инфицированы. Каждое шестое преступление против здоровья совершено женщинами в группе, каждое третье – лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость.

За последние десять лет в два раза снизилось количество женщин, осужденных за хулиганство. Так, 76,5% подобных деяний совершено в городах и поселках городского типа; значительная часть (около 65%) – в местах проведения досуга в выходные или праздничные дни с 18 до 24 ч; каждое второе

– в составе смешанной группы лиц, состоящей из трех и более человек, находящихся в дружеских отношениях. Как и мужчины, женщины совершают хулиганские действия в нетрезвом состоянии (около 80%), но в результате не случайного опьянения, а систематического пьянства, антиобщественного образа жизни, аморального поведения в быту. Многие виновные ранее привлекались к уголовной и административной ответственности, каждая шестая имеет неснятую или непогашенную судимость.

В последние годы резко увеличилось количество женщин, совершивших преступления против правосудия. В основном это обусловлено ростом следующих видов деяний: уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ, уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы, дача заведомо ложных показаний и заведомо ложный донос. Стабильными на протяжении нескольких лет в представленной структуре являются показатели преступлений против интересов службы – 2,8% (в большинстве случаев – служебный подлог). Доля женщин, привлеченных к уголовной ответственности за получение взятки, составила 0,3%, за дачу взятки – 0,4%.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, женская преступность представляет собой самостоятельный вид, который характеризуется устойчивой тенденцией к росту, своеобразием и спецификой структуры, отрицательным влиянием на общество, его нравственно-психологическую атмосферу, другие составные части преступности, прежде всего на преступность несовершеннолетних.

Во-вторых, корыстная направленность является типичной и характерной чертой женской преступности.

В-третьих, в настоящее время отмечается значительный рост совершенных женщинами преступлений против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних, насильственных преступлений, проявлений агрессивности и жестокости в их поведении.

Такие изменения вызывают особую тревогу и требуют со стороны общества и государства большего внимания и обуславливают необходимость разработки эффективных

■ мер предупреждения женской преступности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Антонян Ю.М. Криминальная патопсихология. М., 1991.

² См.: Сердюк Л. Детоубийство: вопросы правовой оцен-

¹ Antonjan Ju.M. Kriminal'naja patopsihologija. M., 1991.

² См.: Serdjuk L. Detoubijstvo: voprosy pravovoj ocenki // Rossijskaja justicija. 2003. № 11. S. 43–45.

Криминализация деяний, мотивированных ненавистью или враждой: за и против

А.М. СЫСОЕВ – начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматривается эволюция формирования в уголовном законодательстве особо выделяемой группы норм – мотивированных ненавистью или враждой. Автор соотносит данную категорию с преступлениями на почве ненависти, выделяемыми в законодательстве ряда зарубежных стран, и определяет основные противоречия, возникающие при криминализации деяний, мотивированных ненавистью или враждой.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности; криминальный экстремизм; преступления на почве ненависти; законодательство зарубежных стран.

Criminalization of acts motivated by the hatred or enmity: for and against

A.M. SYSOEV – chief of the Law Faculty the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Psychology, Associate Professor

The article discusses the evolution of the formation of the criminal legislation emphasizes group of norm – motivated by the hatred or enmity, which received domestic criminal legislation known as «crimes of an extremist». The author relates this category with hate crimes, allocated in the legislation foreign countries and identifies the basic opposition arising from the criminalization of acts motivated by the hatred or enmity.

Key words: crimes of an extremist; criminal extremism; hate crimes; the law of foreign countries.

Системный анализ социально-экономических реалий и криминогенных процессов, происходящих на территории Российской Федерации, позволяет заключить, что насущная потребность современного общества в эффективной борьбе с преступностью экстремистской направленности определяется особенностями сложившейся социальной ситуации и негативными тенденциями криминализации, масштабы и уровень общественной опасности которой продолжают расти. Несмотря на то, что доля преступлений экстремистской направленности в общей структуре преступности относительно незначительна, эти деяния кроме очевидной общественной опасности порождают ряд серьезных социальных проблем, вызывающих пристальное внимание средств массовой информации и общественности и порождающих у граждан чувство незащищенности от такого рода посягательств.

Преступления экстремистской направленности были выделены в Уголовном кодексе Российской Федерации в особую группу

норм на основании федерального закона от 25.07.2002 г. №112-ФЗ. Первоначально в ч. 1 ст. 282.1 УК РФ законодатель обозначил список деяний, совершаемых по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренных ст. 148, 149, ч. 1 и 2 ст. 213, ст. 214, 243, 244, 280 и 282. Кроме перечисленных составов к указанной группе преступлений были отнесены организация экстремистского сообщества (ст. 282.1) и организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2).

Приведенный перечень был весьма спорен, так как не учитывал целого ряда норм, в которых были закреплены мотивы, определяемые законодателем как экстремистские (в частности п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), при этом вызывало удивление включение в него норм, в диспозиции которых мотивы ненависти просто отсутствовали (ст. 213, 214 УК РФ). Поэтому вполне очевидным стало вне-

сение соответствующих законодательных изменений с целью оптимизации системы противодействия криминальному экстремизму.

Федеральным законом Российской Федерации от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ было внесено дополнение, согласно которому совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является обстоятельством, отягчающим наказание. Совершение преступления по указанным мотивам стало новым квалифицирующим признаком в ряде норм УК РФ, что расширило список уголовно наказуемых деяний на 13 составов. Изъятие из диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ четкого указания, какие именно деяния являются преступлениями экстремистской направленности, сделало их ситуационно неопределенными. С позиции законодательной техники мотивы ненависти или вражды закреплены в уголовном законодательстве некорректно: они определены как обстоятельство, отягчающее наказание (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ), при этом отнесены к конструктивному признаку некоторых норм, а следовательно, должны быть выведены из списка обстоятельств, отягчающих наказание.

Необходимо отметить очевидные проблемы, возникающие из-за недостаточного раскрытия мотивов идеологической, политической и социальной ненависти или вражды. Терминологически идеологическая и политическая вражда сопоставимы как общее и частное. Сами по себе мотивы политической и идеологической ненависти или вражды не могут являться уголовно наказуемыми деяниями, так как это вступает в противоречие со ст. 13 Конституции Российской Федерации. При этом особую опасность представляет обращение к ним при квалификации деяния по ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», где само понимание таковой деятельности, равно как и призывы к насильственным действиям, просто отсутствуют.

Сложности, возникающие в связи с применением понятия «социальная принадлежность», в немалой степени обусловлены неоднозначным его толкованием в действующем законодательстве. Подразумевается, что категория социально-групповой принадлежности столь же привычна и по-

нятна участникам правоотношений, как расовая или религиозная принадлежность. Вместе с тем, если исходить из буквального понимания социальной группы, можно выделить несколько оснований для установления таковой принадлежности, а именно: уровень доходов, социальное происхождение, профессия, образовательный уровень, семейный статус, а также национальность как самоопределение лица в рамках определенной культурной общности¹. Такая неопределенность порождает казусы, когда абсолютное большинство преступлений мы можем трактовать как деяния экстремистской направленности. Например, преступления против собственности (кража, грабеж, разбой) могут быть мотивированы более высоким уровнем доходов потерпевшего, а это можно трактовать как проявление социальной ненависти.

Анализируя преступления экстремистской направленности, необходимо отметить, что криминализация деяний, мотивированных ненавистью или враждой, на основании социально-демографического или биологического статуса жертвы не является исключением из мировых тенденций уголовно-правовой защиты личности. В зарубежном законодательстве преступления, основанные на мотивах ненависти, вражды или предубеждения к жертве, получили широкое распространение. В англоязычной литературе понятия «hate crime» и «bias motivated crimes» используются для обозначения уголовных правонарушений, соотносимых с преступлениями экстремистской направленности, при этом имеющих свою специфику в каждой стране.

Выделение преступлений на почве ненависти в качестве особой группы уголовно наказуемых деяний во многом связано с тем, что они попирают идею равенства всех членов общества. «Утверждение равенства всех людей относится к основополагающим ценностям и направлено на воплощение полноты человеческого достоинства и на предоставление каждому человеку возможности полностью реализовать собственный потенциал»². Клайд Хэберман, анализируя американское законодательство, отмечает: «Эти законы на самом деле наказывают преступные мысли, поскольку преступные акции – подстрекательство, избиение, вандализм, убийство – сами по себе противоречат закону»³. Вместе с тем само определение «преступление на почве ненависти» не может обладать универсальностью, поскольку все страны имеют исторически сложившие-

ся особенности общественного развития, что сказалось на эволюции взглядов на уголовно-правовую охрану личности от такого рода посягательств. Д. Гудлей, отмечая, что в европейских странах не существует унифицированного определения рассматриваемого феномена ни в юриспруденции, ни в социальных науках, указывает, что термин «преступление на почве ненависти» является относительно новым для многих государств, традиционно рассматривающих отдельные проявления ненависти – антисемитизм, деятельность крайне правых экстремистов, насилие на расовой и этнической почве⁴. При этом споры о необходимости выделения мотивов ненависти в качестве обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность, равно как и появление в законодательстве новых норм, охраняющих права и свободы социально незащищенных групп населения в силу их социально-демографических и/или биологических признаков, не утихают до сих пор.

Защитники криминализации деяний на почве ненависти отмечают, что, хотя уголовное законодательство и имеет средства правовой защиты для многих угрожающих социуму форм поведения, необходимость жестких санкций, налагаемых за указанные преступления, оправдана реализацией принципа пропорциональности, связывающего тяжесть наказания с тяжестью причиненного преступлением вреда. Еще представители классической школы уголовного права (Чезаре Беккариа, Уильям Блэкстон) отмечали, что среди преступлений различной природы наиболее суровое наказание должно предусматриваться за те деяния, которые являются наиболее разрушительными для общественной безопасности. Такие деяния наносят вред не только конкретному лицу, но и подрывают устои социального устройства. Профессор Г. Шнайдер справедливо утверждает, что «эти преступления являются сообщениями для членов групп, олицетворяемых преступником с жертвой, что вызывает в обществе атмосферу страха, и в этом и заключается повышенная опасность таких деяний»⁵. Жертвы преступлений на почве ненависти нередко ощущают чувство беспомощности в связи со сложившимися обстоятельствами, поскольку не могут изменить свои индивидуальные характеристики, а также испытывают повышенную подозрительность и в ряде случаев враждебность в отношении людей, имеющих сходные с преступником признаки.

Исследования, проведенные Американской психологической ассоциацией, подтверждают высказанное выше: жертвы преступлений на почве ненависти обостренно ощущают дискриминацию в отношении своей группы, что может привести как к депрессивному состоянию и низкой самооценке⁶, так и желанию восстановить поправную справедливость. В результате проведенных исследований (А. Бернес, П. Эфрос, Д. Сангрей) было выяснено, что около 68% жертв испытывали чувство гнева и ощущали желание отомстить преступнику, почти 50% потерпевших боялись возможной физической расправы над собой и близкими. Примерно одна треть опрошенных (33,9%) отметили изменения в своем поведении, мотивированные желанием снизить риск виктимизации: смена места жительства и места работы, снижение социальной активности, приобретение оружия или повышенная готовность к его использованию, покупка первоначальных или дополнительных устройств безопасности для дома⁷. Таким образом, ужесточение уголовной ответственности за рассматриваемые преступления способствует укреплению общественных приоритетов, в первую очередь терпимости и уважения к маргинализированным и социально незащищенным группам населения.

При всей обоснованности криминализации следует раскрыть и другую точку зрения, в соответствии с которой выделение деяний, мотивированных ненавистью или враждой, в качестве особой группы норм, при которой ужесточается уголовная ответственность, представляется реальной общественной опасностью. Противники криминализации отмечают, что в таком законодательстве уже будет заложена дискриминация, так как группы, которые подпадают под охрану в силу своих особенностей (расы, религии, этнической принадлежности, цвета кожи, сексуальности, физических и умственных способностей), объявляются государством приоритетными, что в свою очередь «создает трещину в общественных отношениях»⁸. Например, национальным законодательством защищается гомосексуальность, но охрана от преступных посягательств в отношении лиц гетеросексуальной направленности не является приоритетом. Выделение отдельных групп населения с целью приоритетной уголовно-правовой защиты ставит под угрозу принцип равенства всех граждан перед законом, что подрывает основы демократических прав и свобод, а следовательно, и существующие общест-

венные отношения между различными группами населения.

Кроме того, учет мотива ненависти при вынесении судебного приговора чреват проявлением определенного субъективизма, что связано с уже отмеченной нечеткостью квалифицирующих признаков, а именно с особенностями понимания мотивов ненависти. Анализируя уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за деяния экстремистской направленности, сформу-

лированные отечественным законодателем, нельзя не заметить, что отсутствие такого важного квалифицирующего признака, как насилие, а также призывы к нему (что особо ярко проявляется в ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ), создает угрозу для обеспечения свободы слова как основополагающего принципа демократического общества.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уместно вспомнить, что графа «национальность» в паспорте гражданина Российской Федерации отсутствует.

² Законодательство против преступлений на почве ненависти: Практическое руководство. Варшава, 2009. С. 22.

³ http://www.imcl.ru/usa/070530_fobia.php

⁴ См.: Дремина-Волок Н.В. Международно-правовое противодействие преступлениям «ненависти» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2009. С. 490.

⁵ Schneider H.J. Politische Kriminalitet: Hassverbrechen // Kriminalistik. 2001. № 1 (55). P. 21–22.

⁶ <http://www.apa.org/about/gr/issues/violence/hate-crimes-faq.pdf>

⁷ См.: Barnes A., Ephross P. The Impact of Hate Violence on Victims // Social Work. 1994. May. P. 247–251.

⁸ Mason G. Hate crimes in Australia: Are they achieving their goals? // Criminal Law Journal. 2009. № 33 (6). С. 326–340.

¹ Umestno vspomnit', chto grafa «nacional'nost'» v pasporte grazhdanina Rossijskoj Federacii otsutstvuet.

² Zakonodatel'stvo protiv prestuplenij na pochve nenavisti: Prakticheskoe rukovodstvo. Varshava, 2009. S. 22.

³ http://www.imcl.ru/usa/070530_fobia.php

⁴ См.: Dremina-Volok N.V. Mezhdunarodno-pravovoe protivodejstvie prestuplenijam «nenavisti» // Uголовное право: strategija razvitija v XXI veke. M., 2009. S. 490.

⁵ Schneider H.J. Politische Kriminalitet: Hassverbrechen // Kriminalistik. 2001. № 1 (55). P. 21–22.

⁶ <http://www.apa.org/about/gr/issues/violence/hatecrimes-faq.pdf>

⁷ См.: Barnes A., Ephross P. The Impact of Hate Violence on Victims // Social Work. 1994. May. P. 247–251.

⁸ Mason G. Hate crimes in Australia: Are they achieving their goals? // Criminal Law Journal. 2009. № 33 (6). S. 326–340.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Негативные положения договора на обучение государственных гражданских служащих

Д.Б. МИННИГУЛОВА – доцент кафедры гражданского права Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются позитивные и отрицательные стороны договора на обучение кадров для государственной гражданской службы. По мнению автора, включение в договор на обучение обязательства о прохождении государственной гражданской службы является скрытой формой принудительной отработки, что противоречит конвенциям МОТ № 29, 105 и Конституции Российской Федерации, запрещающим принудительный труд, а также федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации», предоставляющему право на свободное расторжение служебного контракта, заключаемого с гражданским служащим.

Ключевые слова: государственная гражданская служба; договор на обучение; профессиональное образование; студенты; служебный контракт; отработка; обязательства; Конституция Российской Федерации; свобода выбора вида деятельности; обязанности и права гражданина; принудительный труд; неправомерность.

Negative conditions of the education agreement of state civil servants

D.B. MINNIGULOVA – the senior lecturer of chair of civil law The Bashkir academy of public service and management at the President of republic Bashkortostan the candidate of jurisprudence, the senior lecturer

The article contains the evaluation of the positive and negative conditions of the education agreement of civil servants. The author thinks that the inclusion into the agreement of the condition of compulsory service in a public organ upon graduation is a hidden form of forced labor. It contradicts to the ILO Forced Labor Convention № 29, 105 and the Constitution of the Russian Federation which prohibit forced labor. The named condition also contradicts to the law on State Public Service of the Russian Federation which provides freedom of service contracts concluded by a civil servant.

Key words: state civil service; education agreement; professional education; students; service contract; the Constitution of the Russian Federation; freedom of labor; forced labor; citizen's rights and obligations; forced labor; unlawfulness.

Законодательство о государственной гражданской службе восприняло некоторые отрицательные параметры современной административной модели регулирования служебных отношений, в частности обязательность государственной гражданской службы (далее – гражданской службы) при наличии

между гражданином и государственным органом договора на обучение. При этом речь идет не о военной и правоохранительной, а именно о гражданской службе, которая в своей основе является добровольной¹.

В Федеральном законе от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской

службе Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о гражданской службе)², на наш взгляд, отражен советский подход к подготовке кадров для гражданской службы, который отстаивается большинством специалистов в области административного права. Одна из отрицательных сторон – обязательность прохождения гражданской службы, которая выступает скрытой формой принуждения к труду, как это практиковалось ранее при социалистическом строительстве, – и обозначается термином «отработка».

Принуждение к гражданской службе сформулировано в служебном законодательстве как обязательство (обязательность) ее прохождения и предусмотрено такими нормативными правовыми актами, как Федеральный закон о гражданской службе (п. 4 ст. 24), Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2009 г. № 1456 «О подготовке кадров для федеральной государственной гражданской службы по договорам на обучение»³ и положение «О порядке заключения договора на обучение между федеральным государственным органом и гражданином Российской Федерации с обязательством последующего прохождения федеральной государственной гражданской службы».

В служебном контракте, согласно ст. 24 Федерального закона о гражданской службе, в качестве дополнительного условия может быть установлена «обязанность лица проходить гражданскую службу после окончания обучения в образовательном учреждении профессионального образования не менее установленного договором на обучение срока, если обучение осуществлялось за счет средств соответствующего бюджета».

Э.Г. Липатов и С.Е. Чанов сомневаются в правомерности этого условия. Пытаясь осмыслить и объяснить позицию законодателя, они, с одной стороны, говорят о том, что формулировка этой нормы представляется не вполне корректной, поскольку согласно Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству об образовании⁴ гражданину гарантируется возможность получения на конкурсной основе высшего профессионального образования за счет бюджетных средств в государственных или муниципальных учреждениях образования. Это право не связано с обязанностью отработать определенное время по специальности (как это было при существовавшей ранее системе распределения). С другой стороны, допуская возможность

правомерности рассматриваемого дополнительного условия служебного контракта, исследователи утверждают, что «по всей видимости, данная обязанность может возлагаться на гражданина только при обучении по направлению соответствующего государственного органа и при наличии соответствующего договора об обучении. По смыслу комментируемой нормы, обязанность лица проходить гражданскую службу после окончания обучения должна быть предусмотрена договором на обучение»⁵.

Замечание о некорректности п. 3 ст. 24 Федерального закона о гражданской службе, во-первых, носит слишком общий и неопределенный характер; во-вторых, законодатель говорит не вообще о бюджетном обучении, а о средствах соответствующего бюджета, под которым понимается бюджет государственного органа; в-третьих, не всем гражданам гарантировано получение высшего профессионального образования за счет бюджетных средств. Единственное, на что верно обращается внимание, – обязанность проходить гражданскую службу после окончания обучения в соответствии с договором.

Отсылка к договору на обучение не снимает вопроса о правомерности обязательного прохождения гражданской службы и не устраняет противоречия между нормами Конституции Российской Федерации, нормативными положениями Федерального закона о гражданской службе и указом Президента Российской Федерации № 1456.

Комментируя ст. 24 Федерального закона о гражданской службе, Л.А. Чиканова не дает ответа на вопрос о правомерности дополнительного вышеуказанного условия, а ограничивается, как и другие авторы, отсылкой к договору на обучение. По ее мнению, рассматриваемое условие «может быть включено в служебный контракт только в том случае, если этот же контракт, приложение к нему или специальное соглашение содержат условие об обязанности представителя нанимателя оплатить обучение в образовательном учреждении профессионального образования за счет средств соответствующего бюджета»⁶. Вместе с тем, анализируя ст. 36 Федерального закона о гражданской службе «Расторжение служебного контракта по инициативе гражданского служащего», автор утверждает, что «по истечении срока предупреждения о расторжении служебного контракта и увольнении с гражданской службы по собственному желанию представитель нанимателя не вправе задерживать

гражданского служащего. Никакие причины (денежная задолженность, необходимость завершить начатую работу, отсутствие передачи материальных ценностей и пр.) не могут служить для этого основанием»⁷. Следует добавить, что причиной отказа в увольнении с гражданской службы по собственному желанию для гражданского служащего не может стать и наличие в служебном контракте каких-либо обязательств, в том числе таких, как обязательство о прохождении гражданской службы, которые предусмотрены договором на обучение.

В связи с тем что законодатель восстановил возможность отработки, то есть, по существу, принудительного труда на гражданской службе, возникает ряд нерешенных проблем по поводу порядка оформления, содержания, условий и срока действия договора на обучение с последующим прохождением гражданской службы.

Порядок заключения договора на обучение для подготовки кадров гражданской службы урегулирован указом Президента Российской Федерации № 1456 в утвержденном им положении, что соответствует ст. 24 Федерального закона о гражданской службе. Основное противоречие подпункта 3 п. 4 ст. 24 Федерального закона о гражданской службе и положения, утвержденного названным указом Президента России, нормам Конституции Российской Федерации состоит в том, что гражданин (студент), заключивший этот вид договора, лишается права выбирать вид деятельности после получения соответствующего профессионального образования и права свободно и в любое время расторгнуть служебный контракт по своей инициативе без объяснения причин его расторжения, в том числе при отсутствии уважительности увольнения с гражданской службы. Если отталкиваться от административно-правовой модели регулирования данного вида отношений, что имеет место в современном законодательстве о гражданской службе, то студент образовательного учреждения теряет такое право с момента заключения договора на обучение с государственным органом в рамках процедуры, предусмотренной положением от 21.12.2009 г.⁸

Нормы трудового законодательства в прошлом, как и нормы современного служебного права, предусматривали обязанность отработать установленный трудовым договором срок. Срочный трудовой договор не допускалось расторгать досрочно, тем более молодому специалисту. В противном

случае появлялась реальная угроза увольнения за прогул. Те же самые последствия грозили работнику, если его обучение осуществлялось за счет средств работодателя. Однако новая редакция Трудового кодекса Российской Федерации отказалась от таких жестоких и «полицейских» мер. В настоящее время вместо отработки трудовое законодательство предусматривает возможность возвращения средств, затраченных на обучение работника.

Согласно ст. 249 ТК РФ «в случае увольнения без уважительных причин до истечения срока, обусловленного трудовым договором или соглашением об обучении за счет средств работодателя, работник обязан возместить затраты, понесенные работодателем на его обучение, исчисленные пропорционально фактически не отработанному после окончания обучения времени, если иное не предусмотрено трудовым договором или соглашением об обучении». В данном случае речь идет о работнике, который приступил к работе после обучения, но не отработал установленный договором срок. Вместе с тем законодателем не определены последствия такого положения, когда работник вообще отказывается поступать на работу к работодателю, оплатившему его обучение.

В служебном законодательстве, в частности Федеральном законе о гражданской службе и указе Президента Российской Федерации «О подготовке кадров для федеральной государственной гражданской службы по договорам на обучение», обозначенная проблема решается по старым канонам советского законодательства о труде и служебного законодательства. При этом не обращается внимание, что подпункт 3 п. 4 ст. 24 Федерального закона о гражданской службе противоречит ст. 36 этого же закона, в соответствии с которой гражданский служащий в любое время может уволиться с гражданской службы (расторгнуть служебный контракт) по собственному желанию, выполнив для этого определенные процедуры, предусмотренные федеральным законом о гражданской службе. Это право не ограничивается и не может быть ограничено какими-либо дополнительными условиями, в том числе посредством включения их в служебный контракт и договор на обучение, который предусматривает после получения профессионального образования обязанность прохождения гражданской службы. Помимо указанного противоречия между ст. 24 и 36 Федерального закона о гражданской службе, принимается во внимание

также запрещение включения в служебный контракт условий, ухудшающих положение гражданского служащего по сравнению с положением, установленным Федеральным законом о гражданской службе, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами.

Следует исходить из того, что обязательное поступление на гражданскую службу по причине заключения договора на обучение и получения профессионального образования ущемляет конституционное право гражданина на выбор вида деятельности, является завуалированной формой принудительного труда и, конечно, не улучшает, а ухудшает правовое положение гражданского служащего.

В связи с изложенным и для приведения служебного законодательства в соответствие с нормами международного права,

устранения противоречий с конвенциями Международной организации труда № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда»⁹ и № 105 «Об упразднении принудительного труда»¹⁰, а также Конституцией Российской Федерации, запрещающими принудительный труд, в указанные нормативные акты необходимо внести следующее дополнение: «Лицо, заключившее специальный договор на обучение, обязано пройти гражданскую службу в течение установленного таким договором срока или возместить стоимость обучения пропорционально неотработанному сроку, если отказ от прохождения гражданской службы осуществляется без уважительных причин (ст. 24 Федерального закона о гражданской службе и указ Президента Российской Федерации № 1456)».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

² См.: Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 31 июля.

³ Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2009 г. № 1456 «О подготовке кадров для федеральной государственной гражданской службы по договорам на обучение» // Там же. 2009. 25 дек.

⁴ См.: Закон Российской Федерации от 10.07.1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // Российская газета. 1992. 31 июля; Федеральный закон от 22.08.1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.

⁵ О государственной гражданской службе Российской Федерации: Комментарий к федеральному закону / Под ред. С.Е. Чаннова, Э.Г. Липатова. М., 2005.

⁶ Cit. po: О государственной гражданской службе Российской Федерации: Комментарий к федеральному закону / Отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М., 2005.

⁷ Там же.

⁸ См.: Положение «О порядке заключения договора на обучение между федеральным государственным органом и гражданином Российской Федерации с обязательством последующего прохождения федеральной государственной гражданской службы» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 21.12.2009 № 1456) // Российская газета. 2009. 25 дек.

⁹ См.: Ведомости ВС СССР. 1956. № 13. Ст. 279.

¹⁰ См.: Бюллетень международных договоров. 2002. № 2. С. 3–5.

¹ См.: Federal'nyj zakon ot 27.05.2003 g. № 58-FZ «O sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2003. № 22. St. 2063.

² См.: Federal'nyj zakon ot 27.07.2004 g. № 79-FZ «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii» // Rossijskaja gazeta. 2004. 31 iulja.

³ Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21.12.2009 g. № 1456 «O podgotovke kadrov dlja federal'noj gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby po dogovorom na obuchenie» // Tam zhe. 2009. 25 dek.

⁴ См.: Zakon Rossijskoj Federacii ot 10.07.1992 g. № 3266-1 «Ob obrazovanii» // Rossijskaja gazeta. 1992. 31 iulja; Federal'nyj zakon ot 22.08.1996 g. № 125-FZ «O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii» // SZ RF. 1996. № 35. St. 4135.

⁵ O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii: Kommentarij k federal'nomu zakonu / Pod red. S.E. Channova, Je.G. Lipatova. M., 2005.

⁶ Cit. po: O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii: Kommentarij k federal'nomu zakonu / Otv. red. A.F. Nozdrachev. M., 2005.

⁷ Там же.

⁸ См.: Polozhenie «O porjadke zaključenija dogovora na obuchenie mezhdru federal'nym gosudarstvennym organom i grazhdaninom Rossijskoj Federacii s objazatel'stvom posledujuwego prohozhenija federal'noj gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby» (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21.12.2009 № 1456) // Rossijskaja gazeta. 2009. 25 dek.

⁹ См.: Vedomosti VS SSSR. 1956. № 13. St. 279.

¹⁰ См.: Bjulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2002. № 2. S. 3–5.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Русская православная церковь и тюремные учреждения: традиции взаимоотношений

Н.А. БЕЛОВА – преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье рассматривается история взаимодействия православной церкви с тюремными учреждениями в дореволюционной России. Автор прослеживает становление и развитие тюремной миссии русского православного духовенства, раскрывает его роль в нравственном исправлении заключенных, уделяет внимание рассмотрению обязанностей священнослужителей в местах лишения свободы. Идеи автора подкрепляются примерами из документальных и научных источников.

Ключевые слова: история православного тюремного служения; история нравственного воспитания заключенных; тюремная миссия; тюремное духовенство; благотворительность.

Russian orthodox church and prisons: a tradition of relationships

N.A. BELOVA – the candidate of historical sciences, the teacher of chair of philosophy and history, the Vologda Institute of Law and Economics of The Federal Penal Service of Russia

The article reviews the history of interaction between the Orthodox Church with prisons in pre-revolutionary Russia. The author traces the emergence and development of the prison mission of the Russian Orthodox clergy, its role in the moral correction of prisoners, as well as the evolution of the duties of priests in prison. Author's ideas are supported by examples from the documentary and scientific sources.

Key words: history of the Orthodox Prison Mission; history of Moral Education of Prisoners; prison Mission; prison Clergy; charity.

На Руси еще со времен Русской Правды существовали церковные суды с собственной юрисдикцией, к компетенции которых, по византийскому Номоканону и церковным уставам князей Владимира и Ярослава, относились все явления общественной и частной жизни, связанные с церковью и нравственностью. Их классификация была следующей: 1) преступления против веры и церкви; 2) преступления против семейного союза; 3) преступления против целомудрия; 4) некоторые случаи смертоубийства, если убитым являлось лицо бесправное, находившееся под покровительством церкви; 5) дела союза родителей и детей; 6) дела по наследству¹.

Включение монастырей в общую систему наказания России связано с их использованием в качестве средства наказания преступников. Монастырская ссылка «на покаяние», «смирение» и «под начало» практиковалась за правонарушения и преступления в отношении как духовных, так и светских лиц. Для священнослужителей такое наказание чаще всего предусматривалось за преступления против веры и нетяжкие уголовные (участие в расколе и прочих «ересях», порочное поведение, требование паты за пострижение и т.п.), для мирян – за нарушение норм семейного и наследственного права (незаконное рождение ребенка, преступная связь, многобрачие и т.п.).

Для соответствующих целей использовалось большинство существовавших в тот период монастырей, прежде всего в отдаленных местностях. Кроме того, бытовало насильственное пострижение в монастырь детей родителями и жен мужьями, хотя в последнем случае в качестве наказания в монастырь заключали не только супруга, но и священнослужителя, допустившего незаконный постриг.

Судебником 1550 г. в качестве меры наказания было впервые введено тюремное заключение, причем наиболее суровым его видом считалось монастырское заточение. Печальной известностью пользовалась тюрьма Соловецкого монастыря, куда начиная с середины XVI в. ссылались религиозные и государственные преступники. Всего через Соловки прошли около 600 заключенных. Во второй половине XVIII в. открылась еще одна монастырская тюрьма в Спасо-Евфимиевом монастыре г. Суздаля. С 1766 по 1902 гг. здесь перебивало свыше 400 чел., из них 340 – в XIX в.²

В 1840-е гг. законодательное оформление получила ссылка в монастырь несовершеннолетних (на вечную работу – в качестве замены смертной казни, в отдаленные монастыри на 15 лет – за убийство и поджог, на 7 лет – за неоднократные кражи и другие подобные преступления). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ред. 1885 г.) содержало перечень категорий лиц, которые могли быть подвергнуты монастырскому заточению: несовершеннолетние от 10 до 17 лет, совершившие преступления «по неразумению или осознанно»; священнослужители и монашествующие, приговоренные к временному заключению в тюрьму; гражданские лица за вступление в брак без воли родителей, прелюбодеяние, похищение женщины для вступления с ней в брак против ее воли, кровосмешение с близкими родственниками. Эта тенденция отражала изъятие данного вида наказания из ведомства духовного суда. Церковные суды могли применять монастырскую ссылку в основном только в отношении священнослужителей и монашествующих. Вместе с тем сохранялась функция монастырей по увещанию преступников. С последней четверти XIX в. монастыри постепенно утрачивают свою карательную роль, что было вызвано начавшейся реформой пенитенциарной системы и строительством новых государственных тюрем. Число ссыльных в монастырях и заключенных в монастырских темницах заметно снизилось.

Обязанность заботиться об узниках христианская церковь взяла на себя еще на Первом Вселенском соборе в 325 г. в Никее. На

Руси первые сведения о проявлении милосердия по отношению к людям, лишенным свободы, относятся к началу XI в. Благотворное влияние православных истин на князя Владимира нашло выражение в его добросердечном отношении к преступникам и готовности отменить смертную казнь. В Изборнике Святослава (1076 г.) тюремная миссия рассматривалась как средство достижения Царства Божия: для этого «...к темнице дойди, видишь беду их и вздохи»³. Иными словами, первые русские князья видели в преступниках людей, не окончательно погибших, а оступившихся, проявляли милосердие к ним и заботились о спасении их душ.

К XII в. относится появление на Руси православной практики духовно-нравственного назидания (увещевания) «впадших в преступления» лиц и заботы о них. Например, преподобному Варлааму Хутынскому, основателю и игумену Спасо-Преображенского Хутынского монастыря, удалось добиться успеха в исправлении осужденного, которого он спас от утопления в Волхове. Заступничество о преступниках со стороны духовенства постепенно превратилось в обязанность. В этом отношении весьма интересно наставление Московского митрополита Петра (XIV в.): «Милуйте убогих... плененных и заключенных в темнице, каждый пусть благотворит по силе»⁴. Преподобный Иосиф Волоцкий (XVI в.) наставлял не только посещать места лишения свободы, но и оказывать находящимся там материальную и духовную помощь: «дойди до темницы и узнай беду тамошних, чего требуют подай, поскорби, вздохни, прослезись с ними; вспомни, что многие из них страдают за один какой-нибудь грех, а мы постоянно грешим и, однако, живем счастливо»⁵.

Заключенных в темницах посещали не только представители духовенства, но и миряне. Обычай навещать на праздник Пасхи обездоленных и узников существовал на Руси еще с древности. Представители всех сословий в этот день приносили заключенным свое угощение, прося их молитв о себе, поскольку верили, что страдающий человек ближе к Богу. Даже царь в этот день приезжал в тюрьму и говорил заключенным: «Христос Воскрес и для вас!» Осужденным от царского имени раздавались одежда и угощение.

В тюремной миссии XVII в. наиболее показателен пример патриарха Никона, никогда не забывавшего о тюремных «сидельцах». В праздники он посещал темницы, надевая колодников милостыней и пастырским утешением. Одним из последователей патриарха был святитель Митрофан Воронежский, который при объездах своей епархии

всегда жертвовал на тюрьмы и «согревал души заключенных словом утешения»⁶.

В XVIII в. выделяется личность святителя Тихона Задонского. Он, как и его предшественники, на Пасху и Рождество рассылал деньги заключенным в остроги, нередко посещал их с духовными беседами.

Вплоть до XIX в. тюремное миссионерство, имевшее статус благочестивой традиции, держалось за счет личной инициативы отдельных пастырей и мирян. Церкви в зданиях тюрем специально еще не строились, а службы совершались нерегулярно. В частности, в марте 1652 г. в Вологде было получено указание от царя Алексея Михайловича «приходских церквей попам в Губную избу приходиться к тюремным сидельцам для пения заутрени... и вечерни по очереди» при окончательном рассмотрении и разрешении дел⁷.

Узники не были лишены веры. По случаю болезни или по желанию к ним приходил священник, исповедовал и напутствовал. Так, в одном из архивных документов Вологодской консистории за 1686 г. написано о раскольнике, обвиненном в сожжении 50 крестьян, что «хотя он и покорение святой церкви принесет, и отца духовного принять и исповедаться и святых тайн причаститься желати будет истинно, и его, исповедав и причастя, сжечь в струбе и без допроса и пепел развеять, чтоб знака и костей не было...»⁸.

В часовне Вологодского острога была своя реликвия – чудотворная икона Божьей Матери всех скорбящих радости XV в. Она принадлежала сыновьям угличского князя Андрея Большого Иоанну и Димитрию, заточенным в Спасо-Прилуцком монастырь дядей, Иваном III. После смерти князя Иоанна в 1522 г. за иконой, перед которой он молился все 32 года заточения, закрепился статус чудотворной, заступницы и покровительницы князя-узника, исцелявшей больных. В тюремную часовню вологодского острога, где она хранилась, приходило очень много паломников. Святыня была утрачена в период антирелигиозной кампании 1920-х гг.

Одной из сложнейших обязанностей православного духовенства было сопровождение приговоренных к смертной казни до места исполнения приговора. Перед этим проводились духовные беседы со смертниками, их исповедовали и причащали. Во время пути на казнь и возле эшафота священник укреплял и утешал их. Осужденные часто неадекватно реагировали на подобную заботу пастыря, поэтому от священников требовались особая выдержка и твердость духа.

Мысль о полезности исправления арестантов в России впервые была высказана Екатериной II, однако на государственном уровне

нравственным исправлением содержащихся в тюрьмах преступников никто не занимался. Так, в 1767 г. князь Вяземский доносил о тюрьмах Московского магистрата и розыскной экспедиции, что «в некоторых казармах теснота превеликая, продовольствие арестантов не обеспечено... Тюремные сидельцы умирали без исповеди и причастия; настояние правительства перед духовенством о посещении их оставались без последствий, так как духовенство, поддерживаемое Синодом, требовало жалованья, а дать было не из чего»⁹.

Общественную упорядоченность и организованность идея нравственного исправления заключенных в России, развитая из христианской заповеди (посещение узников и забота о спасении их душ), получила в царствование Александра I в связи с учреждением в 1816 г. «Человеколюбивого общества». Император, руководствуясь изречением Христа «В темнице был, и вы пришли ко Мне»¹⁰, разрешил благотворителям посещать заключенных. Благодаря наблюдению за арестантским бытом в 1819 г. были выработаны правила для Общества попечительного о тюрьмах, одна из главных целей которого – нравственное исправление преступников, наставление их в правилах «христианского благочестия» и «доброй нравственности». Исполнительными органами этого общества стали комитеты. Первый из них, созданный по образцу английского тюремного общества, появился в Петербурге. Вслед за столицей подобные образования стали возникать и в других городах империи. Наряду с общественными деятелями и предпринимателями представители духовенства становились активными членами комитетов. В числе священнослужителей, стоявших у истоков тюремной благотворительности, можно назвать митрополита Санкт-Петербургского Михаила и архиепископа Тверского Филарета Дроздова (впоследствии митрополита Московского).

В начале 1820-х гг. Петербургский митрополит Серафим (сменивший на этом посту митрополита Михаила) на просьбу члена столичного комитета графа А.Х. Бенкендорфа о назначении «от приходских церквей в тюрьмы священников для молитвословий, назиданий и поучений из священной истории... для исповеди и приобщения Святых Таин»¹¹ выделил 35 священников. Комитет распределил их по тюрьмам, а за посещениями священнослужителей поручил наблюдать своим членам. Богослужение и церковная проповедь в местах лишения свободы стали наилучшим средством духовно-нравственного воспитания заключенных.

По инициативе Общества попечительного о тюрьмах и на средства прежде всего местных его комитетов и отделений в тюремных

заведениях России стали появляться православные храмы и часовни. Содержание причта также финансировалось этим обществом. После получения князем В.С. Трубецким в 1836 г. разрешения Николая I на повсеместное сооружение в тюрьмах церковей храмы стали открываться во всех городах, где существовали комитеты.

При участии духовенства петербургский комитет Общества попечительного о тюрьмах разработал «Правила для назидания ссыльных в Сибирь, в обязанностях веры и нравственности, во время следования их к местам назначения», которые циркуляром от 15.07.1842 г. были распространены по всей стране. Данным документом духовенству предписывалось «наставлять арестантов в правилах веры на ночлегах, дневках и остановках»¹². Беседы священников с заключенными рекомендовалось вести с христианской любовью, простотой, снисхождением, не говорить с ними в оскорбительном тоне – «низко преступление, но человек достоин сострадания»¹³. Арестантов следовало располагать к покаянию перед Богом и постановленной от него властью, к покорности воле законного начальства и уважению к нему, «ибо нет власти не от Бога»¹⁴. Священнослужители обязывались утешать и ободрять преступников, разъяснять им, что страдания, перенесенные с покаянным чувством, становятся средством спасения души в вечной жизни. Беседы с арестантами могли касаться предметов не только религиозно-нравственных, но и житейских. Рекомендовалось не принуждать к участию в разговоре тех, кто к вере относился без внимания. Разработанные рекомендации существенно облегчили деятельность священнослужителей. Так, священник Иоанн Соколов духовно окормлял 56 узников Петербургского тюремного замка. Осужденные содержались вместе довольно долго, поэтому отец Иоанн обращался к ним как к одной семье, где у каждого было свое место. Его беседы с ними длились по полтора часа два раза в неделю.

Безусловно, в организации проповедей были и свои трудности, возникавшие из-за равнодушия как тюремной администрации, так и самих священников, отчего приходилось прибегать к помощи силы. Так, в 1854 г. член комитета Общества попечительного о тюрьмах А.Н. Муравьев обратил внимание Петербургского митрополита Никонора на «безучастие столичного духовенства к религиозным потребностям заключенных»¹⁵. Для религиозно-нравственного образования арестантов столицы митрополит назначил 10 священнослужителей, в обязанности которым вменялось безвозмездное обязательное по-

сещение арестантов в будничные, воскресные и праздничные дни, а также ежегодное предоставление отчетов о результатах их бесед с заключенными. Независимое наблюдение со стороны церкви за деятельностью священников было поручено архимандриту Платону. Кроме того, 17 февраля 1855 г. были утверждены вице-президентом комитета Попечительного общества викарий епархии Христофор, а его директорами – рекомендованные Никонором священники. Судя по сохранившимся отчетам вице-президента митрополиту, возобновленные религиозно-нравственные беседы духовенства с арестантами велись успешно.

В целом отношения тюремной системы и православной церкви в XIX в. можно назвать сложившимися и юридически оформленными. Глава X «О церкви» Тюремной инструкции 1831 г. подробно регламентировала правовое положение православной церкви и порядок отправления религиозных обрядов арестантами.

Основное внимание духовенства было сосредоточено на организации тюремного быта и формировании из заключенных правопослушных личностей. Для организации церковных служб в тюрьмах предусматривалось строительство православных храмов и часовен. Законом от 15.06.1887 г. священники, дьяконы и псаломщики этих храмов были отнесены к управленческому аппарату. С этого времени можно говорить о появлении в России самостоятельного института тюремного духовенства. Повседневная организация этой деятельности осуществлялась не только под контролем Синода: она также регламентировалась циркулярами Главного тюремного управления (ГТУ), губернаторов и тюремных инспекторов.

К началу XX в. церковные помещения стали обязательным атрибутом каждого пенитенциарного учреждения. Так, в Вологодской губернии тюремные православные церкви имелись в губернской и каторжной тюрьмах, Грязовецкой, Кадниковской, Великоустюжской, Тотемской, Устюженской, Сольвычегодской уездных тюрьмах; часовни – в Никольской и Устьсысольской тюрьмах. В Яренской тюрьме богослужения проводились в свободных камерах, а строительство деревянного храма там началось в 1902 г.

Всего в России (1911 г.) в 273 тюремных церквях и 77 часовнях, расположенных при тюрьмах, служили 346 священников, 30 дьяконов и 208 псаломщиков. В исправительных арестантских отделениях имелось еще 40 часовен, которые обслуживали 44 священника, 4 дьякона и 30 псаломщиков¹⁶.

Строительство тюремных часовен регламентировалось Инструкцией для разработ-

ки проектов тюремных зданий, принятой в 1914 г. Этот документ предусматривал наличие в храме не менее двух входных дверей, одна из которых предназначалась для арестантов, другая – для прочих прихожан, прежде всего членов семей тюремных служащих и других лиц, заслуживавших доверия. Им выдавались именные разрешения (билеты) за подписью и печатью начальника тюрьмы на разовое или постоянное посещение церкви. Согласно циркуляру ГТУ от 21.11.1909 г № 10¹⁷ арестанты на богослужении размещались отдельно от остальных верующих за барьером (железной решеткой) или широким пространством, а также за рядом стражи. Эти меры позволяли избежать общения арестантов с посторонними лицами (разговоров, передач) и препятствовать возможным побегам из места заключения.

В условиях ограниченности государственных средств на нужды мест заключения штатная численность тюремного духовенства зависела от материальных возможностей местных органов Общества попечительного о тюрьмах. Обычно в состав клира входил один священник, который и являлся настоятелем тюремной церкви. В некоторых приходах служить ему помогали диакон и псаломщик. На практике большинство священнослужителей выполняли свою работу за символическую плату или на общественных началах. В частности, в 1918 г. расходы на содержание священников в тюрьмах Вологодской губернии были запланированы от 200 руб. в Грязовецкой тюрьме и до 30 руб. в Никольской. Годовой оклад диакона и псаломщика составлял от 36 до 72 руб.¹⁸ В уездных тюрьмах, где штатных священников не было, религиозно-духовная деятельность осуществлялась приходскими священнослужителями из числа членов местных попечительных отделений. Например, в отчете Устьсысольской уездной тюрьмы за 1916 г. докладывалось, что «особого состава духовенства нет. Богослужения совершаются директорами, священниками Устьсысольского Троицкого собора бесплатно»¹⁹.

Благополучие тюремных храмов во многом зависело и от частных пожертвований. Существенную роль при этом играл староста церкви, обычно избираемый местным отделением комитета Общества попечительного о тюрьмах из представителей купеческого сословия, который мог не только организовать финансово-хозяйственную деятельность прихода, но и щедро жертвовать в пользу церкви. Так, в 1901 г. вологодский купец В. Киселев выделил из личных средств на благоустройство храма исправительного арестантского отделения значи-

тельную для того времени сумму – 2070 руб. Благодаря подобным взносам, по мнению начальника заведения, эту церковь «можно назвать... одной из первых в Вологде»²⁰.

Богослужения в тюремных храмах и беседы с заключенными являлись лишь частью работы православного духовенства. Штатным священникам также было поручено создание школ для арестантов, заведование этими школами и преподавание в них. Так, в течение 1896 г. в школе Саратовской губернской тюрьмы обучались 214 чел., а Ковенской – 66²¹. Обучение заключенных имело целью не сообщение им суммы знаний, а назидание в благочестии и привитие религиозного чувства. Поэтому правилами, утвержденными МВД в 1887 г., устанавливалось обязательное изучение в тюремных школах Закона Божьего, грамоты с чистописанием, основ арифметики и других необходимых предметов. Священнослужителям в преподавании светских дисциплин помогали грамотные арестанты. Однако согласно циркуляру ГТУ от 28.05.1914 г. № 37 заключенные во время занятий в школе могли «обращаться только к учителю или отвечать на его вопросы, отнюдь не разговаривая между собою»²².

Кроме того, на тюремное духовенство были возложены функции по организации, содержанию и пополнению тюремных библиотек, проведению чтений духовно-нравственной тематики. Священники выступали заказчиками необходимой литературы и цензорами присылаемых изданий. Библиотеки пополнялись книгами в основном религиозного характера (Библией, молитвенниками, житиями святых и т.п.). Средства на приобретение литературы обычно выделялись местными комитетами Общества попечительного о тюрьмах либо в виде добровольных пожертвований передавались общественными организациями (Обществом распространения Священного Писания, Британским обществом и др.) и частными лицами.

Ввиду недостатка средств на комплектование литературой, а также отсутствия в большинстве тюрем специальных помещений для хранения книжного фонда значительная часть тюремных библиотек находилась в неудовлетворительном состоянии. Так, скудные фонды библиотек уездных тюрем составляли в среднем от 150 до 300 экземпляров книг и периодических изданий. Годовой расход на покупку литературы не превышал 5 руб.²³ Обширным книжным фондом обладали лишь библиотеки наиболее крупных тюрем. Например, в библиотеке Александровской каторжной тюрьмы под Иркутском, которой заведовал священник Писарев, в 1909 г. насчитывалось более 4,5 тыс. томов.

На приобретение книг в этой тюрьме ежегодно расходовалось до 300 руб.²⁴

Циркуляром Министерства юстиции от 16.07.1908 г. № 52 предписывалось выдавать арестантам для чтения книги и журналы только в тех случаях, «если они по содержанию своему не могут быть признаны вредными ни в религиозном, ни в нравственном отношении и не заключают в себе учений, направленных против существующих государственного строя и управления»²⁵. В циркуляре ГТУ от 12.07.1910 г. № 31 выражалось беспокойство о проникновении в тюремные библиотеки «вредных» книг и запрещался допуск в них изданий, «противных религии, правительственному и общественному порядку, а также доброй нравственности»²⁶.

Тюремной инструкцией от 28.12.1915 г. священники были включены в состав тюремного совещания по вопросам внутреннего распорядка. Инструкция предписывала проводить общие молитвы заключенных утром, вечером, перед обедом и ужином, а целью воспитательного воздействия на заключенных определяла «внушение правильных понятий о религии и об общих гражданских обязанностях, требующих преданности Престолу и Отечеству и почитания соответствующим законам и властям»²⁷.

С появлением во второй четверти XIX в. специализированных учреждений (ремесленных приютов и земледельческих колоний) для несовершеннолетних правонарушителей религиозное воспитание было признано одним из основных средств формирования их нравственных качеств. В целях религиозно-нравственного развития воспитанников за этими учреждениями закреплялись благонадежные священники, которые вели с ними регулярные занятия по изучению закона Божьего, церковному песнопению, беседовали на духовно-нравственные темы, распространяли среди подростков обстоятельные понятия о православном богослужении, формировали библиотеку.

Также тюремное духовенство привлекалось для воспитания у сотрудников тюрем ревностного отношения к исполнению должностных обязанностей. Наибольшее распространение получила практика отмечания юбилеев службы в тюрьме офицеров, чиновников и нижних чинов. Традиционно празднование начиналось в тюремной церкви, где служили молебен, затем священник выступал с благодарственным словом в честь юбиляра, в подарок которому, как правило, преподносилась икона. Такие торжества проходили при большом стечении народа. Нередко на этих мероприятиях присутствовали высокопоставленные чиновники тюремного ведом-

ства, губернской и уездной администраций, епископата. Сообщения о подобных событиях размещались не только в местной прессе, но и в журнале «Тюремный вестник»²⁸.

Многие священники посвящали тюремному служению большую часть своей жизни и пользовались у арестантов и персонала большим уважением. В числе священнослужителей, оставивших наиболее яркий след в православной тюремной миссии XIX – начала XX вв., можно назвать протоиерея и проповедника Родиона Путятин из г. Рыбинска, Пермского протоиерея Евгения Попова, который на основании своего многолетнего опыта пастырского попечения об арестантах издал «Беседы с заключенными в тюрьме», архимандрита Спиридона, проповедовавшего в Читинской тюрьме и на Нерчинской каторге, священника Иосифа Фуделя, осуществлявшего тюремное служение в пересыльной тюрьме г. Москвы, митрополита Трифона (Туркестанова) и иеромонаха Михея, проповедовавших в Сергиево-Посадской пересыльной тюрьме, и др.

За успешную деятельность по перевоспитанию осужденных некоторые тюремные священники представлялись к поощрениям. Например, законоучитель Вологодского ремесленного приюта священник Рождественско-Богородской церкви отец Иоанн Шадрин за многолетнюю (с 1886 по 1904 гг.) плодотворную работу на этом посту в качестве поощрения был возведен в сан протоиерея²⁹.

Следует отметить, что религиозное дело не везде было организовано надлежащим образом. Согласно сведениям из отчетов губернских тюремных инспекторов за 1896 г. при осмотре тюрем Лифляндской и Харьковской губерний почти во всех уездных городах было указано на «крайне редкое посещение тюрем духовными лицами». Кроме того, в тюремных заведениях Лифляндской губернии обращалось внимание на «чрезвычайно малое количество книг для арестантского чтения»³⁰.

О недостатках в деятельности православного духовенства в тюрьмах неоднократно писали дореволюционные пенитенциаристы (Н. Гернет, Н.Ф. Лучинский, С.В. Познышев и др.). В частности, Н.Ф. Лучинский, критически оценивая работу тюремных школ, предлагал ввести в них вместо священнослужителей штатные должности преподавателей³¹. Однако подобные суждения носили лишь рекомендательный характер, поскольку государство экономило средства на тюремные нужды, а местные комитеты и отделения Общества попечительного о тюрьмах таковыми в достаточном количестве также не располагали.

Итак, в истории дореволюционной России

главным предназначением православного тюремного служения считалось облегчение положения узников, их нравственное исправление. Значительный опыт взаимодей-

ствия православной церкви с тюремными учреждениями весьма важен и интересен для организации современного пастырско-го служения в местах лишения свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дорская А.А. Церковное и уголовное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния // История государства и права. 2005. № 3. С. 55–58.

² См.: Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. <http://siteprosveshenie.narod.ru/bp/grek2.htm>

³ См.: Ходыкин И. Миссионерское служение в местах лишения свободы. Сергиев Посад, 2001. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Московский патерик. М., 1991.

⁶ См.: Ходыкин И. Миссионерское служение в местах лишения свободы. С. 28.

⁷ См.: Суворов Н. Несколько слов о тюрьмах прежнего и нынешнего времени // Вологодские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 136.

⁸ Там же. С. 137.

⁹ Скоморох О. Пастырское служение в тюрьме в настоящее время. СПб., 1998. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/8649>

¹⁰ Евангелие от Матфея. Гл. XXV, 36.

¹¹ Скоморох О. Пастырское служение в тюрьме в настоящее время.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Послание апостола Павла к Римлянам. Гл. XIII, 1.

¹⁵ Скоморох О. Пастырское служение в тюрьме в настоящее время.

¹⁶ См.: Рогоза В. Взаимодействие Русской православной церкви со специальными структурами, обеспечивавшими внутреннюю безопасность Российской империи. <http://www.pobeda.ru/content/view/1321/>

¹⁷ См.: Он же. Правовое регулирование взаимоотношений православной церкви и силовых ведомств в Российской империи. <http://www.pobeda.ru/content/view/1319/>

¹⁸ См.: Молодов О.Б. Православная церковь и тюремные учреждения Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // История отечественной УИС: Сб. ст. Псков, 2006. С. 102.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ См.: Шматко В. Опыт построения курса «Основы православия» для катихизации в системе пенитенциарных учреждений. <http://www.pobeda.ru/content/view/103/>

²² Молодов О.Б. Православная церковь и тюремные учреждения Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. С. 106.

²³ См.: Молодов О.Б. Русская православная церковь и уголовно-исполнительная система: истоки сотрудничества. Вологда, 2006. С. 27.

²⁴ См.: Рогоза В. Взаимодействие Русской православной церкви со специальными структурами, обеспечивавшими внутреннюю безопасность Российской империи.

²⁵ Молодов О.Б. Социальное служение православного духовенства Вологодской епархии в местах лишения свободы // II Романовские чтения. <http://www.hrono.ru/proekty/romanov/2rc22.php>

²⁶ Там же.

²⁷ Рогоза В. Почему в России в штат тюремной администрации входили православные священники? <http://digestweb.ru/10346-pochemu-v-rossii-v-shtat-tyuremnoj-administracii-vxodili-pravoslavnye-svyashhenniki.html>

²⁸ См.: Там же.

²⁹ См.: Отчет Совета Вологодского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1904 год. Вологда, 1905.

³⁰ См.: Шматко В. Опыт построения курса «Основы православия» для катихизации в системе пенитенциарных учреждений.

³¹ См.: Молодов О.Б. Русская православная церковь и уголовно-исполнительная система: истоки сотрудничества. С. 4.

¹ См.: Dorskaja A.A. Cerkovnoe i ugovolnoe pravo Rossijskoj imperii: problemy vzaimodejstvija i vzaimovlijanija // Istorija gosudarstva i prava. 2005. № 3. С. 55–58.

² См.: Grekulov E.F. Pravoslavnaja inkvizicija v Rossii. <http://siteprosveshenie.narod.ru/bp/grek2.htm>

³ См.: Hodykin I. Missionerskoe sluzhenie v mestah lishenija svobody. Sergiev Posad, 2001. С. 27.

⁴ Tam zhe. S. 28.

⁵ Moskovskij paterik. M., 1991.

⁶ См.: Hodykin I. Missionerskoe sluzhenie v mestah lishenija svobody. S. 28.

⁷ См.: Suvorov N. Neskol'ko slov o tjur'mah prezhnego i nyneshnegovremeni // Vologodskieeparhial'nyevedomosti. 1864. № 5. С. 136.

⁸ Tam zhe. S. 137.

⁹ Skomoroh O. Pastyrskoe sluzhenie v tjur'me v nastojawee vremja. SPb., 1998. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/8649>

¹⁰ Evangelie ot Matfeja. Gl. XXV, 36.

¹¹ Skomoroh O. Pastyrskoe sluzhenie v tjur'me v nastojawee vremja.

¹² Tam zhe.

¹³ Tam zhe.

¹⁴ Poslanie apostola Pavla k Rimljanam. Gl. XIII, 1.

¹⁵ Skomoroh O. Pastyrskoe sluzhenie v tjur'me v nastojawee vremja.

¹⁶ См.: Rogoza V. Vzaimodejstvie Russkoj pravoslavnoj cerkvi so special'nymi strukturami, obespechivavshimi vnutrennjuju bezopasnost' Rossijskoj imperii. <http://www.pobeda.ru/content/view/1321/>

¹⁷ См.: On zhe. Pravovoe regulirovanie vzaimootnoshenij pravoslavnoj cerkvi i silovyh vedomstv v Rossijskoj imperii. <http://www.pobeda.ru/content/view/1319/>

¹⁸ См.: Molodov O.B. Pravoslavnaja cerkov' i tjuremnye uchrezhdenija Vologodskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale HH vekov // Istorija otechestvennoj UIS: Sb. st. Pskov, 2006. С. 102.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ См.: Shmat'ko V. Opyt postroenija kursa «Osnovy pravoslavija» dlja katihizacii v sisteme penitenciarных uchrezhdenij. <http://www.pobeda.ru/content/view/103/>

²² Molodov O.B. Pravoslavnaja cerkov' i tjuremnye uchrezhdenija Vologodskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale HH vekov. С. 106.

²³ См.: Molodov O.B. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i ugovolno-ispolnitel'naja sistema: istoki sotrudnichestva. Vologda, 2006. С. 27.

²⁴ См.: Rogoza V. Vzaimodejstvie Russkoj pravoslavnoj cerkvi so special'nymi strukturami, obespechivavshimi vnutrennjuju bezopasnost' Rossijskoj imperii.

²⁵ Molodov O.B. Social'noe sluzhenie pravoslavnogo duhovenstva Vologodskoj eparhii v mestah lishenija svobody // II Romanovskie chtenija. <http://www.hrono.ru/proekty/romanov/2rc22.php>

²⁶ Там же.

²⁷ Rogoza V. Pochemu v Rossii v shtat tjuremnoj administracii vhodili pravoslavnye svjawenniki? <http://digestweb.ru/10346-pochemu-v-rossii-v-shtat-tyuremnoj-administracii-vxodili-pravoslavnye-svyashhenniki.html>

²⁸ См.: Там же.

²⁹ См.: Otchet Soveta Vologodskogo obvestva zemledel'cheskih kolonij i remeslennyh prijutov za 1904 god. Vologda, 1905.

³⁰ См.: Shmat'ko V. Opyt postroenija kursa «Osnovy pravoslavija» dlja katihizacii v sisteme penitenciarных uchrezhdenij.

³¹ См.: Molodov O.B. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i ugovolno-ispolnitel'naja sistema: istoki sotrudnichestva. С. 4.

Правовое регулирование режима военного плена в СССР в период Второй мировой войны: теория и практика

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье рассмотрена проблема правового регулирования режима военного плена в СССР в годы Второй мировой войны. Особое внимание при этом уделено характеристике советского законодательства в области военного плена, его соответствия положениям международных конвенций, а также показаны особенности положения военнопленных в СССР.

Ключевые слова: режим военного плена; военнопленные; советское законодательство; международное право.

Legal regulation of a mode of a military captivity in the USSR in the Second World War: the theory and practice

A.L. KUZMINYKH – an assistant professor of philosophy and history department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of history sciences, a docent, working for doctor's degree of the domestic Russian history chair in the Pomor State Unoversity named after Lomonosov M.V.

In article is considered the problem of legal regulation of a mode of a military captivity in the USSR in days of the Second World War. The special attention is thus given the characteristic of the Soviet legislation in the field of a military captivity, its conformity to positions of the international conventions, are shown features of position of prisoners of war in the USSR.

Key words: a mode of a military captivity; prisoners of war; the Soviet legislation; international law.

Советское государство с момента своего возникновения взяло курс на проведение самостоятельной политики в области военного плена, в основу которой был положен классовый принцип. Под воздействием партийно-идеологических установок враг в общественном сознании выступал в образе «капиталистов-империалистов», а союзником в борьбе против них считался мировой пролетариат, у которого нет ни отечества, ни национальности. Следствием такой политики СССР стал демонстративный отказ от подписания Женевской конвенции о военнопленных от 27.07.1929 г. Сталинское руководство свои действия мотивировало буржуазным характером и милитаристской направленностью упомянутого документа, заявив о категорическом несогласии с «принципом размещения военнопленных в лагерях по расовой и национальной принадлежности». Текст конвенции в Советском Союзе не был опубликован, печать ограничилась лишь негативными комментариями на его счет¹.

В противовес Женевской конвенции было решено разработать собственный «Кодекс военного плена». В основу проекта этого документа были положены две основные идеи: 1) режим содержания военнопленных в СССР должен быть не хуже, чем это предусматривает Женевская конвенция; 2) документ, регламентирующий порядок обращения с пленными, должен соответствовать принципам советского права (недопустимость льгот для офицерского состава, равенство военнопленных в правах и т.д.). В результате 19 марта 1931 г. постановлением Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) было утверждено Положение о военнопленных, действующее на территории Советского Союза. Анализ содержания, позволяет говорить, что этот документ основывался на тех же принципах, что и Женевская конвенция (воспрещение жестокого обращения с военнопленными, право на переписку со своими родственниками и т.д.). Вместе с

тем, исходя из принципа «пролетарской солидарности», в документ был включен ряд новых положений. Так, в нем декларировалось предоставление политических прав военнопленным, принадлежащим к рабочему классу или беднейшему крестьянству (ст. 10), запрещалось денщикство, равно как и ношение знаков отличия (ст. 18), предусматривалось создание лагерных комитетов, выражающих интересы солдатской массы (ст. 14). Для руководства размещением и содержанием военнопленных учреждался специальный орган в лице Центрального управления по делам о пленных и беженцах (Цупленбеж)².

При внимательном изучении первых советских нормативно-правовых актов по обращению с бывшими неприятельскими солдатами бросается в глаза одна характерная деталь: сталинское руководство изначально смотрело на военнопленных как на своих «союзников». По мысли сталинского окружения, стоило советским войскам вступить на вражескую территорию, как все неприятельские войска, основу которых составляют представители пролетариата, бросят оружие и перейдут на сторону Красной Армии. Утопичность этой идеи выявилась уже в первые дни «освободительного похода в Польшу»³.

В сентябре 1939 г. наркомату внутренних дел СССР было поручено разработать проект нового Положения о военнопленных. И хотя подготовленный документ был одобрен Экономическим советом при СНК СССР, он не был официально утвержден советским правительством⁴. Показательно, что военнопленные поступали в распоряжение НКВД – ведомства, наделенного репрессивными функциями и отвечавшего за карательную политику государства. В составе НКВД было сформировано Управление по военнопленным, являвшееся преемником Цупленбежа⁵.

23 сентября 1939 г. заместителем наркома внутренних дел В.В. Чернышовым было утверждено «Положение о лагере военнопленных»⁶. Основными задачами лагерей НКВД для военнопленных объявлялись: 1) содержание военнопленных в условиях изоляции от окружающего населения; 2) создание режима, исключающего всякую возможность побега пленных из зоны лагеря; 3) агитационно-массовая и политическая работа среди контингента. Сопоставление содержания «Положения о лагере военнопленных» от 23.09.1939 г. и «Временной инструкции о режиме содержания заключен-

ных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» от 02.08.1939 г. показывает, что если в ИТЛ главной задачей являлось трудовое использование контингента⁷, то в лагерях УПВ – политическая работа среди военнопленных. Последней советское государство придавало особое значение, рассматривая военнопленных в соответствии с известной ленинской установкой как «бацилл коммунизма» – будущих сторонников социалистических преобразований в своих странах. Таким образом, в вопросах регулирования военного плена СССР предпочел исходить из положений внутреннего законодательства, основывавшегося на классовых императивах, а не международных конвенциях.

Ориентацию на собственное законодательство по вопросам военного плена демонстрирует неопределенный правовой статус польских солдат и офицеров, захваченных Красной Армией осенью 1939 г. Ряд исследователей рассматривает польских граждан, попавших в лагеря НКВД, как интернированных исходя из того, что между СССР и Польшей не было официально объявленного состояния войны⁸. Однако характер и масштабы боевых операций, имевшие место жертвы в ходе боевых столкновений свидетельствуют о том, что между СССР и Польшей велась настоящая война. По справедливому замечанию Н.С. Лебедевой, «неофициальное» введение на территорию Польши войск сталинским правительством лишь усугубляло ее агрессивный характер⁹. Именно о «военнопленных» идет речь в большинстве документов ведомства Л.П. Берии, а также протоколах заседаний Политбюро ЦК ВКП(б).

В нарушение ст. 11 Положения о военнопленных от 19.03.1931 г. о недопустимости содержания пленных в местностях с «нездоровым климатом» часть поляков была направлена в исправительно-трудовые лагеря Европейского Севера СССР, где они трудились наравне с советскими заключенными. Об одинаковом положении военнопленных и заключенных свидетельствует как «Инструкция о содержании и трудовом использовании военнопленных в Северном железнодорожном лагере»¹⁰, предоставившая начальнику Севжелдорлага право использовать их труд по своему усмотрению, так и отдельные факты экзекуций над польскими военнослужащими, ярким примером чему является катынский расстрел. О том, что сталинское окружение смотрело на польских военнослужащих как на рядовых узников лагерей НКВД, свидетельствует Указ

Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР» от 12.08.1941 г., под которую попали и пленные поляки¹¹. Освобождение пленных «по амнистии» являлось нонсенсом для международного права.

Однако имелся ряд черт, наличие которых не позволяет говорить о полном растворении военнопленных поляков в контингенте заключенных. Во-первых, в октябре 1939 г. советское руководство пошло на создание справочного бюро по розыску военнопленных и интернированных лиц бывшей польской армии при исполкоме Советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца. И хотя НКВД игнорировал работу этого органа, попытка его создания свидетельствует о стремлении СССР соблюдать хотя бы формальную сторону общепризнанной нормы международного права. Во-вторых, польским военнопленным была разрешена переписка со своими родственниками за границей. В-третьих, предписывалось отделять места работы военнопленных от производственных участков заключенных. Таким образом, можно говорить о том, что захваченные Красной Армией польские военнослужащие являлись особой категорией спецконтингента НКВД.

Базовым нормативно-правовым документом, регламентирующим положение иностранных военнопленных в СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, являлось Положение о военнопленных, утвержденное Постановлением СНК СССР № 1798-800 от 01.07.1941 г. Основные пункты этого документа соответствовали Гаагской (1907 г.) и Женевской (1929 г.) конвенциям. Согласно положению в категорию военнопленных попадали: 1) лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с Советским Союзом, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР; 2) лица, входящие в состав вооруженных отрядов, не принадлежащих к вооруженным силам противника, если они открыто носят оружие; 3) гражданские лица, сопровождающие с соответствующего разрешения армию и флот неприятеля, как-то: корреспонденты, поставщики и другие лица, захваченные в ходе военных действий. Положение гарантировало военнопленным право на жизнь и личную неприкосновенность, обеспечение жилыми помещениями, медикаментами и продовольствием. Запрещалось оскорблять пленных, жестоко обращать-

ся с ними. Солдатам и офицерам, попавшим в плен, разрешалось ношение военной формы, знаков различия и отличия. Они получали право дополнительно приобретать за свой счет продукты питания, одежду, предметы личной гигиены, беспощинно получать с родины и из нейтральных стран письма, посылки и денежные переводы¹². Вместе с тем документ имел принципиальные отличия от Женевской конвенции. В советском варианте не имелось статьи, предусматривавшей контроль за содержанием военнопленных со стороны Международного комитета Красного Креста, не оговаривалась возможность обжалования приговора в случае судебного преследования, не было определено время репатриации.

После принятия правительством «Положения о военнопленных» наркомат внутренних дел выпустил серию инструкций, развивающих и дополняющих его. К числу таковых следует отнести прежде всего «Временную инструкцию о конвоировании военнопленных из приемных пунктов в лагеря-распределители частями конвойных войск НКВД СССР» от 04.07.1941 г., а также инструкции о порядке учета и содержания военнопленных в лагерях НКВД от 07.08.1941 г. Данные документы ограничивали права военнопленных и расширяли полномочия НКВД. Так, в них не оказалось пункта, запрещавшего изымать у военнопленных личные вещи и документы. Ограничивалось право пленных на подачу жалоб. Теперь они могли высказать свое недовольство только представителям лагерной администрации и были лишены права обращаться в вышестоящие инстанции¹³. Целью данных инструкций было ужесточение режимных требований в условиях военного времени.

Согласно инструкциям НКВД-МВД СССР военнопленные обеспечивались продовольствием, одеждой, обувью, постельными принадлежностями, денежным довольствием. Инструкция УПВИ НКВД СССР № 75 от 22.02.1943 г. регламентировала порядок приема, хранения и возврата валюты и ценностей, принадлежавших военнопленным¹⁴. Для проверки сохранности имущества пленных периодически проводилась его инвентаризация. В случае утраты личных вещей или ценностей, принятых на хранение от военнопленных, им возмещалась стоимость утраченного за счет виновных лиц¹⁵.

В целях предотвращения случаев смертности при транспортировке пленных приказом наркома внутренних дел № 0388 от 06.10.1943 г. вводилась инструкция «О сани-

тарном обеспечении военнопленных и спецконтингентов при поступлении на приемные пункты и фронтовые приемно-пересыльные лагеря НКВД и при железнодорожных перевозках»¹⁶. Маршруты движения военнопленных оборудовались сетью пунктов питания и санитарно-пропускных пунктов. Категорически запрещалось направлять в тыловые лагеря больных и раненых военнопленных, которых надлежало отправлять в госпитали¹⁷.

Особое внимание уделялось регламентации труда военнопленных. В соответствии с директивой УПВИ НКВД № 28/7309 от 17.07.1942 г. труд бывших вражеских солдат надлежало использовать с учетом их физического состояния, для чего вводилось четыре группы трудоспособности. Офицеры и генералы к работам привлекались лишь на добровольной основе. На основании приказа НКВД СССР № 00675 от 06.04.1943 г. для военнопленных устанавливался восьмичасовой рабочий день, четыре выходных дня в месяц и восьмичасовой ежедневный ночной отдых¹⁸. За работу пленным выплачивалось денежное вознаграждение.

Применение оружия личным составом лагерей жестко регламентировалось. В «Инструкции по службе внутренних нарядов в лагерях НКВД для военнопленных и интернированных», введенной приказом НКВД № 001132 от 04.10.1945 г., подчеркивалось: «Применение оружия есть крайняя мера, и к ней надлежит прибегать со всей решительностью, когда все остальные меры воздействия оказались безрезультатными»¹⁹. Категорически запрещалось рукоприкладство по отношению к военнопленным. 4 сентября 1944 г. вышло специальное распоряжение УПВИ № 28/00/6936 «О недопустимости избиений военнопленных охраной и личным составом управлений лагерей», в котором подчеркивалось, что военнопленные за проступки могут подвергаться только дисциплинарной ответственности в соответствии с Положением о военнопленных от 01.07.1941 г.²⁰

Не противоречили положениям Женевской конвенции 1929 г. меры дисциплинарного воздействия к пленным, совершившим побег. В телеграфном распоряжении УПВИ № 28/00/979 от 01.06.1943 г. «Об ответственности военнопленных за побеги из лагерей» указывалось: «Военнопленные, за совершенные ими побеги из лагерей, к уголовной ответственности не привлекаются. На этих военнопленных начальником лагеря налагается дисциплинарное взыскание, и на определенный срок они подвергаются другим ограничительным мерам»²¹.

Характерно, что НКВД-МВД выпустило ряд инструкций, направленных на жизнеобеспечение контингента в условиях холодного климата, характерного для большинства регионов СССР. Согласно директивному указанию заместителя наркома внутренних дел С.Н. Круглова № 376 от 24.07.1943 г. «О своевременном обеспечении военнопленных теплыми вещами» бывшим военным служащим вражеских армий, содержащимся в северных регионах СССР, предписывалось выдавать полушубки, телогрейки, ватные шаровары, свитера или теплые рубашки²². В зимнее время следовало сократить продолжительность утренних и вечерних проверок, наладить бесперебойное снабжение лагерей продуктами питания, поддерживать в помещениях постоянную температуру, для чего каждый барак обеспечить термометром и трехмесячным запасом топлива.

Приказ НКВД № 10 от 27.01.1945 г. и директива НКВД № 294 от 20.12.1946 г. «О трудовом использовании военнопленных в зимнее время» разрешали выводить на наружные работы в зимний период только пленных, обеспеченных теплым обмундированием. На местах работ надлежало оборудовать специальные обогревалки. Хозяйственному аппарату и санитарным службам лагерей предписывалось установить «повседневный контроль за состоянием одежды и обуви», обеспечить «быстрый и качественный ремонт и просушку теплового обмундирования»²³. Телеграмма НКВД № 205 от 16.11.1945 г. требовала закрыть все лагеря и лагерные отделения, не подготовленные к содержанию военнопленных в зимних условиях²⁴.

Теперь рассмотрим вопрос о нарушениях законодательства о военнопленных, используя примеры из практики функционирования лагерей военнопленных Европейского Севера СССР. Этот анализ, по нашему мнению, предоставляет возможность делать выводы и обобщения о функционировании системы УПВИ-ГУПВИ в масштабах страны.

1. Нарушения правил транспортировки военнопленных в тыловые лагеря. В инструкциях НКВД для обеспечения скорейшей эвакуации рекомендовалось использовать все виды транспорта, идущие порожняком с фронта. Норма погрузки в двухосные вагоны устанавливалась 44–50 чел., четырехосные – 80–90 чел. Общая численность военнопленных в одном эшелоне не должна была превышать 1500 чел. Во время перевозки железнодорожным транспортом военнопленных следовало обеспечить горя-

чей пищей и кипятком. Предусматривался ежедневный обход вагонов медработниками²⁵.

Однако в годы Великой Отечественной войны правила перевозки зачастую нарушались. Пленные помещались в вагоны, лишённые отопления, не обеспеченные элементарным санитарно-гигиеническим оборудованием (санузлом, ведрами, баками для воды). Горячее питание и медицинская помощь либо отсутствовали, либо имели эпизодический характер. Как правило, военнопленным на время следования выдавали сухой паек, чаще всего солёную рыбу. Вследствие неудовлетворительного снабжения водой муки жажды непременно сопутствовали перевозкам.

Широкое бытование получила практика отправки так называемых диких эшелонов, направляемых в тыл без согласования с УПВИ. Также имели место случаи прицепки вагонов с военнопленными к эшелонам, следующим в пункты, где размещение людей было невозможно. Вследствие того, что перевозка продолжалась в среднем 15–25 суток, многие из военнопленных умирали ещё в пути. Санитарная обработка в пунктах посадки, как правило, не производилась. В тыловые лагеря они прибывали в антисанитарном состоянии, сплошь завшивленные, что создавало условия для вспышки эпидемий. Так, 4 октября 1944 г. в Соломбальский лагерь № 211 поступил этап военнопленных в количестве 1750 чел. Прибывшие были сильно истощены, многие не имели одежды и обуви, а на улице уже был мороз. Только в момент проведения этапа через лагерьную вахту умерло 5 чел. В последующие дни ежедневно умирало 14–15 чел.²⁶

2. Нарушения правил размещения военнопленных. В соответствии со ст. 9 Женевской конвенции от 27.07.1929 г. военнопленные не могли размещаться в местности с неблагоприятными климатическими условиями²⁷. Рекомендовалось эвакуировать пленных в те районы, природная среда обитания которых соответствовала погодным условиям местности, в которой они проживали до пленения. Фактически это означало, что на размещение в условиях Европейского Севера СССР могли претендовать лишь уроженцы скандинавских государств. На деле же в северных лагерях ГУПВИ содержались военнопленные более чем 20 национальностей, в том числе французы, итальянцы, испанцы.

Кроме того, суровые климатические условия предполагали особые условия трудового использования, продовольственного

и вещевого обеспечения военнопленных. Между тем в Положении о военнопленных, принятом СНК СССР в июле 1941 г., о дифференцированном размещении, вещевом снабжении и трудовом использовании обезоруженных неприятельских военнослужащих согласно климатическим особенностям ничего не говорилось. Анализ архивных материалов показывает, что пленные нередко размещались в тесных, темных и неотопляемых помещениях, лишённых элементарных бытовых удобств.

3. Нарушения правил продовольственного обеспечения военнопленных. Если Женевская конвенция 1929 г. декларировала принцип соответствия норм питания пленных рациону военнослужащих пленившего их государства, то Положение о военнопленных оставляло право определять нормы питания за УПВИ НКВД СССР. В инструкциях НКВД-МВД не предусматривалось понижения или повышения рациона в зависимости от климатического пояса. Как показывает анализ архивных документов, военнопленные питались по основной норме, калорийность которой составляла в среднем 2200 калорий. Между тем рацион советских бойцов зависел от климатических факторов. Например, калорийность основного суточного пайка бойца Красной Армии в зимний период 1939–1940 гг. была увеличена с 3717 до 4449 калорий без учёта добавленных к рациону 100 г водки²⁸. Повышенный на 30% рацион получали и заключённые северных исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа²⁹.

4. Нарушения правил трудового использования военнопленных. Согласно ст. 29 Женевской конвенции ни один военнопленный «не мог использоваться на работах, для которых он физически не способен». На практике случалось, что ослабленные военнопленные трудились наравне со здоровым контингентом, а их рабочий день достигал 10–12 ч, не считая времени, затраченного на путь к месту работы. Явную опасность для здоровья уроженцев западноевропейских государств представлял труд в условиях полярного климата.

Из материалов Нюрнбергского процесса известно, что нацисты привлекали советских военнопленных к транспортировке снарядов, строительству оборонительных сооружений, что категорически запрещала ст. 31 Женевской конвенции. Однако использование пленных на работах, связанных с действиями боевыми и опасными для жизни и здоровья, имело место и в СССР. Так, советское руководство не погнушалось использовать

труд пленных поляков летом 1941 г. на строительстве военного аэродрома Поной в Мурманской области. В 1944–1945 гг. пленных привлекли к военно-морскому строительству № 203 в Молотовске (современный Северодвинск). В послевоенное время серьезную угрозу для жизни и здоровья представляли работы на воркутинских угольных шахтах, комбинатах «Североникель» и «Апатит» в Мурманской области. С другой стороны, принятое в СССР Положение о военнопленных (1941 г.) включало в разряд запрещенных работы, связанные с обслуживанием личных нужд администрации. Однако начальство лагерей нередко привлекало пленных, например, к работам на своих огородах или по домашнему хозяйству³⁰.

5. Нарушения правил переписки военнопленных. Статья 40 Женевской конвенции 1929 г. предписывала производить цензуру писем пленных в «кратчайший срок». Аналогичное требование к цензорским службам лагерей предъявляла директива МВД СССР № 205 от 07.08.1946 г. «Об упорядочении переписки военнопленных с родиной»³¹. Однако, как показывала практика, вследствие нехватки военных переводчиков письма пленных лежали на почтовых отделениях СССР и пунктах военной цензуры месяцами, что зафиксировано, к примеру, в отчете по Грязовецкому лагерю № 150³². В свою очередь, длительные перерывы в переписке с родными и близкими негативно отражались на морально-психологическом состоянии военнопленных.

6. Нарушения дисциплинарной практики и методов допросов военнопленных. Статья 46 Женевской конвенции и ст. 2 Положения о военнопленных от 01.07.1941 г. запрещали применять в отношении военнопленных телесные наказания, а также «меры понуждения и угрозы». Срок пребывания пленных на гауптвахте согласно «Инструкции о порядке содержания и учета военнопленных в лагерях НКВД» от 07.08.1941 г. не мог превышать 20 дней³³. Как показывают архивные документы и воспоминания репатриантов, при допросах к ним применялись меры физического воздействия, угрозы и оскорбления, длительное заключение в карцере. Так, бывший военнопленный Эрих Хартманн в своих воспоминаниях отмечает, что он находился в карцере в течение 9 мес., в ходе допросов русский следователь прибегал к шантажу и рукоприкладству³⁴.

7. Нарушения правил медицинского обслуживания военнопленных. Статья 25 Женевской конвенции и ст. 6 Положения о во-

еннопленных от 01.07.1941 г. запрещали перевозить тяжелораненых и больных военнопленных в тыл или же репатриировать их на родину до полного выздоровления. Тем не менее, как свидетельствуют архивные материалы, из лагерей УПВИ-ГУПВИ на родину репатриировались в первую очередь лица с хроническими и неизлечимыми заболеваниями, многие из них прибывали на родину резко ослабленными длительной транспортировкой.

Известному тезису об отсутствии в Советском государстве расовых и национальных различий, закрепленному в Конституции СССР 1936 г., явно противоречила директива МВД № 90 от 11.04.1946 г., которая ставила раненых и больных немецких военнопленных в худшие условия содержания по сравнению с ранеными и больными пленными венгерской и румынской национальностей³⁵.

8. Нарушения правил погребения умерших военнопленных. В Женевской конвенции 1929 г. подчеркивалось, что все умершие в плену должны быть погребены с честью и достоинством (ст. 67). О необходимости уважительно относиться к могилам скончавшихся солдат неприятеля также говорилось в Положении о военнопленных от 01.07.1941 г.³⁶ Более детально порядок погребения бывших вражеских солдат и офицеров разъяснялся директивами, инструкциями и распоряжениями НКВД-МВД. Так, в инструкции «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 07.08.1941 г. указывалось, что каждое место погребения должно иметь опознавательный знак с указанием матрикулярного номера и номера учетного дела³⁷. 24 августа 1944 г. вышла директива УПВИ НКВД СССР № 28/2/23, которая вводила унифицированную форму кладбищ: земельный участок, отведенный под захоронение, разбивался на квадраты по 25 могил каждый. Погребение умерших следовало производить в индивидуальных могилах: рядовых хоронить в нижнем белье, офицеров – в белье и верхней одежде. На каждой могиле предлагалось установить опознавательный знак – прочный кол с прибитой к нему дощечкой. На эту дощечку несмываемой краской должен был наноситься номер могилы³⁸.

Несмотря на жесткие требования инструкций и директив, в организации погребений иностранных военнопленных допускались серьезные нарушения. В связи с большой смертностью в 1944–1945 гг. лагерями и спецгоспиталями практиковались группо-

вые захоронения³⁹. Имели место случаи захоронения на гражданских кладбищах. Так, за отсутствием собственного кладбища захоронение трупов на гражданском кладбище производил Череповецкий лагерь № 158. В 1943–1944 гг. на городское кладбище г. Грязовца отправлял умерших пленных лагерь № 150⁴⁰.

Даже после окончания войны установленный порядок захоронения пленных не выполнялся. Так, в акте проверки состояния кладбищ за 1947 г. указывалось, что погребение трупов Северо-Двинским лагерем № 224 проводится беспорядочно, знаки и могильные холмики не устанавливаются, территория кладбища не огорожена⁴¹. После расформирования лагерей и спецгоспиталей уход за кладбищами поручался местным органам власти: сельсоветам, горсоветам и т.д., которые в большинстве своем из-за отсутствия средств и рабочей силы этого не осуществляли. Если в 1950 г. на учете ГУПВИ МВД СССР состояло 2088 кладбищ военнопленных, разбросанных по различным регионам страны, то в мае 1959 г. их осталось всего лишь 50 (!)⁴². Разумеется, что подобное отношение к могилам неприятельских военнослужащих противоречило Женевской конвенции 1949 г., которую СССР ратифицировал в 1954 г.

Анализ архивных документов показывает, что до сотрудников лагерей международно-правовые документы не только не доводились, но и пресекалось даже само упоминание об их существовании. В сентябре 1946 г. начальник Грязовецкого лагеря МВД № 150 полковник Г.И. Сырма запрашивал вышестоящую инстанцию: «От военнопленных священников немецкой национальности, содержащихся в лагере № 150, поступают письменные заявления и прошения, адресованные на имя министра внутренних дел с просьбой об освобождении их из плена, ссылаясь на 9, 12 и 13 статьи Женевской конвенции от 27.07.1929 г. и на Гаагское соглашение. Не имея по данному вопросу никаких разъяснений, прошу соответствующих на сей счет указаний»⁴³. Ответа на указанное письмо не последовало.

Не знали положений международных конвенций, равно как и собственного «Положения о военнопленных», воевавшие на фронте советские солдаты и офицеры. Обращение с обезоруженными солдатами противника регулировалось приказами Верховного главнокомандующего, командующих армий и фронтов, а также директивами Главного политуправления Красной Армии. Все эти

документы носили достаточно противоречивый характер. Так, если в лозунгах и листовках к немецким солдатам, тексты которых утверждались Главным политическим управлением РККА, обещались «дружеский, братский прием», «теплое помещение, сытное питание, переписка с семьей и возвращение на родину после войны», то в обращениях к советским солдатам давалась установка «истреблять всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов»⁴⁴. В итоге советскому солдату оставалось самому решать, как поступить с захваченным в плен неприятелем.

Весьма произвольно трактовало правовой статус военнопленных и советское военно-политическое руководство. Как международным конвенциям, так и собственному законодательству противоречило объявление военнопленными всего состава германской армии после капитуляции Германии и завершения боевых действий. В ходе капитуляции перед советскими войсками оружие сложили более 1,3 млн немецких солдат и офицеров. Большинство из них были погружены в вагоны и отправлены в СССР.

Еще более сложная ситуация сложилась с лицами, подпадающими под категорию «интернированные»⁴⁵. В документах НКВД-МВД немцы, вывезенные по постановлению ГКО № 7161сс от 16.12.1944 г. из Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии в СССР, именуются «интернированными». Хотя правильнее было бы называть их депортированными по национальному признаку⁴⁶. Таких интернированных немцев в возрасте от 17 до 50 лет, «годных к физическому труду и способных носить оружие», сводили в рабочие батальоны или же помещали в лагерь.

Разгром фашистской Германии и суд над главными военными преступниками в Нюрнберге поставили во главу угла вопрос о возмездии и наказании фашистских преступников. При всем своем стремлении к справедливому и объективному приговору нацистским руководителям стороны нередко выходили за рамки международно-правовых договоренностей, больше доверяя собственному законодательству и понятию о справедливости. Показательна в этом отношении характеристика Женевской конвенции, прозвучавшая из уст корреспондента «Правды» Бориса Полевого в канун Нюрнбергского процесса. Последний после посещения лагеря для немецких военнопленных в американской зоне оккупации

и знакомства с условиями их содержания писал: «У нас, которые уже столько прослушали о зверствах эсэсовцев, от подобной заботливости, как говорится, шерсть встает дыбом». По словам автора, применение положений международных конвенций к врагам, попиравшим все законы человечности, есть ненужный «либерализм»⁴⁷.

Однако будем справедливы: нарушения Женевской конвенции в годы Второй мировой войны были характерны для всех государств-участников, что обуславливалось крайней ожесточенностью боевых действий, непримиримостью идеологического противостояния. В документах и воспоминаниях западных политических и военных деятелей можно собрать целую вереницу таких фактов. Так, английская авиация в 1940–1941 гг. неоднократно сбивала немецкие транспортные самолеты со знаками Красного Креста, которые подбирали из вод Ла-Манша немецких летчиков⁴⁸. Американские солдаты нередко отказывали в медицинской помощи немецкому гражданскому населению на оккупированной территории⁴⁹. О распространенной практике расстрелов немецких военнопленных английскими и американскими солдатами во время боев в Нормандии сообщает в своей книге английский историк М. Хастингс⁵⁰. Более того, сама практика боевых действий вырабатывала определенный кодекс поведения противоборствующих сторон. Так, например, солдаты и той, и другой стороны практиковали расстрел захваченных в плен вражеских снайперов или огнеметчиков. Это объяснялось представлениями солдат о том, что они воюют «не по-честному»⁵¹. Играла свою роль и принадлежность военнослужащего к тому или иному роду или виду войск. Так, если немцы считали своим долгом расправиться с комиссаром, то красноармейцы без зазрения совести расстреливали попавшего в плен эсэсовца или власовца.

В 1994 г. Центр военно-социологических и социально-психологических исследований Министерства обороны Российской Федерации провел анонимное анкетирование среди ветеранов-участников Великой Отечественной войны с целью выявления случаев самосуда над вражескими солдатами на поле боя или расстрела пленных по приказу командира. Из 380 опрошенных о таких случаях сообщили лишь 3 чел.⁵², то есть 0,8% анкетироваемых. Много это или мало? На первый взгляд кажется мало. Однако представим такую пропорцию к цифре 5–6,5 млн чел. (численность личного состава совет-

ской армии, участвовавшего в боевых действиях на советско-германском фронте)⁵³ и получим цифру не менее 50 тыс. фактов несанкционированных экзекуций. Таким образом, можно с натяжкой говорить о «единичных фактах» расправ с обезоруженным противником. Тем не менее несанкционированный характер таких стихийных расправ не позволяет говорить о системе уничтожения военнопленных, в отличие от практики гитлеровского Рейха, где подобные деяния были освящены силой приказа. Так, 12 мая 1941 г. вышла секретная директива Главной ставки фюрера «Об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками». Она гласила: «Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях»⁵⁴.

Советское правительство, разрабатывая нормативно-правовую базу по вопросам обращения с военнопленными, преследовало несколько целей. Во-первых, оно стремилось исключить их из сферы военных действий, то есть нейтрализовать как часть вооруженных сил противника. Во-вторых, планировало использовать их труд по возмещению затрачиваемых на их содержание средств, а позднее для восстановления разрушенного войной народного хозяйства. В-третьих, путем политической и культурно-массовой работы рассчитывало сделать их сознательными сторонниками коммунистической системы. Таким образом, цели, которые преследовало советское руководство, коренным образом отличались от устремлений германских политических кругов, рассматривавших военнопленных в начале войны как ненужный балласт, а позднее – как дешевую рабочую силу. Сама концепция использования военнопленных как «бацилл коммунизма», несмотря на свою идеологическую направленность, предполагала гуманный характер обращения с вражескими солдатами, так как была ориентирована на сохранение их жизни и добровольную перемену мировоззрения. Подобная логика отражена в следующих словах начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанта Т.Ф. Филиппова, прозвучавших в июне 1948 г. на совещании руководящих работников лагерей МВД: «Мы военнопленных не унижаем, не оскорбляем, а поэтому им при возвращении на родину нечего будет сказать о Советском Союзе плохого»⁵⁵.

Неоднозначным было отношение советского руководства к вражескому офицерскому корпусу. Во-первых, наблюдается стрем-

ление отделить офицерский и командный состав от остальной массы военнопленных. Во-вторых, нейтрализовать их как «непримиримых классовых противников». Так, в марте 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о расстреле польского офицерского корпуса, содержавшегося в лагерях НКВД. В 1943 г. на Тегеранской конференции И. Сталин высказывал намерение сурово покарать 50 тыс. офицеров вермахта, находящихся в лагерях НКВД. Но, видимо, получившее негативный международный резонанс в том же 1943 г. «катынское дело» изменило его планы.

Факты репрессий со стороны советского руководства по отношению к пленным офицерам дали основания Б.В. Соколову говорить о политике уничтожения элитных групп обезоруженных военнослужащих противника⁵⁶, что, на наш взгляд, достаточно спорно. Ведь из тех же польских офицеров сталинско-бериевский аппарат впоследствии сформировал командный состав армии В. Андерса. В конце концов, репрессивная политика уступила место трезвому расчету и прагматическим соображениям, наглядным примером чему является создание «Союза немецких офицеров» и его использование в политических целях в 1943–1945 гг.

Принципиально и отличие правового положения иностранных военнопленных от положения советских заключенных. Если в отношении первых советское руководство исходило из принципа «корректного обращения», то основными элементами тюремного и лагерного быта вторых были насилие, произвол, попрание человеческого достоинства при полном безразличии к созданию нормальных условий для существования.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996. С. 19–20.

² См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. М., 2000. С. 60–65.

³ См.: Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 65.

⁴ Текст Положения от 19.09.1939 г. см.: Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997. С. 153–158.

⁵ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956. С. 74–75.

⁶ См.: Там же. С. 75–77.

⁷ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 457.

⁸ См.: Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 49.

⁹ См.: Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. М., 1994. С. 36–37.

¹⁰ См.: Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: Документы / Отв. сост. Н.С. Лебедева. М., 2001. С. 221–223.

Характерно, что одновременно с заявлением советского правительства об окончании репатриации военнопленных от 05.05.1950 г. МВД отменило большинство приказов, директив и распоряжений по содержанию военнопленных, изданных в 1939–1949 гг.⁵⁷ Это еще раз свидетельствует о том, что оставшихся на своей территории военнопленных советское руководство отныне считало военными преступниками, то есть лицами, которые не могут претендовать на преимущества режима военного плена.

Итак, изучение нормативно-правовых актов и архивного материала свидетельствует, что в советском законодательстве в период 1930–1940 гг. проблеме военного плена уделялось большое внимание: были разработаны положения о военнопленных от 19.03.1931 г., 20.09.1939 г., 01.07.1941 г., а также комплекс приказов, директив и инструкций. Основные права военнопленных в годы Великой Отечественной войны были закреплены в Положении о военнопленных, утвержденном постановлением СНК СССР 01.07.1941 г. Если в Женевской конвенции правовой статус военнопленных дифференцировался только в зависимости от воинского звания, то в советском законодательстве большое значение имело «социально-политическое лицо» военнопленного. Несмотря на свою несовершенство и противоречивость, обусловившие многочисленные нарушения режима военного плена, советское законодательство не шло ни в какое сравнение с преступными приказами и директивами фашистского руководства, в которых содержалась установка на уничтожение советских военнопленных по политическим мотивам и расовому признаку.

¹ См.: Конасов В.Б. Суд'by nemeckih voennoplennyh v SSSR: diplomatische, pravovye i politicheskie aspekty problemy. Oчерki i dokumenty. Vologda, 1996. S. 19–20.

² См.: Voennoplennyye v SSSR. 1939–1956: Dokumenty i materialy / Pod red. M.M. Zagorul'ko. M., 2000. S. 60–65.

³ См.: Jazhborovskaja I.S., Jablokov A.Ju., Parsadanova V.S. Katynskij sindrom v sovetско-pol'skih i rossijsko-pol'skih otnoshenijah. M., 2001. S. 65.

⁴ Tekst Polozhenija ot 19.09.1939 g. sm.: Galickij V.P. Finskie voennoplennyye v lagerjah NKVD (1939–1953 gg.). M., 1997. S. 153–158.

⁵ См.: Voennoplennyye v SSSR 1939–1956. S. 74–75.

⁶ См.: Там же. S. 75–77.

⁷ См.: ГУЛАГ: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960 / Pod red. A.N. Jakovleva. M., 2002. S. 457.

⁸ См.: Welokaeva T.A. Pravovoj status inostrannyh voennoplennyh v SSSR (1939–1956 gg.): Dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2000. S. 49.

⁹ См.: Lebedeva N.S. Katyn': prestuplenie protiv chelovechestva. M., 1994. S. 36–37.

¹⁰ См.: Katyn'. Mart 1940 g. – sentjabr' 2000 g.: Rasstrel. Sud'by zhivyh. Jeho Katyni: Dokumenty / Otv. sost. N.S. Lebedeva. M., 2001. S. 221–223.

- ¹¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза: Документы и материалы. М., 1994. Т. 14. С. 24–25.
- ¹² См.: Архив УВД Вологодской области (далее – Архив УВД ВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 385. Л. 208–211; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР: Нормативные документы / Под ред. В.А. Золотарева. М., 1996. Т. 24. С. 37–40.
- ¹³ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956. С. 28, 155–168.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 171–173.
- ¹⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 509–510.
- ¹⁶ См.: Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 475. Л. 316–320.
- ¹⁷ См.: Там же. Д. 461. Л. 34–35; Д. 524. Л. 249–252; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 127–128.
- ¹⁸ См.: Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 475. Л. 20об–22.
- ¹⁹ Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР 1941–1945 гг.: Документы и материалы / Под ред. В.А. Золотарева. М., 1999. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 126; Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 464. Л. 288–300.
- ²⁰ См.: Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Ч. 1 (лист не пронумерован).
- ²¹ Там же. Д. 192. Л. 96–96об.
- ²² См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 451. Л. 287–287об.
- ²³ Там же. Д. 463. Л. 54об.; Д. 471. Л. 15; Д. 483а. Л. 533–533об.
- ²⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 265–266.
- ²⁵ См.: Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Л. 122, 123об.; Д. 475. Л. 94, 93об.; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 75–80.
- ²⁶ См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 32. Л. 4.
- ²⁷ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956. С. 1013.
- ²⁸ См.: Уроки войны с Финляндией. Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 113.
- ²⁹ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 279, 540–552.
- ³⁰ См.: Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 490. Л. 342.
- ³¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 336–337.
- ³² См.: Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 508. Л. 241–242.
- ³³ См.: Там же. Д. 463. Л. 407–415.
- ³⁴ См.: Толивер Р.Ф., Констель Т.Д. Лучший ас Второй мировой. М., 2000. С. 287–317.
- ³⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 306; Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 483 а. Л. 172–172об.
- ³⁶ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956. С. 67, 1023.
- ³⁷ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 51.
- ³⁸ См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956. С. 462–463.
- ³⁹ См.: Архив УВД Архангельской области (далее – Архив УВД АО). Ф. 50. Д. 93а. Л. 25; Материалы проверки кладбищ лагерей военнопленных, дислоцировавшихся на территории Архангельской области за 1949 г. Л. 180; Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 76. Л. 14, 26, 29, 34, 39–39об., 45–45об.; Д. 77. Л. 111, 118об.
- ⁴⁰ См.: Там же. Л. 51; Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 76. Л. 29; Д. 77. Л. 12.
- ⁴¹ См.: Там же; Материалы проверки кладбищ лагерей военнопленных, дислоцировавшихся на территории Архангельской области за 1949 г. Л. 173.
- ⁴² См.: Конасов В.Б. Встанет ли обелиск примирения? // Мезон. 2001. № 6. С. 5–6.
- ⁴³ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42. Л. 237.
- ⁴⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1996. Т. 17. С. 89, 91, 94–96, 104.
- ⁴⁵ Интернирование (от лат. internus – внутренний) – особый режим ограничения свободы (принудительного задержания),
- ¹¹ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. SSSR i Pol'sha: 1941–1945. K istorii voennogo sojuza: Dokumenty i materialy. M., 1994. T. 14. S. 24–25.
- ¹² См.: Arhiv UVD Vologodskoj oblasti (dalee – Arhiv UVD VO). F. 6. Op. 1. D. 385. L. 208–211; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR: Normativnye dokumenty / Pod red. V.A. Zolotareva. M., 1996. T. 24. S. 37–40.
- ¹³ См.: Voennoplennye v SSSR 1939–1956. S. 28, 155–168.
- ¹⁴ См.: Tam zhe. S. 171–173.
- ¹⁵ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 509–510.
- ¹⁶ См.: Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 475. L. 316–320.
- ¹⁷ См.: Tam zhe. D. 461. L. 34–35; D. 524. L. 249–252; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 127–128.
- ¹⁸ См.: Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 475. L. 20ob–22.
- ¹⁹ Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja: Nemeckie voennoplennye v SSSR 1941–1945 gg.: Dokumenty i materialy / Pod red. V.A. Zolotareva. M., 1999. T. 24 (13–2). Kn. 1. S. 126; Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 464. L. 288–300.
- ²⁰ См.: Arhiv UVD VO. F. 10. Op. 1. D. 9. Ch. 1 (list ne pronomerovan).
- ²¹ Tam zhe. D. 192. L. 96–96ob.
- ²² См.: Tam zhe. F. 6. Op. 1. D. 451. L. 287–287ob.
- ²³ Там же. Д. 463. Л. 54об.; Д. 471. Л. 15; Д. 483а. Л. 533–533об.
- ²⁴ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 265–266.
- ²⁵ См.: Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 463. L. 122, 123ob.; D. 475. L. 94, 93ob.; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 75–80.
- ²⁶ См.: Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (dalee – RGVA). F. 1/p. Op. 35a. D. 32. L. 4.
- ²⁷ См.: Voennoplennye v SSSR 1939–1956. S. 1013.
- ²⁸ См.: Uroki vojny s Finljandiej. Neopublikovannyj доклад narkoma oborony SSSR K.E. Vorosilova na plenumе CK VKP(b) 28 marta 1940 g. // Novaja i novejšhaja istorija. 1993. № 4. S. 113.
- ²⁹ См.: GULAG: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960 / Pod red. A.N. Jakovleva. M., 2002. S. 279, 540–552.
- ³⁰ См.: Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 490. L. 342.
- ³¹ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 336–337.
- ³² См.: Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 508. L. 241–242.
- ³³ См.: Там же. Д. 463. Л. 407–415.
- ³⁴ См.: Toliver R.F., Konsteb' T.D. Luchshij as Vtoroj mirovoj. M., 2000. S. 287–317.
- ³⁵ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 306; Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 483 a. L. 172–172ob.
- ³⁶ См.: Voennoplennye v SSSR 1939–1956. S. 67, 1023.
- ³⁷ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja: Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 51.
- ³⁸ См.: Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. S. 462–463.
- ³⁹ См.: Arhiv UVD Arhangel'skoj oblasti (dalee – Arhiv UVD AO). F. 50. D. 93a. L. 25; Materialy proverki kladbiv lagerej voennoplennyh, dislocirovavshijsja na territorii Arhangel'skoj oblasti za 1949 g. L. 180; Arhiv UVD VO. F. 10. Op. 1. D. 76. L. 14, 26, 29, 34, 39–39ob., 45–45ob.; D. 77. L. 111, 118ob.
- ⁴⁰ См.: Там же. Л. 51; Arhiv UVD VO. F. 10. Op. 1. D. 76. L. 29; D. 77. L. 12.
- ⁴¹ См.: Там же; Materialy proverki kladbiv lagerej voennoplennyh, dislocirovavshijsja na territorii Arhangel'skoj oblasti za 1949 g. L. 173.
- ⁴² См.: Konasov V.B. Vstanet li obelisk primirenija? // Mezon. 2001. № 6. S. 5–6.
- ⁴³ Arhiv UVD VO. F. 10. Op. 1. D. 42. L. 237.
- ⁴⁴ Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Glavnye politicheskie organy Vooruzhennyh Sil SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: Dokumenty i materialy. M., 1996. T. 17. S. 89, 91, 94–96, 104.
- ⁴⁵ Internirovanie (ot lat. internus – vnutrennij) – osobyj rezhim ograničenija svobody (prinuditel'nogo zaderzhanija),

устанавливаемый одной воюющей стороной в отношении гражданского населения другой стороны или нейтральным государством в отношении оказавшихся на его территории солдат и офицеров воюющих сторон. Интернированные, как правило, помещаются в определенную местность, которую им запрещается покидать. (см. подр.: Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 10. С. 332).

⁴⁶ М.И. Семиряга подчеркивал, что «депортация практически всего мирного населения, оказавшегося на занятой нашими войсками территории, была не чем иным, как осужденной международным правом практикой заложничества». (см.: Семиряга М.И. Приказы, о которых мы не знали // Новое время. 1994. № 15. С. 57).

⁴⁷ См.: Полевой Б. В конце концов. Нюрнбергские дневники. М., 1969. С. 101–102, 158–159.

⁴⁸ См.: Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / Сост. Е.Я. Трояновская. М., 1990. С. 71.

⁴⁹ См.: Болдырев К.В. Менхегоф – лагерь для перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 119.

⁵⁰ См.: Хастингс М. Операция «Overlord»: Как был открыт второй фронт / Пер. с англ. М., 1989. С. 132; 309–310.

⁵¹ См.: Там же. С. 132, 307, 309.

⁵² См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: В 4 кн. М., 1999. Кн. 4. Народ и война. С. 195.

⁵³ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 245–246.

⁵⁴ Цит. по: Долматовский Е.А. Зеленая брама: Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. М., 1989. С. 107.

⁵⁵ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 75. Л. 223об.

⁵⁶ См.: Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне: Сб. ст. СПб., 1998. С. 26.

⁵⁷ См.: Приказ МВД № 001097 от 16.12.1949 г. «Об отмене приказов, циркуляров, директив, приказаний и распоряжений НКВД-МВД СССР, изданных по работе лагерей МВД для военнопленных» // Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 528. Л. 343.

ustanavlivaemyj odnoj vojujuwej storonoj v otnoshenii grazhdanskogo naselenija drugoj storony ili nejtral'nym gosudarstvom v otnoshenii okazavshihjsja na ego territorii soldat i oficerov vojujuwih storon. Internirovannnye, kak pravilo, pomewajutsja v opredelennuju mestnost', kotoruju im zaprewaetsja pokidat'. (sm. podr.: Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. M., 1972. T. 10. S. 332).

⁴⁶ M.I. Semirjagapodcherkival, chto «deportacija prakticheski vsego mirnogo naselenija, okazavshegosja na zanjatoj nashimi vojskami territorii, byla ne chem иным, kak osuzhdennoj mezhdunarodnym pravom praktikoj zalozhnichestva». (sm.: Semirjaga M.I. Prikazy, o kotoryh my ne znali // Novoe vremja. 1994. № 15. S. 57).

⁴⁷ Sm.: Polevoj B. V konce koncov. Njurnbergskie dnevniki. M., 1969. S. 101–102, 158–159.

⁴⁸ Sm.: Vtoraja mirovaja vojna v vospominanijah U. Cherrhillja, Sh. de Gollja, K. Hjella, U. Legi, D. Jejzenhaujera / Sost. E.Ja. Trojanovskaja. M., 1990. S. 71.

⁴⁹ Sm.: Boldyrev K.V. Menhegof – lager' dlja peremewennyh lic (Zapadnaja Germanija) // Voprosy istorii. 1998. № 7. S. 119.

⁵⁰ Sm.: Hastings M. Operacija «Overlord»: Kak byl otkryt vtoroj front / Per. s angl. M., 1989. S. 132; 309–310.

⁵¹ Sm.: Tam zhe. S. 132, 307, 309.

⁵² Sm.: Velikaja Otechestvennaja vojna. 1941–1945. Voennostoricheskie ocherki: V 4 kn. M., 1999. Kn. 4. Narod i vojna. S. 195.

⁵³ Sm.: Rossija i SSSR v vojnah XX veka: Statisticheskoe issledovanie. M., 2001. S. 245–246.

⁵⁴ Cit. po: Dolmatovskij E.A. Zelenaja brama: Dokumental'naja legenda ob odnom iz pervyh srazhenij Velikoj Otechestvennoj vojny. M., 1989. S. 107.

⁵⁵ Arhiv UVD VO. F. 10. Op. 1. D. 75. L. 223ob.

⁵⁶ Sm.: Sokolov B.V. Pravda o Velikoj Otechestvennoj vojne: Sb. st. SPb., 1998. S. 26.

⁵⁷ Sm.: Prikaz MVD № 001097 ot 16.12.1949 g. «Ob otmene prikazov, cirkuljarov, direktiv, prikazanij i rasporjazhenij NKVD-MVD SSSR, izdannyh po rabote lagerej MVD dlja voenno-plennyh» // Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 528. L. 343.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних в Северо-Западном федеральном округе России

■ **В.Ф. ЛАПШИН** – начальник кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

С 2010 г. на базе кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России функционирует внештатная научно-исследовательская лаборатория по изучению проблем предупреждения преступности несовершеннолетних на территории Северо-Западного федерального округа (далее – ВНИЛ). В ее состав входят сотрудники Кафедры, представители кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск) и представители Министерства юстиции земли Шлезвиг-Гольштейн (Германия). В рамках деятельности ВНИЛ проводятся три диссертационных научных исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

Вопросы предупреждения и профилактики детской и подростковой преступности во все времена вызвали научно-практический интерес. Прежде всего это связано с тем, что данный вид преступности имеет сверхвысокую общественную опасность. Можно утверждать, что преступивший закон ребенок (подросток) в будущем проявит повышенную склонность к совершению уголовно наказуемых посягательств. Будучи не сформировавшейся в духовном отношении личностью, несовершеннолетний может получить неверные антисоциальные установки, что приведет его к стойкой преступной деятельности. В то же время невмешательство в процесс воспитания трудных подростков впоследствии может крайне негативно отразиться на реализации исправительной

и превентивной функций уголовного наказания. Отсутствие у несовершеннолетних страха перед уголовным наказанием, а в ряде случаев и стремление оказаться в местах лишения свободы сводит на нет работу правоохранительной системы и органов социальной адаптации осужденных.

Преступность несовершеннолетних не есть только социально негативный процесс, протекающий в Северо-Западном федеральном округе России – она представляет угрозу для всего государства. К сожалению, современное социально-экономическое и нравственно-духовное состояние российского общества лишь способствуют ее росту. В основе положительной динамики преступности несовершеннолетних лежат социальные неблагополучие населения, падение уровня жизни большинства семей, дистанцирование школы и общественных организаций от трудных подростков, криминализация среды их общения, массовые нарушения прав несовершеннолетних и проч.

Преступность несовершеннолетних не существует автономно, поскольку она, как и любое иное социальное явление, представляет собой своеобразный индикатор, характеризующий ситуацию в обществе. В разных регионах России тенденции преступности несовершеннолетних неодинаковы. В связи с этим в настоящее время очень высока актуальность изучения проблем предупреждения преступности несовершеннолетних, поиска путей противодействия ей в целом, а также выявления региональных особенностей и оказания воздействия на них.

Объектом исследования ВНИЛ являются общественные отношения, возникающие в связи предупреждением и противодействием

вию преступности несовершеннолетних на территории Северо-Западного федерального округа России. В качестве предмета исследования можно обозначить теоретическую, правовую и организационную деятельность федеральных и региональных органов и учреждений, общественных организаций, которые осуществляют общее и специальное предупреждение преступности несовершеннолетних на территории Северо-Западного федерального округа России.

Основная цель исследования заключается в разработке новых методов предупреждения преступности несовершеннолетних и их внедрении в деятельность воспитательного центра (воспитательной колонии) и образовательных учреждений закрытого типа, функционирующих на территории Северо-Западного федерального округа России.

Для достижения указанной цели предполагается решить в ходе проведения исследования следующие задачи:

- изучение уголовно-правовой статистики – основных показателей преступности несовершеннолетних в Северо-Западном федеральном округе России;
- выявление причин, по которым несовершеннолетние впервые совершают уголовно наказуемое деяние, а также условий, способствующих совершению преступления впервые;
- анализ эффективности применения в отношении несовершеннолетних мер, не связанных с лишением свободы;
- анализ эффективности применения принудительных мер воспитательного воздействия;
- определение основных мер, применяемых к несовершеннолетним, отбывающим наказание в виде лишения свободы;
- определение условий и оснований для условно-досрочного освобождения несовершеннолетних от дальнейшего отбывания наказания;
- анализ эффективности применения наказаний к лицам, имеющим судимость за преступление, совершенное в подростковом возрасте;
- изучение опыта предупреждения преступности несовершеннолетних и профилактики совершения ими правонарушений в отдельных странах Западной Европы;
- подготовка предложений по изменению и дополнению действующего федерального и регионального законодательства по вопросам предупреждения преступности несовершеннолетних.

Преобразование воспитательных колоний в воспитательные центры с обычным и усиленным наблюдением, несомненно, будет способствовать более эффективному исправлению несовершеннолетних осужденных, предупреждению совершения ими новых преступлений.

Принудительные меры воспитательного воздействия, наказания, не связанные с изоляцией от общества, должны превалировать над наказаниями в виде лишения свободы. Применение лишения свободы к несовершеннолетнему преступнику должно рассматриваться как крайняя мера, поскольку ни одно менее строгое наказание не способно достигнуть соответствующих превентивных целей.

Библиографическая база исследования состоит из общенаучной и специальной литературы, посвященной проблемам становления и развития системы пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в России и за рубежом, вопросам организации режима и надзора, проблемам осуществления социальной, психологической, воспитательной и иной работы с осужденными подростками.

Источниками информации, необходимой для проведения исследования, являются также действующее российское законодательство; нормы международных правовых документов и стандартов, в том числе Европейские пенитенциарные правила, требования Европейской конвенции по правам человека, процедурные решения Европейского суда по правам человека; зарубежный и отечественный опыт в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных. Исследование основано также на решениях, планах, программах и иных документах, принятых органами государственной власти в ходе реформирования уголовно-исполнительной системы России.

Особое внимание в работе ВНИЛ предполагается уделить сбору и анализу эмпирических данных о деятельности воспитательных колоний (далее – ВК). Эмпирическую базу исследования составят статистические и иные данные об исполнении наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных и деятельности ВК, материалы обследования несовершеннолетних, отбывающих лишение свободы, результаты анкетирования сотрудников ВК и самих воспитанников.

Методологическую основу исследования образует диалектико-материалистический метод, методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, позволяющие объективно уяснить суть и содержание исследуемой проблематики, обеспечить всесторонний анализ проблем, связанных с предупреждением преступности несовершеннолетних.

Сложность и многоаспектность темы исследования обуславливает необходимость применения комплексного подхода, который позволит определить содержание каждого из элементов (методов противодействия преступности несовершеннолетних) применительно как к Северо-Западному федеральному округу, так и к России в целом, а также выявит их взаимосвязь.

Поставленные задачи будут решаться также с помощью таких общепринятых в правовых исследованиях методов, как историко-правовой, сравнительно-правовой, логико-юридический, статистический и др. Всесторонне рассмотреть объект исследования позволит применение частнонаучных методов, в том числе социологических, педагогических, психологических и др.

Программа деятельности ВНИЛ рассчитана до 2014 г. включительно. За истекший период были подготовлены следующие научные работы, посвященные отдельным аспектам противодействия преступности несовершеннолетних:

– научный доклад «Средства предупреждения преступности несовершеннолетних» (2010 г.);

– аналитический обзор «Опыт воспитательной работы и профилактики совершения правонарушений в воспитательных колониях Северо-Западного федерального округа (на примере ФБУ "Колосовская ВК УФСИН России по Калининградской области")» (2010 г.);

– научный доклад «Определение тенденций развития преступности несовершеннолетних в Российской Федерации на период до 2015 года с учетом этнических характеристик и фактических миграционных потоков из стран СНГ» (2010 г.);

– учебное пособие «Детерминированный комплекс повторного совершения преступлений несовершеннолетними в воспитательных колониях и пути его нейтрализации» (2011 г.);

– научный доклад «О состоянии преступности несовершеннолетних в Северо-Западном федеральном округе» (2011 г.).

Кроме того, в 2010 г. на базе кафедры проведен межведомственный научно-практический семинар «Наказание в условиях гуманизации уголовной политики России», а в 2011 г. – международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы применения уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних».

В настоящее время авторский коллектив продолжает осуществление научных исследований, направленных на решение задач и достижение целей, заявленных в программе деятельности ВНИЛ на период 2010–2014 гг. ■

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на курс лекций
«Противодействие коррупции»

З.С. ЗАРИПОВ – профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Академии права и управления ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

Представленный на рецензирование курс лекций является своевременным, так как посвящен очень актуальной проблеме – противодействию коррупции, которое в настоящее время обозначено как одно из приоритетных направлений внутренней политики Российской Федерации. Изучение причин возникновения коррупции, ее социальной базы, имеющиеся в правоприменительной практике трудности, возникающие при реализации различного рода правовых средств борьбы с этим явлением, требуют детального рассмотрения указанных проблем применительно к современной российской действительности. Коррупция отрицательно влияет на авторитет публичной власти, подрывает доверие населения к правоохранительным органам, одной из целей деятельности которых является защита законных интересов гражданина, общества и государства.

В рецензируемом курсе лекций широко использованы и проанализированы нормы российского и международного законодательства в сфере противодействия коррупции, судебная практика, статистические сведения о коррупционной преступности, приводятся данные социологических исследований, имеется достаточно объемный список использованной при подготовке материалов лекций научной литературы.

Авторы рассмотрели различные подходы к понятию коррупции, включая трактовку действующего закона, выделили основные факторы возникновения и развития коррупции, сформулировали направления профилактики коррупционных правонарушений, профилактики профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов и их подготовки к антикоррупционному воспитанию населения, выделили меры предупреждения коррупции в образовательных учреждениях ФСИН России.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о высоком качестве данной работы и о необходимости ее применения при преподавании правовых дисциплин в высших учебных заведениях.

Вывод: курс лекций «Противодействие коррупции», подготовленный коллективом авторов – сотрудников ВИПЭ ФСИН России под редакцией кандидата юридических наук Смеловой С.В., соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода работам, и может быть рекомендован для опубликования с дальнейшим использованием в учебном процессе.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Колосков А.М. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 163 с. – ISBN 978-5-94991-175-4

В монографии рассматривается дисциплинарная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы как одно из основных средств обеспечения служебной дисциплины в органах и учреждениях, исполняющих уголовные наказания. Автором исследуются основания дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также дисциплинарное производство в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы.

На основе анализа действующих правовых актов и дисциплинарной практики органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, автором разработаны предложения по совершенствованию правового регулирования дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Монография адресована преподавателям, курсантам и слушателям образовательных учреждений ФСИН России.

Заурова Э.В. Приобщение к искусству как средство педагогической коррекции ценностных ориентаций молодых осужденных: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 352 с. – ISBN 978-5-94991-176-1

В монографии освещаются основные проблемы процесса приобщения к искусству как средства педагогической коррекции ценностных ориентаций молодых осужденных, формирования их нравственно-ценностных ориентаций в условиях пенитенциарного учреждения, анализируются теоретические и практические аспекты решения этой проблемы в современных условиях, раскрываются особенности и сущность данного процесса, рассматриваются факторы, влияющие на него.

Работа предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей ведомственных учебных заведений, а также сотрудников пенитенциарных учреждений, организующих воспитательный процесс, и всех тех, кто занимается воспитанием правонарушителей в специальных закрытых учреждениях.

Особенности уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 25 ноября 2010 г.) / Под ред. А.А. Крымова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 195 с. – ISBN 978-5-94991-182-2

В настоящий сборник вошли материалы выступлений докладчиков международной научно-практической конференции, состоявшейся 25 ноября 2010 г. и посвященной проблемам уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России. В работе конференции приняли участие представители образовательных учреждений Беларуси, Казахстана и Украины, сотрудники ФСИН России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Минобрнауки России, практические работники уголовно-исполни-

тельной системы, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Сборник материалов конференции будет интересен широкому кругу читателей: курсантам и слушателям, адъюнктам и аспирантам, преподавателям и научным сотрудникам юридических вузов, научно-исследовательских учреждений. Также сборник может быть использован практическими работниками правоохранительных органов.

Кондрашин О.В. и др. Психологические основы обучения стрельбе: Учебное пособие / О.В. Кондрашин, С.М. Никитюк, О.Н. Ракитская, С.М. Смолев, Б.О. Смолин: Рекомендовано УМО по образованию в области подготовки педагогических кадров в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 050706.65 – Педагогика и психология. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 123 с. – ISBN 978-5-94991-181-5

Учебное пособие содержит теоретические материалы, раскрывающие психологические особенности осуществления стрельбы и их физиологическую основу, а также научно-практические и методические рекомендации по организации обучения стрельбе из спортивного и боевого оружия на основе психологической подготовки стрелка.

Издание адресовано курсантам и слушателям высших учебных заведений ФСИН России, обучающимся по специальности 030301 – Психология, а также сотрудникам учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, и органов внутренних дел, адъюнктам, соискателям и преподавателям ведомственных образовательных учреждений.

Противодействие коррупции: Курс лекций / Отв. ред. С.В. Смелова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 172 с. – ISBN 978-5-94991-177-8

В курсе лекций рассматриваются истоки формирования, сущность, правовые основы и организационное обеспечение антикоррупционной политики Российского государства. Анализируются понятие, основные свойства и меры предупреждения коррупционной преступности; признаки коррупционных преступлений; методика антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов); проблемы психолого-педагогической профилактики профессиональной деформации сотрудников правоохранительной системы и их подготовки к антикоррупционному воспитанию населения; меры предупреждения коррупции в образовательных учреждениях ФСИН России.

Издание подготовлено с учетом современного российского законодательства по состоянию на 15 октября 2010 г. и практики его применения, а также международного опыта в сфере противодействия коррупции.

Курс лекций предназначен для курсантов, слушателей, студентов высших образовательных учреждений юридического профиля, адъюнктов, соискателей, преподавателей, практических работников уголовно-исполнительной системы и всех тех, кто интересуется проблемами противодействия коррупции.

Савельева В.А. и др. Охрана и рациональное использование водных ресурсов в производственной и хозяйственной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы: Методические рекомендации / В.А. Савельева, И.А. Галкина, М.М. Андропова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 156 с. – ISBN 978-5-94991-180-8

В издании подробно рассмотрены основные вопросы, касающиеся рационального использования и охраны водных объектов в процессе производственной и хозяйственной деятельности, значительное внимание уделено порядку ведения документации по охране водных объектов, предоставлению статистической отчетности в сфере водопользования, платежам за пользование водными объектами.

Методические рекомендации адресованы специалистам, курирующим вопросы экологии в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Всероссийское совещание начальников психологических служб территориальных органов ФСИН России (5-8 сентября 2011 г.)

С 5 по 8 сентября на базе Вологодского института права и экономики проводилось Всероссийское совещание начальников психологических служб территориальных органов ФСИН России, в котором приняло участие свыше 120 чел. Дата совещания совпала с очередной годовщиной психологической службы уголовно-исполнительной системы: 2 сентября ей исполнилось 19 лет.

С приветственным словом о состоянии и перспективах психологического сопровождения подозреваемых, обвиняемых и осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы выступил начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России генерал-майор внутренней службы Валерий Юрьевич Трофимов.

Участники совещания обсудили вопросы психологического сопровождения деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы в соответствии с концептуальными положениями ее развития, организации профессионального отбора в уголовно-исполнительную систему и проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа, психологического обеспечения сотрудников, несущих службу с оружием. Были обозначены актуальные проблемы деятельности психологической службы системы: преобладание экспресс-диагностики над углубленным психологическим обследованием, подмена психокоррекционных мероприятий мероприятиями психопрофилактического характера, преобладание воспитательной составляющей над психологической в практической деятельности пенитенциарных психологов, отсутствие системы в проведении психокоррекционной работы с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, низкое качество составления психологических заключений по результатам обследований и эмпирически не подтвержденных рекомендаций, допущение искажения статистических данных о работе психологической службы, предоставляемых во ФСИН России, с целью повышения рейтинга территориального органа.

Подвел итоги совещания начальник управления кадров ФСИН России полковник внутренней службы Андрей Владимирович Романов, который отметил высокий уровень организации мероприятия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаян С.Л., ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, докторант Академии управления МВД России. E-mail: bsl09@mail.ru

Белова Н.А., преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук. E-mail: nadebelova@yandex.ru

Гаврилов Б.Я., заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств. E-mail: Profgavriliv@yandex.ru

Гончаров Н.В., депутат Государственной Думы пятого созыва, член комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, кандидат социологических наук. E-mail: Goncharov2@duma.ru

Жданов И.Ю., аспирант Московской юридической академии им. О.Е. Кутафина. E-mail: zhdanovivan@ya.ru

Злотников С.А., начальник ФКУ ИК-34 ОИК-36 ГУФСИН России по Красноярскому краю. E-mail: Zlser2008@yandex.ru

Зубарев С.М., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: zubarevsm@rambler.ru

Зубова А.О., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России. E-mail: grp@samlawin.ru

Казаринова Л.В., старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: c.crasotka2010@yandex.ru

Кириченко В.М., начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России. E-mail: kirichenko35@yandex.ru

Кругликов Л.Л., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: jurfac@univ.unijar.ac.ru

Кругликова О.В., преподаватель кафедры криминологии Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: kruglikovaov@mail.ru

Кузьминых А.Л., доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: alk@inarnet.ru

Миннигулова Д.Б., доцент кафедры гражданского права Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: minnidinara@mail.ru

Мирошниченко Н.В., заведующий кафедрой права Ставропольского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук. E-mail: 11081975@list.ru

Михайлов А.Н., преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России. E-mail: pozdnyakov@flc.ru

Поздняков В.М., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор. E-mail: pozdnyakov@flc.ru

Свило С.М., доцент кафедры уголовного права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук. E-mail: sveta-126@tut.by

Сысоев А.М., начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: sam3110@rambler.ru

Черкасова М.А., начальник кафедры организации психологического службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России. E-mail: marina_vvk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Babayan S.L., doctor of law, deputy chief of laboratory Scientific Research institute of Federal Penitentiary Service, colonel interior service. E-mail: bsl09@mail.ru

Belova N.A., the candidate of historical sciences, the teacher of chair of philosophy and history, the Vologda Institute of Law and Economics of The Federal Penal Service of Russia. E-mail: nadebelova@yandex.ru

Gavrilov B.J., chief of the crime investigation management chair, the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, member of Petrovskaya Academy of Arts and Sciences. E-mail: Profgavriliv@yandex.ru

Goncharov N.V., deputy of State Duma of the 5th convocation, a member of the committee on civil, criminal, arbitral and procedural legislation, PhD in Social Studies. E-mail: Goncharov2@duma.ru

Kazarinova L.V., PhD in law, Senior Lecturer, The Criminal Procedural Law Chair, The Voronezh Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Colonel of domestic services. E-mail: c.crasotka2010@yandex.ru

Kirichenko V.M., chief of the Investigation and search operations chair, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, colonel of domestic services. E-mail: kirichenko35@yandex.ru

Kruglikov L.L., chief of the Criminal Law and Criminology Chair, Yaroslavl State University n.a. P.G. Demidov, Professor, Honoured Worker of Science, Doctor of Law. E-mail: jurfac@univ.unijar.ac.ru

Kruglikova O.V., a teacher of the chair of criminalistics of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian. E-mail: kruglikovaov@mail.ru

Kuzminykh A.L., an assistant professor of philosophy and history department of the Vologda Institute of

Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of history sciences, a docent, working for doctor's degree of the domestic Russian history chair in the Pomor State Unoversity named after Lomonosov M.V. E-mail: alk@inarnet.ru

Mikhaylov A.N., a lecturer of The Juridical Psychology and Pedagogics Chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: pozdnyakov@flc.ru

Minnigulova D.B., the senior lecturer of chair of civil law The Bashkir academy of public service and management at the President of republic Bashkortostan the candidate of jurisprudence, the senior lecturer. E-mail: minnidinara@mail.ru

Miroshnichenko N.V., PhD in Law, Head of the Chair of Law Stavropol State Agrarian University. E-mail: 11081975@list.ru

Pozdnyakov V.M., professor of The Legal Psychology and Pedagogics Chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Psychology, Professor. E-mail: pozdnyakov@flc.ru

Svilo S.M., docent of the chair of Criminal Law and Criminology of the educational establishment «Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus», Candidate in law. E-mail: sveta-126@tut.by

Sysoev A.M., chief of the Law Faculty the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Psychology, Associate Professor. E-mail: sam3110@rambler.ru

Tcherkasova M.A., fulfilling duties of the chief of chair of the organization of psychological service in criminallyexecutive system, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: marina_vvk@mail.ru

Zhdanov I.J., the postgraduate student 1ro a course of the Moscow legal academy of a name of O.E. Kutafina. E-mail: zhdanovivan@ya.ru

Zlotnikov S.A., chief of the correctional facility № 34 of the Federal Penal Service on the Krasnoyarsk region, lieutenant colonel of domestic services. E-mail: Zlser2008@yandex.ru

Zubarev S.M., professor of the Chair of the penal law and organizational and educational work with prisoners, PhD in law, Associate Professor. E-mail: zubarevsm@rambler.ru

Zubova A.O., a teacher of Civil end legal Disciplines of Samara Law Institute of Federal Service of Execution of Punishments of Russia. E-mail: grp@samlawin.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ-НАКАЗАНИЕ-ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-36704
ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс

E-mail:
vestnikvipe@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России
Подписано в печать 30.09.11
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 3336
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям оформления.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.